

*Светлая память Крылову В.И. –
Человеку, Герою, Мужу, Отцу, Деду...*

18 января 2001 года
г.Шахтерск
ул.Жуковского, дом 1

На память внукам.

Людмиле

Александрю

Артему

Юле.

Посвящаю. ДЕД.

Знаю прекрасно, для меня этот труд будет очень трудным, сложным, а может быть и непостижим, так как время свое берет, голова думает все хуже, даты моей жизни с каждым днем все больше и больше выветриваются, а хотелось бы оставить своим внукам, которых я любил, люблю и буду любить до самой последней минуты своей жизни. Память о себе.

Поэтому хотелось бы описать свою жизнь, свою деятельность события в моей жизни, как и жизнь для меня близких людей: родственников, друзей, соседей и других людей которые мне помогали, советовали в трудные минуты моих действий, моей службы, работы и просто повседневной, прошедшей, уже не короткой моей жизни.

На пороге уже 77 год. Возраст приличный, а тут болячки липнут к моей старости, как мухи до меда.

Как-то во время встречи ветеранов 6-ой гвардейской Краснознаменной танковой армии в Волгограде с бывшим пропагандистом и агитатором 18-ой гвардейской механизированной бригады с Карпусем Г.К., в разговоре он спросил меня, а Вы, Владимир Иванович, оставили что-нибудь своим внукам на память о себе. Вам есть что рассказать о себе им, Вы родину защищали ни где-нибудь в тылу, а на передовых позициях на фронтах Великой Отечественной Войны. Посоветовал мне обязательно оставить что-либо на

память ни кому-нибудь, а своим внукам. Может быть и правда что когда-нибудь у моих внуках их внуки спросят об этой войне так как эта война не Куликовская битва хотя и эта битва грандиозное сражение было, но ни сколько не сравнима с этой проклятой всем нашим народом войной где мы потеряли 20 миллионов человек. 1700 городов были полностью разрушены в захваченных немцами районах была полностью разрушена промышленность поселки, колхозные деревни, колхозное хозяйство. Сколько же усилий надо было приложить чтобы это все восстановить и вновь построить,- поистине титанический труд моего народа моего поколения. Мы выстояли, Мы победили. Завещаю и вам мои дорогие внуки, и вашим внукам всегда помнить эту войну и ценить этот народ, который все выдержал, все трудности победил.

КОМАРОВКА

Ваш Дед Крылов Владимир Иванович родился в деревне Комаровке, Липовского с/совета, Рассказовского района, Тамбовской области. Возможно возникнет вопрос? Почему Комаровка? Когда осваивался этот район то в этих местах был лес, свидетельством тому и теперь при моей жизни не далеко от моей деревни находится Буерак, так вот Буерак и теперь называется Березовым с восточной стороны за Буераком находится ГАЙ. Так вот по дороге в ГАЙ и справа и слева сохранились муравьиные кочки.

Деревня Комаровка разместилась на правом берегу небольшой речушки которая называется Нару – Тамбовка. Нару – Тамбовка впадает в реку Цна, Цна в реку Оку, река Ока впадает в реку Волга. Я всегда мечтал и думал что и наша вода питает Каспийское море. Наша речушка не глубока и неширока, что в некоторых местах можно перепрыгнуть, но местами есть глубокие и широкие омуты, где раздолье для ребятни в летнее время, и для любителей рыбной ловли посидеть около какого – либо омута с удочкой.

На противоположной стороне разместилось село Алексеевка. Имелось в ней церковь, барское поместье спиртовой завод. Во время революции

спиртзавод был разорен и растащен жителями Алексеевки, такое же положение потерпела и поместье барина Асеева.

С восточной стороны деревни в семи километрах расположено село Пичер. Село большое, когда – то располагалось МТС (машино – тракторная станция). В первый период обслуживало трактора для сельско – хозяйственных работ, в только – что организованных колхозах. В селе размещалась средняя школа и коммутатор телефонной связи с ближе лежащими сельскими советами.

С северной стороны в десяти километрах располагалось районный центр город Рассказов, куда нас маленькими возили летом на ярмарки, и конечно покупали нам гостинцы и мороженое. В этом городе было две суконных фабрики одна из которой была собственностью барина Асеева, прядильная фабрика, спиртовой завод, мелькомбинат и другие мелкие предприятия по переработке сельхозпродукции.

На противоположном берегу с западной стороны расположено большое село Верхнее – Спасское, протяженностью более семи километров. Это село делилось на несколько населенных пунктов, которые были объединены в одно целое село. В нее входили Осиновка, поперечная Осиновка, Балдон и центр села.

Западной села Верхнее – Спасское было, оно и есть Нижнее – Спасское, протяженность которой более десяти километров.

Первопроходцы деревни Комаровки дома свои строили из кирпича, обжиг которого делали в ямах за гумном. Обжиг производили соломой. Я даже свидетелем являюсь, когда производилась эта работа. Тогда мне было пять – шесть лет, и мы ребятня бегали к этим ямам, чтобы посмотреть все происходящее.

Я хорошо помню зарождение колхозов в которые жители деревни записывались не на добровольных началах, а на принудительных.

У моего отца как и у обычного крестьянина была лошадь, невзрачная телега, соха (которой распахивали землю), борона и плуг на 2 – 3 семьи. В

хозяйстве отца была корова, овцы 4-5 шт., куры. Дом который был построен из местного кирпича еще моим прадедом, так вот при дележе моему отцу досталось одна небольшая комната, в которой находилась русская печь, кровать отца с матерью, стол и лавки (скамейки), тут же лоханка для поила коровы. Нам ребятни, а нас было пятеро: старший брат Анатолий с 1922 года рождения, потом родился Я в 1924 году, затем сестра Тоня - 1927 года, сестра Зина – 1929 года и Саша который вероятно родился или в 1931г. или 1932г. Я хорошо помню что он умер как дожив до нового урожая в 1933г. Заболел он золотухой под мышкой у него была какая – то опухоль и бабка – повитуха Матрена, которая во всей деревне принимала роды и лечила младенцев сказала матери моей, купать его мать-и-мачехой, которая росла возле речки. Мать моя очень часто меня посылала к речке, чтобы нарвать траву «мать-и-мачеха» для купания маленького Саши.

Когда еще было единоличное хозяйство мы с отцом поехали на свое поле за ближнюю лощину, где была посеяна рожь и в которой завелся суслик. Отец набрал бак воды, и взяв косу, чтобы там накосить травы для коровы. Отец занялся своим делом с сусликом, а мне приказал держать лошадь. Время было скоро убирать рожь, а в это время всегда донимали животных оводы (такие большие мухи) и лошадь отбивалась от этих оводов, махая при этом головой, как-то ударила меня по носу – кровь побежала ручьем, я заплакал и отцу пришлось бросить затею с сусликом и поехать до дому, уговаривая меня от этой болячки.

Еще один эпизод из моего малолетнего времени. Как – то отец с матерью собрались поехать к бабушке на своей лошади. Взяли и нас ребятшек – Анатолия, Я, и наверное Тоня – маленькая была. Бабушка по материнской линии проживала в селе Липовка. Туда доехали все нормально было, а когда выехали на свое гумно лошадь подхватила и понесла нашу телегу в разнос. С ним, с конем бывало и раньше такое. Отец держит его вожжами направляя на скирду соломы и кричит матери, чтобы она прыгала, она только соскочила с телеги, и телега наша перевернулась, и мы детвора

оказались накрытые телегой. Но все обошлось хорошо, кроме как мы перепугались и стояли залихватски оралы с перепуга. Вскоре отец продал этого коня, купил другую кобылу, которая принесла жеребенка, мать наша которая все отпаивала коровьим молоком. Потом позже эти лошади долго служили своей работой в колхозе. В колхозе их именовали: старую – Бездельница, она была уже старой пристарой и выполняла работу по хозяйству (привезти воды или что – то другое по хозяйству), а коняшка наша превратилась в хорошую работающую лошадь имя которой дали «Теплая».

В 1934 году мы переехали жить на старую деревню. Там мы купили старый двухэтажный дом потом мы его перестроили в одноэтажный, так как в том доме опасно становилась жить. Потолок частями трещал, сыпалось с него, и когда бывало затрещит, мать нас как наседка звала к двери или вообще на улицу. Зато усадьба была хороша. Огромный сад, хоть и старый, но он еще долго служил нам. В саду было 8 груш (из них 2 «бергамот», 2 груши – мелкие, а остальные «дули» - так мы их называли). Восемь антоновок, 2 яблони скороспелки, 2 буровиновки, медовика, две пресных яблони - очень вкусные плоды. С этими пресными был курьез.

В селе Алексеевке была учительница начальных классов Ольга Петровна, она в своей речи, в разговоре с учениками, толи со взрослыми никогда не произносила слово с буквой «Р» заменяя его на какие – нибудь другие, например: 1 рубль она говорила - один целковый, три рубля - зелененькое. Она сидит с матерью разговаривает и просит меня принести ей яблоки с яблони Казачка, а в нашем саду 75 корней яблонь, груш и мы никогда не называли яблони Казачкой. Пришлось мне несколько раз бегать в сад, чтобы найти ей Казачку.

Вокруг сада росли: черемуха, рябина, калина, ежевика, ветла огромные, акация, сирень. В те далекие времена сад нашу семью здорово выручал. Мы часто продавали урожай, так как возле нашего дома проходила дорога (тракт) на г.Рассказово. Раньше на подводах ехали люди на базар с большой округи, везли все что выращивали у себя в хозяйстве: коров, овец, гусей, кур, яйца,

сметану, масло коровье топленое и другие продукты. А у нас брали яблоки. Груши.

Как в каждом селе, деревни были школы. В начале 1 - 3 классы, Я ходил у себя в деревне, в четвертый стал ходить в село Алексеевка, а уж потом 5 – 7 класс ходил в Липовку, там была неполная средняя школа. В то время, когда я учился, детворы было много, и нам пацанам было весело ходить до Липовки, 7 км - мы не замечали расстояние, дорогой шутки, а когда наступала глубокая осень и зима, мы из школы уходили поздно затемно, всегда дразнили и пугала девчонок. В те времена девчонки ребят уважали, были случаи, когда они жаловались своим классным руководителям, тогда нам попадала на всю катушку.

Около нашего дома был колодец. В жаркое лето люди толпой стояли около колодца, сами доставали сами пили, кружка всегда стояла у колодца, а ведро весело на цепи журавля. В колодце была такая холодная вода, что кружку залпом никогда не выпьешь. Зимой и летом народ останавливался поил лошадей на которых ехали, пили сами. Водой из нашего колодца пользовались люди, почти вся старая деревня, были и другие колодцы, а на старой деревни в нашем колодце вода была как родниковая.

В деревни Комаровка было организовано 2 колхоза. Первым колхоз организовывался на старой деревне и назывался он Колхоз «Все за работу». В 1930 образовался наш колхоз «Красный Дунай». В него вошли люди проживающие в остальной деревни, середка – где мы проживали, Дунай, и все остальные за Дунаем: Зажопинка, Пердуновка, Выселки. В колхоз наш заходили люди не сразу, а когда стали забирать у людей лошадей, коров, телеги и другой сельхозинвентарь: плуги, сохи, бороны. Вот тогда-то, гоняли коров в стадо на кормежку. И вот, когда коров гнали по домам, то мать нас с Анатолием, посылала за коровой, которую мы гнали за сарай или за двор, мать быстро выдаивала её и тогда мы её отгоняли на колхозный двор. Продолжалось так не долго. Потом коров, овец и птицу обобществлять не

стали, разрешили держать на своих дворах. А вот лошадей, землю, сельхоз. инвентарь обобществили и все это стало общественным.

В начале, как – то непривычно было, а люди попривыкли все наладилось. В нашем колхозе было 2 бригады. Там где мы жили, на середке, бригадиром был д. Семен, брат нашего отца. Но он работал до 1937 г., а потом его забрало НКВД и посадили в тюрьму без переписи, где он пропал совсем. Мы так и не знаем теперь. Был забран он за то, участвовал в Антоновщине, которая была организована Антоновым из многих крестьян в Тамбовской обл. для свержения советской власти. В нашей деревни было забрано несколько человек (четверо).

Если не считать 1933 г. который был голодным годом. Люди ели лебязки щи, хлеба вообще не пекли, а пекли пышки из травы, которые ели со щами. Удовольствие не из простых. У кого была корова, то эти семьи как-то выживали, с молочком, где забелят щи сметанной, где дадут малышам по стакану молочка. Мать собирала сливки и сметану и когда собиралось достаточно, то эти сливки и сметана выливались в большой кувшин с двумя ручками, к кувшину привязывалась веревка, а веревка потом к кольцу на которой весела люлька для младенца, кувшин затыкали пробкой из тряпья. Маслобойка готова. Нас с Анатолием сажали за эту работу, и мы попеременно сбивали сливочное масло. Затем это масло мать топила в печке, которое потом называлось топленным маслом. Продукт этот очень вкусный ароматный, который в наши детские рты не попадал, а сразу отец с матерью в ближайшее воскресенье несли на базар, где продавали, а затем на эти деньги покупали штаны, рубашки и всегда кусок небольшого чистого хлеба, который тут же делился по маленькому кусочку и раздавали его, с жадно смотрящими газами, ребятами.

Мне шел 9 год, и на мои плечи ложилось кормить меньшего брата Сашу, для которого мать готовила молочную пшеничную кашу, рассказывала мне, что и кого кормить в какое время, а сама бежала на работу в колхоз. Если она где – либо работала по близости, то мне приказывала Сашу

маленького принести ей кормить грудью , и тогда я сажал его в коляску и вез его в поле кормить. Мальчишка был не капризный и мы, через некоторое время - на месте ее работы , мать увидев нас приближавшихся , бежала нам на встречу, брала Сашка и садилась тут же на землю, и кормила его. Я ждал когда кончится эта трапеза.

Если мать работала где-либо далеко в поле, то мне приходилась кормить его молоком и кашей, и еще носить его т. Оле Мурзиновой, чтобы его покормить грудью, так как у нее тоже был грудной ребенок. В свободное время я сажал Сашка в коляску и брал маленькую Зину – сестру, и шли на гумно за рычи (это такие огромные шалаши, где крестьяне хранили необмолоченный в снопах хлебные злаки: рожь, овес, просо и др.), и там на выгоне, искали траву «колючки», срезал их ножом, и, очищая стебель от колючек и ели их с огромным удовольствием, кормили ими и Сашка. Или бежал на речку и там, рвал чернобыль, приносил его домой, очищали его от шкуры и опять уплетали его с охотой. Очень сильно хотелось есть, а есть было нечего, и надо было ждать родителей, которые придут с работы, получают в колхозе по одному стакану пшена , а работающих у нас было трое: отец, мать, и брат Анатолий. Иногда мать не ходила на работу , и тогда я шел работать в поле, полоть от сорняков овес, просо или что-то другое. Тогда и мне давали стакан пшена. Из пшена готовили преимущественно кулеш , забеливали его чуть-чуть сливками или сметаной и «стибухали» его деревянными ложками из общей чашки, если не хватало, мать подливала.

Мы ребяташки бегали как только станет тепло босяком , купали нас редко , преимущественно купались сами в речке и тогда на ногах заводились цыпки, иногда мать вечером грела воду и мыла нам ноги, а после смазывала нам ноги кислым молоком и тогда приходилось выплясывать, так как ноги щипали от молока. И мы с Анатолием уходили на погребец (это где находится погреб) и там вокруг постели была разложена полынью, - это, чтобы не кусали блохи. Но они кусали, и ты их не ощущаешь, так как за день набегаешься, или наработаешься, то засыпаешь сразу мертвецким сном.

Когда мы переехали на новое место жительства, на Старую деревню, то мы с Анатолием спали на печке без постели, правда подушки были, а вот под задницу ложили старые валенки. И спали за обыкновение.

Хочется рассказать ещё вот о чем. Как в голодный год люди деревни дожили до нового хлеба. Уборочную компанию еще начинать было рано, так как рожь еще не подсохла и зерно было разбухшим. При обмолоте оно не выбивалось из колоса, а если выбивалось то вместе с остюками. Народ деревни страдал, потому, что не было хлеба. Было принято решение косить рожь, молотить ее на конной молотилке и выдавать людям на питание. При молотьбе зерно процентов на 20 раскалывалось, дробилось и при размалывании не становилось мукой, а что-то подобие крупы. Вот такую муку стали выдавать людям. Чтобы поддержать народ. Мы ребяташки заметили что по всей деревни из печных труб шел дым, люди спешили что то приготовить, испечь какие-либо пышки, готовили каши из этой крупы и кормили голодных детей. Ели родители сами, радуясь, что выжили в этой голодовке. В Коморовке были случаи смерти от голода, а несколько семей вымерли всей семьей.

Комаровка состояла из многих семейных династий: Крыловых, Селезневых, Сажневых, Бражниковых, Березиных, Кречетовых, Кочетовых, Пантелькиных, Ермолаевых, Стрижковых, Худяковых, Похунковых, и т.д. и в каждой фамилии было по несколько семей. В некоторых семьях, до революции, занимались изготовлением гребешков – их так и называли «Гребешовы». А вот Мухортовы были плотниками. Они много работали на строительстве домов. А преимущественно люди занимались с/хозяйством. Ермолаевы занимались партновством, обшивали деревенский народ. А Кочетовы шили из овечьих шкур, которые сначала обрабатывали, шубы, полушубки, тулупы. Были и свои сапожники. А вот валенки в нашей деревне не валяли. А носили в соседнее село Верхне-Спасское, там это производство процветало. Женщины нашей деревни занимались вязанием носков, чулок, варежек. Но прежде чем вязать, надо шерсть овечью остричь с овцы, потом в

речке помыть, затем на чесальной машине чесали в кудели, потом пряли из неё пряжу. А из пряжи вязали, все, что я перечислил и валяли валенки. Вот отсюда и произошла народная песня: «Валенки, валенки не подшиты, стареньки». Комаровка, Алексеевка, Рассказово, Липовка – это сплошные кустари – вязальщики. В Рассказово было создано производственное предприятие кустарей-вязальщиков. Во времена колхозного строительства, женщины, идя на работу брали чулок и в перерыве вязали. Часто девочки вязали на посиделках. У кого-нибудь снимали дом-избу и там вязали, куда приходили молодые парни с балалайкой, играли частушки, а девочки подпевали, а то и танцевали. Таким заядлым игроком на посиделках был и я. Балалайку я сделал сам, и она хоть была на вид не ахти какой, но играла звонко. Бывали времена когда мать и отец не пускали вечером на улицу, то девочки приходили к нашему дому и табунились возле нашей двери, вызывая нас с Анатолием на улицу.

Лучшим домом в Комаровке был у деда Степана Кочетова. Дом был ошелёван тесом с разными вырезками, с верандой из стекла, с красивым крыльцом. Дом – одно загляденье. Когда организовывались колхозы, то в этом доме была детская площадка (тоже, что теперешние детские сады). Был и Я участником этой площадки, куда меня водили или старший брат или мать. И вот как-то раз нас повели в ближнюю ложину на песок поиграть, делать что-либо из песка. Ходили, мы всегда парами держась, за руки друг дружки. И когда проходили возле своего дома, то отец с Анатолием сидел около дома, и Анатолий был в новой фуражке, крикнул он мне что фуражку купил и мне. Я бросился бежать, чтобы посмотреть, какова она, воспитательница за мной, чтобы снять с меня форменный фартук.

Дома в Комаровке были покрыты железом, в дальние времена были покрыты соломой. Теперь домов в деревни осталось очень мало. Деревня вымирает, молодежь не остается работать в колхозе, а старики постепенно оставляют деревню. На Старой деревне, где наш дом был, не осталось ни одного дома в том числе и нашего. От наше двора осталось одна усадьба,

огород, сад и деревья окружавшие нашу усадьбу. Огород теперь не пашется, зарос бурьяном. Старые деревья – яблони, груши приходят постепенно в негодность и также как и люди умирают. А местность там была, и теперь остается прекрасной.

Я помню хорошо, когда во время цветения деревьев к нам на усадьбу пришел поп с попадьей из Алексеевки. Гуляя по саду, батюшка отец Алексей моей матери говорил: «Ольга Васильевна в вашем саду настоящий рай господень все благоухает, цветет и пахнет. Да к тому же и соловьи распевают свои трели, кукушка кукует, все эта переливается словно и правда райское наслаждение». Мы много получали от этой усадьбы. Отец в некоторых местах подсеял траву «костер» и после этого мы много накашивали сена для коровы и овец, косили траву и под речкой. Все было бы хорошо, и жить начинали терпимее, одевается лучше стали, но всю нашу семью постигло большое горе. 1939 г. в сентябре умерла наша любимая мама Крылова Ольга Васильевна, 39 лет отраду. Родив нам: Зину, Анатолия, Владимира, Тоню, Зину (двойняшка Зины, имя не дали, она родилась мертвой), Александр, и при самой смерти родился Ваня (который умер после смерти матери 3-4 дня). Перед началом войны в 1941 – 1945 гг. нас осталось четверо детей два сына и две дочери. Отец после смерти матери долго не женился и только тогда, когда мы, ребята разбежались из дома, отец привел себе женщину (жительницу нашей деревни Александру Антоновну) у которой муж Василий Ермалаевич погиб во время войны, и сын умер сразу после войны, он болел туберкулезом. Звать его было Александром, он был моим хорошим другом, которому разрешалось заходить в наш сад свободно.

В Комаровке на гумне была построена ветряная мельница, на которой жители нашей деревни размалывали рожь, пшеницу и др. крупяные продукты. Жители других населенных пунктов так же пользовались услугами этой мельницы. В Алексеевке была так же ветряная мельница, но она просуществовала не так много как в нашей деревни. Жители Верне-Спасского так же приезжали на нашу мельницу, иногда привозили по многу

зерна, и тогда создавалась огромная очередь, и тогда мужики оставались на ночь. Если был ветер мельница работала круглые сутки. Мельница была построена целиком из дерева, а ведь у мельницы были шестерни огромные, которые сделаны были из дерева. Из метала были только ручные лебедки, которыми поднимали млын (камень который размалывал зерно на муку) . Млын лежал на током же камне, на которых молотком специальным делали насечки – бороздки. Камень, что наверху был управлялся специальным устройством, его можно было поднять и опустить.

Там где кончался Дунай, там Спасским мужиком была построена водяная мельница. На эту мельницу брал меня отец и я осматривал ее. Запомнилось мне огромное колесо на котором были сделаны такие лопатки на которые падала вода по желобу и таким образом вращало это большое колесо, а колесо соответственно вращало млын. Я не так долго пробыл на этой мельнице, отец упросил какого-то мужика завести меня домой. Мельница просуществовала не долго. С появлением колхозов её уже не стало.

КОРНИ МОЕЙ И ВАШЕЙ ЖИЗНИ ПО ЛИНИИ ОТЦА

Дед мой, Степан Алексеевич Крылов по отцовской линии, которого я не знал, так как, когда я родился, его уже не было, он умер. Как по рассказу моего отца, то предки наши прибыли из Рассказово, где и поселились на берегу реки Нару-Тамбовки и таким образом организовалась наша Комаровка из многих других семей. Жители нашей деревни не были зависимы от барщины, т.е. не было барина, они были свободны. Свою сельскохозяйственную работу производили не на барина, а на государство и налог платили государству. Налог они платили тем, что производили. Рассказывают, что дед Степан обладал огромной силой. Ни одна дуга не выдерживала его силы, а делалось это так. Укорачивали гужи у хомута, запрягали лошадь в телегу, и когда стягивали хомут супонью, дуга обязательно ломалась, так как гужи были укорочены. Делалось это на спор. В

наследство нам, я это хорошо помню, от деда досталось то, что снох (невесток) своих он называл по отчеству. Ну, например, Васильевна, Михайловна. Так вот, мы следующее поколение, жен наших дядей всегда называли тетя Сергеевна, тетя Егоровна, тетя Васильевна и ничего, никто на нас не обижался, так как это было принято.

Бабушку Дарию, жену моего деда, я тем более не помню, она рано умерла до моего рождения. В их семье было шесть сыновей и две дочери: Иван Степанович – большак, Матвей Степанович, Сергей Степанович, Иван Степанович – меньшак, Семен Степанович, Петр Степанович и дочери Марфа и Паранька – как видите в семье было два Ивана. Все правильно: поп, посмотрев в святцы, и нарекал именем согласно этих святц.

Иван Степанович – большак, а по документам (первый I), его жена тетя Егоровна (ягерь – я говорю) – это ее слова паразиты, их дети: Зинаида и Николай.

Матвей Степанович, его жена тетя Михайловна – их дети: Мария, Татьяна, Николай, Тихон, Наташа, Петр.

Сергей Степанович, его жена тетя Сергеевна – их дети: Валентин, Павел, Александр, Анатолий.

Иван Степанович II (меньшак) – мой отец, его жена Ольга Васильевна – моя мать – их дети: Зина, Анатолий, Владимир – это я, Антонина, Зина, Саша, Иван.

Семен Степанович, его жена Мария Васильевна (а вот ее мы называли тетя Маня) – их дети Мария, Виктор, Женя, Виктор.

Петр Степанович – семьи у него не было, холостяк. Погиб в гражданскую (антоновщину) войну.

Марфа Степановна, ее муж Прокофий (отчество его не знаю) – их дети: Настя, Петр, Анна.

Прасковья Степановна, ее муж Антон Андреевич – жили в селе Алексеевке зажиточно, имели чесальную машину и на ней содержали

работника, за что и поплатились, были раскулачены и сосланы в гор. Сталиногорск (ныне Новомосковск Тульской обл.). В начале войны, когда немцы подходили к их городу дядя Антон достал две подводы, и погрузив на сани весь свой домашний скарб, приехали к нам в Комаровку, где жили продолжительно, затем всей семьей уехали в совхоз «Вторая пятилетка», где пробыли не долго. Оттуда переехали в совхоз Сампурский Сампурского района, где и закончили свою жизнь.

Их дети: Александра (моя крестная), Ксения, Мария, Настя, Клавдия, сын Александр.

КОРНИ МОИ И ВАШИ ПО МАТЕРИНСКОЙ ЛИНИИ

Дед мой Вановский Василий Степанович проживал в селе Липовка (Чуровка по простонародью), занимался крестьянством, сеял хлеб. Выращивали всей семьей, тем и жили. Имел кирпичный дом на самом краю Чуровки, дальше шла Богоевленовка, это на восток, западнее была Липовка, а еще западней Грузиновка, это все располагалось на левом берегу речки все той же Нару-Тамбовки. За речкой разместилась Чуровка другая. Дед Василий жил зажиточно. За недолго до образования колхозов с братом своим Яковом Степановичем планировали построить нефтяной двигатель по переработке сельскохозяйственной продукции, мукомольный, маслобойня и переработка проса в пшено. Недалеко от своей усадьбы были завезены маховики к двигателю, на этом все и закончилось – когда началась коллективизация, брата моего деда раскулачили, который взял все на себя, а дед мой как-то уцелел от этой обузы.

Дед имел пару хороших лошадей, была приличная упряжь, и что мне особенно запомнилось, имелись легкие санки для выездки в гости ли, на базар ли. Дедушка любил заниматься садоводством и сад свой всегда содержал в хорошем состоянии. И еще хочу сказать за своего деда, когда мы купили дом на Старой деревне, то там был очень ветхий двухэтажный дом и огромный сад. Дед наш Василий часто в летнее время приходил к нам и нас с

Анатолием заставлял обрезать яблони, груши, вишню. Заставлял нас окапывать каждую яблоню и грушу, причем он окапывал так, как яблоня стояла вроде на тарелке, заставлял нас и поливать, благо колодец-копанка находился близко. Близко находилась и речка, иногда носили воду и из речки.

Черемуха росла вокруг сада, и не надо было слезать с одного дерева, чтобы залезть на другое дерево, а делали так, раскачивался на дереве и прыгал на другое как обезьянка. Мать моя очень любила спелую черемуху, подходила к нам, мы ей пригибали хорошие сучки с гроздьями черемухи и она тогда блаженствовала. Черемухи (ягоды) мы заготавливали много, сушили ее и варили из нее крепкий чай и давали нам когда панос был.

Отец наш любил настаивать водку черемухой. Говорили, что водка становилась крепкой. Этого я не знаю, так как в те времена я не пробовал еще спиртного. Помню мать моя, когда дедушка приходил к нам, то всегда угощала его водкой, настоянной на черемухе.

Бабушка Дуня моя, Евдокия Ивановна (девичья фамилия Непряхина) была для нас, внуков, всегда приветливой и желанной, всегда обвязывала нас носками, рукавичками и очень хорошо стряпала, особенно я любил пышки, испеченные ею. Пышки пекла из пресного теста, умела она стряпать из кислого теста так же хорошо, как и из пресного теста. Бабушка много работала по хозяйству, на огороде. Бабушка Дуня сама выращивала огурцы, капусту, морковь, репу, лук. Особенно хороши получались у нее огурцы, засоленные в бочке. Почему они у нее до последнего огурца всегда хрумтели во рту, когда ты их ешь? Все это приобреталось долголетним опытом или передавалось по наследству от старших. Бабушка было умной, она никогда не повысит голоса и всегда скажет тихонько и тебе никогда не подумается, чтобы нарушить какой-либо детской шалостью.

В 1947 г. я приехал в первый раз после войны в отпуск. Говорю своему отцу, что я хочу сходить в Липовку и проведать стариков и еще там жили до того времени тети, материны сестры. Придя в Липовку, тетей дома не

оказалось, они работали в поле в колхозе, кроме тети Анюты, но когда я подходил к их дому, увидев меня, она ушла на свой огород потому, что нечем было угостить меня. Послевоенное время. Народ трудно переживал те времена. Страна была разрушена, требовалось много, и негде было взять, Я не обиделся на это, понимал и видел сам, что оставалось после освобождения сел и городов. По пути к бабушке зашел в магазин. А в магазине также нечего взять. Взяв бутылку водки, выпить с дедом, и продавец предложила овощную консерву. Больше ничего не было. Я пошел к дому деда. Дед к тому времени был уже плохим, потерял дар речи и был уже никуда. Бабушка забеспокоилась за внука, что угостить меня нечем. Плачет. Плачу и я, гвардии лейтенант, что так мои родные старики доживают свой век. Но бабушка уже поставила в чугушке картошку, в мундирах варить. Варилась картошка на загнетке русской печи на тагоне в чугушке, я сбегал, наломал сучков в саду, и пошло, поехало. Сели за стол втроем: дед, бабушка (хотя мы, как росли, не называли ее так), а просто бабаня. Бабаня посмотрела картошку, картошка сварилась, поставила на стол, начала чистить. Я готовлю, распечатываю консерву, говорю – Бабань, у тебя стаканы есть? И зачем они нам? Надо выпить с дедом, что я остался жив и здоров после войны. Нашлись рюмки и кружка. Я налил и деду и бабане, себе тоже. Деды мои прислонились до рюмок, это им хорош. Ведем разговор с бабаней, она жалуется, что подойдет зима, а у них печь русская не исправна. Хорошо при мне были 100 рублей одной купюрой. Я достал деньги, дал бабане. Этих денег хватит вам на ремонт? Печник с нас стариков требовал 50 рублей. Бабаня говорит, я боюсь таких денег, он мастер может нас обмануть. Я сказал, что позовете тетю Саню (а в семье звали ее Санюшей). Бабаня моя от радости плачет, не знает, куда меня поцеловать, приговаривая, внучек Володюшка, как же ты меня выручил из такой тяжелой беды.

Хотелось бы поведать вам из далекого прошлого. Давным-давно в наш новый дом, пришла к нам бабаня. Я вот вечерами, когда убрана скотина,

накормлена и заспана по своим местам и бабаня нам рассказывала всякие всячины из своей жизни, из жизни людей, проживающих с ней рядом.

И вот в один из вечеров она рассказала, что когда она была уже взрослой девушкой и встречалась со своим Васей. Встречи эти были похожи и на теперешние. Влюбленные уединяются куда-либо, а более всего ближе к дому влюбленной. Так было и тогда, дед мой пришел на свидание к своей Дуне и принес для любимой конфет. Но радости не было у любимой, не дорог подарок, дорого внимание, а такового не было подарка, так как мой дед не вручил его, постеснявшись. И все дело не в том, что может быть из-за скромности подарка, а из-за того, что в те времена молодежь была не настолько осведомлена житейским, а поэтому была вот такая стеснительность и любовь по-серьезному. Ну а теперь об их детях.

В семье наших дедов было пять дочерей и два сына, которых я помню и знал.

Теня Анюта (Анна Васильевна) была замужем дважды. За Световым, от которого было трое детей: Серафима, Иван, Анатолий, и второй муж – дядя Яша – был таким крупным мужчиной, имел грубый голос – от него дети: Владимир погиб на войне, Михаил, Александр и Серафима.

Татья Маша (Мария Васильевна) в колхоз не вступала, была единоличницей в хозяйстве, имела огород и курей содержала. Муж ее был Иван, отчество которого не знаю, был зарублен в гражданскую войну (антоновщину). Их дети Петр, Иван – погиб на фронте, учились мы с Иваном в 5-6-7 классах вместе.

Тетя Еня (Евгения Васильевна) жила на второй Чуровке. Муж ее – дядя Миша – был председателем колхоза. И вот в уборочную компанию на току, где производился обмолот урожая, вспыхнул пожар в барабане, он хотел оказать помощь, поскользнулся и попал ногой в барабан. Ногу по самое ампутировали. Их дети – Петр – погиб во время войны, Зина, которая со своей семьей проживает в Калининграде.

Ольга Васильевна – моя мама – родилась в 1901 году в Чуровке. Об маме плохо не скажешь. Она была малограмотной женщиной, читать, писать умела, работящая, с любой работой справлялась быстро и ловко, любила выпить на свадьбах, именинах и других гулянках. Ни одна свадьба не проходила, чтобы моя мать не поплясала на столах. Плохо ли, хорошо это, но она это делала часто. Или другое что сделать. Во время свадьбы Николая – сына дяди Матвея на свадьбу не пошли дядя Сергей и тетя Сергеевна, хотя дома их были рядом. И вот, когда мать была подвыпивши, вышла на улицу, взяла палку и побила несколько горшков (в которых содержали молоко) пустых, которые сохли на колосках плетня. Это чтобы тетю Сергеевну ввести в убыток. Дескать, не пошла на свадьбу, так вот получай все равно убыток. После свадьбы никто ни на кого не обижался. Мать была требовательной, поддерживала семейную дисциплину особенно между мной и Анатолием, стычки с которым проходили очень часто то ли на печке, то ли за столом, и когда этот бой доходил до предела возможного, мать брала веник, хворостину или водой разливала из кружки нас. А однажды за столом разразился бой, у матери был деревянный половник, которым разливают щи и она этим половником ударила мне по башке, т.к. я был ближе к ней. Половник разломился пополам. Отец начал выговаривать матери, теперь щи будешь наливать пригоршней (это когда две ладони сложить вместе корытцем).

В нашем саду было восемь яблонь – антоновок. Антоновка вызревала в середине, а то и к концу сентября месяца. Чтобы собрать эти яблоки, надо долго потрудиться. В сад мы детвора несли подушки, ложили их на траву, а кто залазил на яблоню руками срывал и бросал яблоко на подушку, или мать в фартуке становилась близко к яблоне, расправляла фартук и бросали ей прямо на фартук, но ни в коем случае мимо, если мимо, такое яблоко не ложили вместе со здоровыми не битыми. Яблоки антоновки тем ценные, их хоть положить на сено полежать и тогда они издают такой приятный запах, что войдешь в сарай или под навес, тебе не хочется уходить оттуда от такого

аромата. Яблоки антоновки оставляли свежими или мочили в кадушках (бочках) деревянных и тогда, кто полезет в погреб с заказом набрать моченых яблок, так это одно из приятных удовольствий скушать.

Мать следила за нами, мы были опрятно одеты, хотя не в богатое и дорогостоящее. Если пальтишко когда и порвешь, то мать садилась тут же зашивала или накладывала большую заплату. Помню с такой большой заплатой я долго ходил в школу в 5 или 6 класс, и ничего все проходило само собой, так как я был не один таким, а много нас таких особенно ребят. Купала мать нас каждую субботу. Ставила много воды в русскую печь, грелась вода, и вечером приносили корыто, мыли нас по очереди, а помыв – марш на печку. На печке мы и спали с братом, а девчата Тоня и Зина спали на кровати, у них даже были простыни хоть и холщовые, но все же. Я впервые полежал на простынях в армии, до армии ни разу не приходилось, и все это было из бедности людей, проживавших в деревне.

Валенки, зимнюю обувь нам валяли почти ежегодно за некоторым исключением, кого пропустят. Старые валенки, особенно нам ребятам, отец подшивал, и мы тогда катались в них на коньках, лыжах или просто самих подшитых валенках. Валенки подшивались так, брались самые старые валенки, из голенищ которых вырезались подошвы, обязательно две, которые вместе прострачивались сварной дратвой, из которой делался конец, варился гудроном и тогда начинаешь строчить подошву. После того, как прострочишь подошву, берешь деревянные гвоздики, которые мы делали сами и в дырки строчки их забиваешь, это чтобы подошва, пришитая к валенку, дольше носилась. Но зато конек, прикрученный к такому валенку сидел крепко и не шевелился во время катания. Катались на речке, где омут там и лед намерзал покрепче, чем на быстринке. Провожая на речку кататься, мать всегда делала нравоучения – смотри не попади в прорубь или какую-либо отдушину.

Мать родила восемь детей, из которых выжили только четыре. Первой родилась девочка, назвали ее Зиной. Дожила до трех и умерла в банду

(антоновщину) от рака, почему то он пошел по зубам. И как нам рассказывали, она, бывало, брала ручкой за зубик, вытаскивала его и показывала или отцу или матери. Мама, гляди опять зубик упал. Вторая девочка родилась мертвенькой совместно с сестрой Зиной, это после рождения Тони. Пережив голодный год, в 1933 году умер Саша. Он болел и долго, у него под мышкой была большая шишка, бабка Матрена (повитуха) советовала купать его мать-и-мачехой или чередой. Скорее всего, это была золотуха. Четвертым был Ваня, который умер при смерти матери недоношенным – прожил после смерти мамы 1-2 дня и скончался.

Мать моя Ольга Васильевна прожила очень короткую жизнь – 39 лет. Осенью, когда я учился в восьмом классе, а мать тяжело болела, отец с бабаней и Зиной ежедневно приезжал в больницу в Рассказово на уколы. Отца, бабаню и Зину покусала наша собака Мулька, которая сбесилась. Ее убили молодые деревенские парни вилами.

Итак, с кладбища мы пришли сиротами. И началась наша незавидная сиротская жизнь. Отцу нашему приходилось выполнять работу и за себя и за мать. В первое время стирать приходили то тетя Марфуня, то тетя Маня, то тетя Маша – мамина сестра, а иногда стирал сам отец, но зимой приходилось отцу прорубать прорубь за садом, очевидно отец стеснялся людей. И так мы стали наше горе горемыкать без матери в одиночестве.

Тетя Саня (Александра Васильевна), муж ее Петр (отчество его не помню) проживали они в Чуровке, у них был свой дом, своя усадьба. Но я хорошо помню, что они уезжали в Самарскую область, где продолжительно проживали, и я помню, когда приехали на родину, то не очень долго проживали у нас. Тетя Шура имела свою ручную швейную машинку, на которой обшивала не только ребятню нашего семейства, но и других ребятшек братьев и сестер ее. Дядя Петя ее муж потом выучился на тракториста, но долго проработать на тракторе не пришлось, так как началась война и он был мобилизован в первые дни войны. Во время боевых действий погиб. Но при отступлении до Днепра и на Днепре еще был жив. Знаю я это

потому, что тетя Саня давала мне его письма, которые были сохранены. Их дети: Нина – имела свою семью, проживала в последнее время в гор. Рассказово, теперь уже покойница; сын Николай Петрович, который проживает теперь в материнском доме в гор.Рассказово. Мужик деловой, хорошо владеет столярным делом, слесарным, последнее время имеет большую пасеку.

Борис Васильевич Вановский, мой крестный, брат моей мамы, жена его Анюта, отчество не знаю, давно их уже нет в живых. Крестный мой во время службы в царской армии получил профессию фельдшера. На этой фельдшерской работе долгое время практиковался в Липовском сельсовете, ездил по школам, где делал прививки против оспы и делал уколы школьникам, в том числе и мне. Первым у кого был в Липовке велосипед и радио с наушниками так это у крестного. Тетя Анюта – жена была домохозяйкой. После войны крестный остался живым и проживали в г.Рассказово. Их дети: Павлик работал в нашем колхозе «Красный Дунай» трактористом. Во время начала войны был мобилизован и погиб в боях за нашу Родину; Женя была выдана замуж в г.Рассказово, долгое время проживала в этом городе; Зина была очень красивой девушкой, она крестила Сашу в нашей семье, рано вышла замуж за прокурора, родила дочку и рано умерла, оставив дочку на воспитание своих родителей.

Дядя Костя был последним сыном наших дедов по материнской линии. Его жена тетя Маруся была работающей женщиной, на доске почета часто вывешивали ее портрет в колхозе «Ударник». Дядя Костя с начала колхозного движения работал мельником на нефтяном двигателе в Липовке. Он был хорошим и плотником и столяром. Сам делал балалайки и мандолины. Мобилизован на фронт в первые дни войны и погиб, защищая свое Отечество.

Бабаня мне рассказывала, когда я приезжал в отпуск и проводывал их, что во время войны их дом часто в ночное время тайно, а иногда открыто проверялся милицией, как будто дядя Костя дезертировал с фронта и тайно

скрывался дома. На самом деле дядя Костя погиб и не вернулся после окончания боевых действий. У них был один сын Женя, который прожил не долгую жизнь.

Прошу прощения. Упустил момент написать о своем отце. Придется исправить это дело.

Отец мой Крылов Иван Степанович II родился в дер. Комаровка в 1891 году, как видите отец был старше нашей матери на 10 лет. Отец наш был добросердечным человеком, нас детей он не бранил, а если когда здорово провинишься, он, бывало, скажет одно-два слова, дескать, так нельзя делать и все это забывалось, и жизнь текла сама собой. Скотину мы продолжали содержать, как и при матери, корову, три-четыре овцы, куры штук двадцать. Все как будто шло своим чередом, а без матери мы дети были сиротами. Это видели и бабаня и сестры матери и тетя Марфуня, сестра нашего отца. Хорошо помню и теперь, как то все мы собрались на ужин, отец налил в чашку щей и подал на стол и тут же привлек наше внимание: «Дети приведу я вам другую мать». Мы как по команде, вперед девчата Тоня и Зина, тут же следом мы расплакались, я и Анатолий. Заплакал и вместе с нами наш бедный несчастливый отец. Махнув рукой, будем одни наше горе горевать. Больше я не слышал от отца такого предложения.

Отец продолжал работать в колхозе, работал на тракторе и Анатолий, я учился в школе в Рассказово, девчонки ходили в школу в начальные классы в Алексеевку, а время неумолимо всех нас приближало к войне с немецко-фашистскими захватчиками.

Итак, в июне 22 числа 1941 года началась Великая Отечественная война. 17 сентября 1941 года мы с отцом проводили Анатолия в армию, я стремительно подрастал, чтобы стать защитником своей страны. 29 января мы получили последний треугольничек от Анатолия, он написал, что в ночь идем в бой. И его не стало до сих пор.

Отец работал в колхозе, преимущественно ездил за керосином на ст.Платоновку, это от Рассказово 7-8 км. Если не ездил за керосином, то находилась другая работа. Отец часто уезжал на лошади в Тамбов по колхозным делам, и мы оставались втроем в доме. К этому времени я бросил учиться и всю зиму работал мотористом на моторе от комбайна «Коммунар». Молотили рожь. Рожь была скошена и повязана в снопы и заскирдована в поле. Оттуда мои сверстники возили ее на санях на ток к молотилке.

Когда был дома отец, то корову доил сам, если не было его дома, приглашали кого-либо или приучалась доить сестра Тоня.

Во время войны, когда мы – дети поразошлись из дома кто куда, отец привел себе жену, нам мачеху. Теперь мы не противились и не возражали. Женщину он привел из своей деревни Березину Александру Антоновну, ее сын Сашка был мне хорошим другом. Мать, неродная для нас, была не настолько плохой, чтобы на нее можно было обижаться, особенно когда я приезжал к отцу в отпуск для оказания помощи покосить сена, напилить и наколоть дров и все это прибраться на место, то мать никогда нас не обижала после смерти отца, до конца своих дней прожила в Рассказово с Зиной и была похоронена на кладбище в Алексеевке.

Отец мой в первую мировую войну 1914 года был мобилизован в армию и принимал активное участие в боевых действиях, за что был награжден Георгиевским крестом, который в советские времена прятал то за печкой, то в других местах. Наградой своей отец никогда не восхвалялся. Как будто у него этой награды никогда не было.

Во время гражданской войны 1917-1922 г.г. отца хотели также призвать в Красную армию, но он как то от этого уклонялся, то уходил в поле работал, а то уходил в Липовку к нашему деду. За эти дела после окончания гражданской войны отца посадили в лагеря, где он и многие другие уклонисты вместе с ним выполняли сельскохозяйственные работы. Мать наша ездила к нему в Тамбов, где он сидел, возила ему еду – пышки, ветчину, сухари.

Отец наш, когда я уже начал помнить, всегда прихрамывал на левую ногу. Нога у него заболела то ли от простуды, а мать нам говорила, что его колдунья приколдовала. Лежал с ногой он в больнице, где ему хотели ампутировать ногу, но хирург не соглашался на это, говорил: он крестьянин и ему, чтобы кормить семью, надо работать в поле: пахать, сеять, а тогда ведь сеяли вручную. Зерно насыпали в севалку, к севалке привязывали веревку, которую одевали на шею и правой рукой зерно разбрасывали по полю. За то, что отец наш хромотал, его во всей деревне звали Иван Степанович Хромой, а нас ребятишек называли Хромовы то ли Володька, или Тоня. Отец всегда ходил с палкой, он называл эту палку Бадиком. Куда бы он ни ходил, всегда при нем был бадик, то ли в Рассказово он шел или в церковь ходил. В церковь он часто ходил, где продавал там свечи и просферы. Эта должность называлась титром. Почему так я не знаю. Помню к нам приходил батюшка по тем или иным хозяйственным делам купить ли муку на просферы или масло лампадное, или свечи, или купить ладан, который закладывали в кадило и поджигали его и тогда батюшка окуривал всех верующих, находящихся в церкви.

Мы, дети не стыдились своего отца, что он был богомольным и ходил по праздникам в церковь. Я любил ходить в церковь не для того чтобы помолиться, а более для того чтобы там в церкви залезть на колокольню и там позвонить в самый большой колокол, а вот трезвонить в колокола я так и не научился. Мал был. Трезвонил всегда сын попа Владимир. Он был постарше меня года на 3-4.

В тридцатые годы моего отца назначили от Липовского сельсовета сельдоруполномоченным (сельский дорожный уполномоченный). В его обязанности входило вести контроль за состоянием дорог, мостов. Был такой закон, что каждый сельский гражданин – гражданка трудоспособные должны отработать на ремонте дорог, мостов 6 дней в году. Вот отец этим и занимался долгое время, пока перешел на пенсию. Пенсию отец мой получал за погибшего во время войны Анатолия, т.к. состоял на его иждивении и был

инвалидом по болезни ноги. В этой работе помогал я. В основном в написании бумаг, кто, какой человек, сколько отработал на сельдороге. Вел учет и отчетность.

Я уже писал, что усадьба нашего дома располагалась на большой дороге. Дорога связывала глубинку с районным центром Рассказово. Раньше по этой дороге везли обозами зерно на ссыпные пункты в Рассказово на станцию Платоновку. И всегда возле нашего дома былолюдно. Заезжали попоить лошадей, сами люди пили воду из нашего колодца, и зимой заезжали обогреться или перекусить чего-либо. Отца моего очень многие знали и всегда называли дядя Ваня, а можно ли у вас попить воды.

Старики долго-долго жили в Комаровке пока в одно время за часа два до вечера остановилась грузовая машина, слезли два человека, зашли на двор, а потом в хлев, взяли поросенка, погрузили на машину и были таковы. Зина, моя сестра быстро распорядилась и стариков забрала к себе в г. Рассказово на Лесную улицу. Там старики и дожили до своих дней.

Мой старший брат Анатолий Иванович родился 21 февраля 1922 года в дер. Комаровка на середке, вся жизнь которого прошла в сплошной работе и заботах о нас, подрастающих брата и сестер. Ему всегда попадало больше всех, чем нам меньшим. Помню, как-то родители гуляли на свадьбе у дяди Матвея, он женил сына Николая. На свадьбе они задержались и пришли поздно. Был поздний вечер и нам брат принес соломы со двора, расстелил ее на полу, укрыл ее, солону ватолой (соткана из мелконарваных тряпок и потом сделана спасскими женщинами рядом, из которых и была сшита ватола). Мы уже засыпали, когда пришли родители. В доме не горел свет (лампа керосиновая), не подоена была корова и ряд других работ, которые надо было выполнить. И мать стала отчитывать Анатолия за то, что он не все сделал. Отец быстро взял ведро и пошел доить корову, а мать стала наказывать Анатолия. Мы меньшие в плачь, заступались за своего старшего брата. И так почти всегда, когда кого-либо из нас наказывали, то остальные всегда плачем заступались за наказуемого.

Анатолий плохо учился. Учеба ему очень трудно давалась, особенно русский язык. Он при написании диктанта делал много ошибок, из-за этого не переходил из класса в класс. Таким образом, я на два года пошел позже учиться, догнал его в четвертом классе, я перешел в пятый, он же остался в четвертом. Закончив четыре класса, он бросил учебу и целиком отдался работе в колхозе. Делал он многое. Работая на лошадях, бороновал, косил на конной косилке, работал на конных граблях, ездил на ссыпные пункты возил зерно на сдачу государству. Когда он подросток, становясь крепким юношей, он пошел учиться на тракториста. Учеба на тракториста ему давалась с успехом. Помню, он часто давал учебник тракторное дело и говорил, проверяй, Володька, сам же называл допустимые зазоры на клапанах, на выжимном подшипнике сцепления, в магнето и ряде других мест в тракторе.

Первый год работы на тракторе его послали в самый дальний сельсовет – Осиновский, где он работал на тракторе «Универсал». На этом тракторе делались работы: культивация, боронование, пропашные работы. Редко, когда надо было пахать, и то этот трактор мог цеплять только двухкорпусной плуг. В Осиновке он отработал два сезона сельхозработ. Потом перешел в тракторный отряд, который обслуживал свой колхоз «Красный Дунай». И тогда, когда он работал на своих полях, и если это было не так далеко от нашего дома, то он иногда приезжал за мной, чтобы запустить трактор. Тогда он уже работал на колесном тракторе СХТЗ (Сталинградско-Харьковского заводов). Мы вместе с ним рукояткой заводной запускали двигатель, и он продолжал выполнять работу, я уходил до дому выполнять домашние работы. Меня часто посылали на его трактор плугарем. Плугарь чистит плуг от налипшей земли на лемеха, или когда лемеха засоряются травой. Тогда он (Анатолий) часто поручал мне управлять трактором. Я к тому времени мог завести машину, тронуться с места, остановить трактор и заглушить его. Я мог работать на тракторе самостоятельно.

В детские годы, когда мы учились в школе, а школа располагалась в одном из домов раскулаченных в период коллективизации в дер. Комаровке,

старший брат всегда за меня заступался. И вообще он был желанным, не мог обидеть того или другого мальчишку и мы всегда играли вместе с ним в лапту, в синотры или другие такие игры. Он всегда был безотказным в домашней работе. Бывало, мать посылает меня за водой, я часто отнекивался. Тогда Толька брал ведра и молчком шел за водой. Мать за это мне всегда выговаривала, и бывало, и наказывала, а такое все равно продолжалось. На улицу мы всегда ходили вместе и только, когда стали подрастать, он не брал с собой и тогда я шел к своим товарищам, а он к своим ребятам – одноклассникам.

Зимой мы с ним всегда спали на печке, под зад ложили старые валенки, под голову у нас были подушки, а вот укрывались рядом.

22 июня 1941 года началась война. Было тогда в этот день воскресенье. И мы узнали эту страшную весть от людей, ехавших с базара из гор. Рассказово. В городе было радио, а в деревне оно появилось далеко после войны. Мужики ехали из города подвыпившими, горланя песни

«Последний денечек
гуляю с вами я друзья
А завтра рано чуть зарею
Заплачет вся моя семья»

Ночью в правление колхоза собрали всех мужчин, где объявили о всеобщей мобилизации граждан мужского пола сразу 15 возрастов. Наутро в деревне стоял рев и плач женщин и детей, и началась отправка в город Рассказово в райвоенкомат. Были такие случаи, когда мужчин забирали прямо с работы, так напарника Анатолия на тракторе Петериму Сажнева забрали прямо с трактора неумытым и в грязной робе, посадили в грузовую автомашину и увезли в военкомат, не дали попрощаться со своей матерью. В этой семье было трое братьев: Василий, Петерим и Михаил – все погибли на фронте. Отца нашего за время войны тоже вызывали в военкомат несколько раз, но так как он был инвалидом (хромал на левую ногу), то его всегда отсылали обратно до дому.

Очередь к нашему Анатолию подошла 17 сентября 1941 года, когда и ему пришла повестка о призыве его в армию. Отец меня послал на колхозный двор, чтобы я там запряг подводу для извоза призывников в военкомат, а дома готовили «Сидор» для брата. Пекли пышки, готовили сухари, несли тетки теплые носки и другой скарб. В этот день призывали парней 1922-1923 года рождения и были призваны: Крылов Анатолий, Кречетов Виктор, Крылов Виктор, Сажнев Владимир, Мурзин Владимир, Циновников Владимир, Ермолаев Владимир из этих семи человек остались живыми после войны Кречетов Виктор и Мурзин Владимир – был ранен.

Я долго ожидал в военкомате, когда наших призывников поведут в городскую баню для помывки, а время близилось к вечеру. Тогда я на повозке поехал до дому, прежде простившись с братом Анатолием и с ребятами из нашей деревни. И это оказалось последним прощанием. Анатолий и его товарищи были направлены во Владимирскую область в знаменитые Гороховецкие лагеря, где они прошли небольшое обучение военному делу и их послали на фронт. А теперь посчитаем время: я отправил из деревни их 17 сентября 1941 года а 29 января 1942 года Анатолий прислал небольшое письмо – треугольник, где сообщил нам, что в ночь их подразделение идет в бой. С этого времени связь с ним прекратилась.

После этого мне наводить справки о нем было некогда, я также пошел служить в армию с августа 1942 года. Отец со своей племянницей Анной Прокофьевной – она была учительницей в начальной школе села Алексеевки. Она писала о судьбе нашего брата. Ответ был отцу, что ваш сын Крылов Анатолий Иванович в списках погибших, раненых и пропавших без вести не числится. Где же он? Что с ним? Никто не знает, не знаем мы и до сих пор.

Когда по ранению из армии пришел наш деревенский парень Мурзин Владимир, который поехал вместе с Анатолием на фронт, он рассказывал отцу, да и мне, что они принимали боевые действия в составе лыжного батальона 16 армии под Мценском. Армией этой командовал Рокоссовский К.К. Тогда там шли ожесточенные бои, где он скорее всего и погиб. В 1975

году в день Победы над немцами я снова написал розыск и послал письмо в архив Советской Армии в Подольск Московской области. Откуда мне сообщили, что Ваш брат Крылов Анатолий Иванович 1922 года рождения погиб смертью храбрых в боях за нашу Родину. Я тут же написал снова в архив, чтобы мне сообщили место его захоронения, чтобы съездить на могилу и поклониться ему. Но ответа не последовало. Так как о гибели не знает никто.

Сестра моя Антонина Ивановна Крылова родилась в ноябре 1927 года в Комаровке на середке. Детские годы проходили так же там. В голодный год 1933 г. она отправлена в Липовку к деду и бабانه, так что она голод не чувствовала. В то время брат нашей матери дядя Костя работал на мельнице мельником, он и кормил своих родителей и нищих внуков. Хотя мы, жившие вдалеке от Чуровки, не пользовались такими благами. Училась она не ахти хорошо и, окончив 4 класса начальной школы в Алексеевке, целиком и полностью перешла работать по домашнему хозяйству и ходила работать в колхоз. После смерти матери на ее плечи легла работа и дома и в колхозе.

С началом войны на плечи четырнадцатилетней девчонки досталась очень огромная работа и по домашнему, и в колхозе, где она работала и конюхом, и много работала на лошадях, плугарем у трактористов. А трактористами были также девчонки, даже приходилось сеять рожь вручную, это тоже нелегкий труд. Или приходилось работать так: днем они работали на току, провевая зерно на самовеелках, которые превращали во вращение рукояткой, взявшись вдвоем, такой же сапатовой девчонкой, перевеяв зерно, сходили до дому покушать и тут же в ночь собирались везти зерно на ссыпной пункт или в Рассказово или на станцию Платоновка. Там на ссыпном пункте не очень легко доставалось опять. Зерно надо было насыпать в ящик и потом по доске положенную наклонно на зерно нести этот ящик с зерном вверх и там только его высыпать. Туда и обратно во время езды девчата отдыхали, то есть могли уснуть, т.к. на переднюю подводу садили немощного старика, который управлял всем обозом.

А дома, кроме всего этого, надо доить корову, готовить пищу, кормить Зину и отца. И так изо дня в день.

Рано вышла замуж за деревенского парня Пантелькина Николая, но долго с ним не прожила, разругавшись со свекровью, ушла от него и перешла работать и жить в Рассказово. Потом еще 2 или 3 раза выходила замуж, но все как-то неудачно.

В 1957 году, когда я был демобилизован из армии и, получив квартиру в г.Шахтерске, она, Тоня, приехала к нам и жила с нами в одной квартире. На работу ее и мужа ее я устроил в строительное управление в должности штукатура-маляра. Муж ее, получив специальность штукатур-маляр, уехал снова в Рассказово, она осталась в Шахтерске жить и потом более 50 лет проработала в столовой и затем в ресторане пом.повара. Затем работала уборщицей на посудо-хозяйственной базе. Откуда и ушла на пенсию.

В данный момент проживает в той квартире, где когда-то жил я со своей семьей. Живет одна, помогаем ей в хозделах кое когда я или Слава или Саша наши сыновья.

Младшая сестра Зинаида Ивановна родилась 16 сентября 1929 года в Комаровке на середке. Детские годы проводила тут же в деревне. В голодный год 1933 г. ей было 4 годика. В этот год отец работал рыге на просушке. Это такая машина, которая перерабатывает просо на пшено. Это пшено потом вечером выдавали колхозникам, кто выходил на работу по 1 стакану на человека. От нашего дома до этой рыге было 120-150 метров. И Зина узнала, что там отец работал, стали ходить туда. Отец насыпет ей в кармашек не более полстакана, и она тогда шла дорогой до дому и ела это пшено, оставляя мне немного, которую я тут же съедал, я в это время сидел с Сашей маленьким братиком. Окончив семь классов, Зина пошла работать в гор.Рассказово в столовую официанткой. Жаль, что я пропустил. Курьезный случай получился с ней еще до учебы в школе. Наша мать собирала сливки, т.е. собирая вершки с горшков с молоком, а потом, когда много наберет, то с этих вершков сбивает масло, масло сливочное потом мать топит в чугуне на

топленое масло. Я сидел, пахтал в большом кувшине. Кувшин у нас был большой ведра на полтора, а Зина расправлялась с большим горшком, в котором была сметана, мать дала ей облизывать с внутренней стороны этот горшок, облизывая горшок, она вся измазалась в сметану, свое лицо, и какая-то неосторожность – она уронила этот горшок на пол, который разбился. Испугавшись, она вся испачканная в сметану, залезла на печку дожидаясь материнской взбучки. Она была любимицей отца, а поэтому ожидала скорейшего возвращения его с работ, который защитил бы ее от каверзной неосторожности. Мы старшие также жалели ее и не предъявляли к ней больших спросов.

После войны, когда я приехал первый раз в отпуск, то Зине привез на подарок маленькие позолоченные трофейные часики. Они долгое время у нее сохранялись.

Замуж она вышла за Владимира Ивановича Прокудина, с которым родили двух детей Любу и сына Валерия. Детей выходили, дали им образование. Люба окончила институт в гор.Ташкенте, а Валера, мой крестник, окончил техникум в гор.Тамбове.

Сейчас, когда я это пишу, сама Зина заработала хорошую пенсию, хорошо живут ее дети. А внук Зины, Любин сын, уехал в Америку, где и работает программистом в одной из фирм.

Муж Зины занимался промыслом. Он был хорошим сапожным мастером. Шил разные сапожные изделия. Этим и содержал свою семью. Он рано ушел из жизни, не порадовался жизнью своих внуков и правнуков. Ему было 54 года.

Ваш дед Крылов Владимир Иванович родился в июне 1924 года в той же самой деревне Комаровке на той же самой середке, в том доме, где родились и все мои братья и сестры, от тех же родителей. Я немало описывал о себе впереди моего описания. Я хорошо помню, когда мои родители работали при единоличном хозяйстве, я хорошо помню, как я ходил в поле

есть кашу, когда мой отец и дядя Семен работали недалеко от дома в поле. Но меня отец брал в поле, когда работали и далеко от дома, хотя в поле мне быстро надоело быть от однообразной ничегонеделанной времени, я тогда начинал плакать, чтобы уйти до дому. Моментов таких было очень редко, чтобы кто-либо отъезжал за чем-либо ко дворам, и тогда мне приходилось все время коротать под телегой. Телега – это замечательное сооружение. Под телегой очень хорошо спастись от внезапно нахлынувшего дождя, если еще на телеге был хорошо расстелен кусок брезента или рядна. На телеге ты едешь в поле или обратно до дому. Одно удовольствие ехать в гости к бабانه, когда в телеге много соломы, то во время езды не так трясет, и ты осматриваешь все вокруг ранее невиданное.

Если оставался дома, то со своими сверстниками играли в кулючки (прятки), когда один оборачивается к стене и закрывает глаза, начинает кулюкать, то другие разбегаются по разным местам и прячутся, чтобы его быстро не нашли. Беда тому, кто кулюкал. Ему во что бы то ни стало надо разыскать всех спрятавшихся и застукать.

Когда повзрослей стал, то играли в рогошки летом. Рогошки – это концы верхние ровно отпиленные от коровьего рога. За 5-10 м чертилась черта, вдоль которой ставились рогошки. Потом была свинчатка (металлический предмет не особо тяжелый). Эту свинчатку надо забросить так, чтобы она была чем ближе к черте по ту сторону черты от кона (откуда бросали свинчатку), кто не добросил до черты – он прогорел, значит он и не разбивает рогошки, но рогошку все равно ставишь. Кто ближе всех забросил свинчатку к черте, бьет первые, у кого подальше чуть, бьет вторым и т.д.

Зимой играли в козанки. Козанок – это кость из сустава ног свиньи, барана, теленка высотой она 4-6 см. Козанки расстанавливались вдоль откона на одной линии. Сбивать козанки надо шлыком – это такой большой козанок длиной 10-12 см, иногда их отливают из металла, и вот этим шлыком бросают по льду и сбивают козанки. Кто больше сбил, тот и выиграл.

Школьные годы проходили как всегда в заботах и хлопотах. В то время, когда я начинал заниматься в школе, вдоволь не было тетрадей и учебников. Однако мы учились, перебиваясь с тетрадок на газеты или какие там амбарные книги. Когда я пошел в школу, школа была у нас в деревне. А в 5-6-7 классах надо было ходить в Липовку, это расстояние равнялось 4 километрам. Занятия проходили во вторую смену. Учеников с Комаровки и Алексеевки было достаточно много. И ходить было весело эти 4 км и незаметно, как проходили. В седьмой класс ходил два года, так как после первого года очень сильно болел малярией и не все сдал экзамены. Отец да и мать решили, чтобы я ходил второй год в 7 класс. Таких ребят нашлось много. В летние каникулы я занимался столярным делом. У отца была небольшая пасека, и мне приходилось делать рамки и полурамки к ульям. А потом я задумал сделать сам балалайку. И я сделал ее. И она к тому же получилась звонко играть. Потом я быстро научился на ней играть деревенские частушки и деревенские танцевальные пьесы. Типа падиспань, Краковяк, тустеп, светит месяц, вальс и много другое. Когда повзрослел, ходил с балалайкой играть девчатам и ребятам.

После семи классов хотел пойти учиться в педучилище. И пошел, когда начались приемные экзамены я русский язык (диктант) написал хорошо, а вот пошел сдавать математику, то у меня во время сдачи поднялась высокая температура и я, долго проболев, взял документы и поступил в среднюю школу №4 в гор.Рассказово. Окончив 8 классов, я бросил учиться, чтобы поступить в Тамбове в аэроклуб, но почему-то документы мне вернули, то ли набор закончился, то ли еще что. Потом я хотел поступать в железнодорожное училище на машинистов-водителей. Но мой год рождения был уже не проходной. Других попыток уже не было, и тут началась война.

Многие трактористы с началом войны были мобилизованы в Красную армию, и был клич: Комсомольцы на трактор! Я тут же сел на трактор, которым управлял мой брат Анатолий. Все было хорошо, машина, на которую я сел с нашим деревенским пареньком Колей Садовниковым была

не из лучших, но ходила, пахала нормально и вот в один из дней при моей смене машина моя встала, нет мотор работает, включаю скорость, чтобы ехать, а она машина стоит и ехать – двигаться не собирается. Заглушив мотор, я пошел к другой машине, где находился бригадир тракторной бригады Иван Федорович. Фамилию его я сейчас запомнил. Подхожу и докладываю: дядя Ваня трактор мой гудит, но не едет. Мой бригадир, мурлыча что-то себе под нос и говорит про себя. Да как же так гудит а двигаться не хочет. Эх, Володя. Володя, наверное сцепление полетело, а посему он, трактор, окаянный, и не хочет ехать. Говорит мне, иди Володя, доставай ключи и разбирай муфту сцепления. Я подошел к трактору, взял ключи, быстро вскрыл отсек, где находилась муфта сцепления, осмотрел ее со всех сторон и пришел к заключению, что разборку сцепления надо начинать вот с того болта, который был закручен в средний вал коробки скоростей. Но подход к этому болту был не простой, во-первых, пространство там было настолько узким, что к болту этому никак нельзя с ключом, а я терзаюсь, что вот сейчас подойдет бригадир и начнет давать мне трепки. У другого трактора, на котором работали девчонки, бригадир больше чем потакал их, и более всего находился возле их загона (загон – это участок, где производишь пахоту). Когда смотрю, он завел девчачий трактор и пошел ко мне. Подойдя к трактору, и спрашивает меня, ну как, Володя дела? А я тем временем посшибал все пальцы на руках, они у меня кровоточат, он и спрашивает у меня, а что ты делал, я указал ему на тот злополучный болт, который и думал подаваться к отвертыванию. Мой бригадир, посмотрев на этот болт, и тут же упал в борозду, катаясь и смеется что есть сил... Я стою и смотрю на бригадира, а он наконец и молвит, что же мне с вами делать, с комсомольцами. Встал, подошел к машине и показывает мне на болтики, которые расположены по кругу муфты сцепления, правда они сильно пригоревшие, но с небольшим усилием поддаются откручиванию, через полчаса мы справились с этой операцией, и муфта сцепления уже была вытащена из своего отсека, где мы ее окончательно разобрали, достав при

этом диск ферода, который и полетел от чего мотор работает, скорость включена, а трактор не едет. Бригадир вручил мне этот диск, бери, говорит мне, верховую лошадь и быстро в МТС (машинно-тракторная станция). До МТС семь километров. На лошади быстрее, чем пешком. Я мигом домчался до Пичера (где располагалась МТС) и к токарю, который подсказал мне, что сейчас вот закончит с этой деталью, что заложена у него в станке токарном и сразу приступлю к твоей беде. К вечерней смене мы с бригадиром приготовили мой трактор к работе.

Я прошу прощения, упустил важный момент в моей жизни. Перед тем как сесть на трактор нас комсомольцев послали на оборонительные работы на Брянско-Смоленское направление. Я это хорошо помню, когда мы пришли в рощу дубняк, где был стадион и там нас собрали, и был там огромный митинг. В это самое время выступал тов. Сталин с обращением к советскому народу, это было 3 июля 1941 года. Выступление небольшое, но емкое, зовущее весь советский народ покончить с благодумием и отдать все свои силы на разгром ненавистного врага немецко-фашистских захватчиков. Закончив митинговать здесь в Рассказово нас посадили в вагоны и повезли на ст. Платоновка, где мы пересели на открытые платформы и далее поехали в Тамбов. В Тамбове собрали нас комсомольцев около клуба железнодорожников, где начались выступления, что мы комсомольцы, готовы свои лопаты сменить на любое оружие, которое нам доверят и сразиться с любым врагом. Покормив нас и погрузив в товарные вагоны благо, было лето в самом разгаре, а мы были одеты в одни рубашенки и штанишки, и повезли нас через Орел на Брянск. В Брянской области на ст. Жуковка нас выгрузили и мы в пешем порядке на расстояние в 25 километров до ст. Олсуфеево, где мы и остановились. Ночью мы располагались по домам в одном из населенных пунктов по 4-5 и более на каждый дом.

Днем мы пошли на речку Десна купаться. Купались мы недалеко от железнодорожного моста через Десну и тут же налетели немецкие самолеты

бомбить огромный аэродром на ст.Олсуфеево. Отбомбившись, самолеты врага, развернувшись уходить обратно, один из самолетов сбросил бомбу на железнодорожный мост, а мы, как я уже сказал, недалеко купались. Бомба в мост не полпала, но мы получили первое боевое крещение бомбежки. Так началась наша комсомольская жизнь на строительстве оборонительных сооружений. В первую очередь мы копали вручную противотанковый ров. Ров копали 7 метров шириной и 6 метров глубиной, земля разбрасывалась на обе стороны равномерно. Грунт там был не очень сложный. Верхний слой что-то песчано=чернозем, затем глина, потом песок. Копать было легко, но вот отбрасывать землю приходилось далеко и высоко, когда углублялся ров.

Строили мы и ДЗОТы. ДЗОТ – это дерево-земляная огневая точка. Вдоль реки Десна и противотанкового рва. Самолеты не один раз пролетали над нами на бреющем полете, при этом разбрасывали листовки, которые мы со страхом иногда читали. И читать нам запрещали. В них, в листовках писали:

Девочки-мадамочки

Не копайте вы ямочки

Пойдут наши таночки

Закопают ваши ямочки.

Работа в две смены днем и в ночь. Кормили нас сравнительно неплохо. Давали и сливочное масло и сахар и неплохой приварок был, готовили и первое и второе. ДЗОТ строился таким образом. Мы копали огромный котлован, в котором саперы делали из бревен сруб, затем делался накат в 3-4 бревна и потом все это засыпалось песком, смешанным с цементом. Получалось вроде кургана, который надо было еще и маскировать. Маскировали обычным дерном. Дерн брали, где росла плотная трава, и вот отрывая такие пласты, грузили на машины, которые подвозили к ДЗОТу и мы вручную укладывали этот дерн. Получалось внушительное укрепление, куда должен был устанавливаться или станковые пулеметы, или орудие. Вот так, проработав остаток июля, весь август, нашу группу, где я работал,

направили совсем близко к фронту. С этого момента хорошо прослушивалась канонада фронта, все приближавшегося и приближавшегося с невероятной быстротой к нашим оборудованным нами сооружениям. Местность эта была близко к станции Сельцо. В один из дней мы пришли утром на работу со своим другом из нашей деревни Володей Свиновниковым, который впоследствии погиб в боях за нашу Родину. И вот нам хорошо прослушивалось, что где-то вблизи от нас находится населенный пункт. Я предложил, Володя, давай сходим в деревню. Дождавшись, когда сделает обход наш прораб, мы с Володькой пошли в деревню. В деревне взрослых никого не оказалось, остались только старики и детвора, остальные были на работе. Мы спросили у ребятни, где поблизости находятся огороды или бахча, нам указали место и мы пошли. Быстро отыскав нужное для нас место, сравнительно успешно набрав в снятые с себя рубашки огурцы и другие огородные овощи, мы поспешили к себе на рабочие места. Смотрим, а вблизи нашего рабочего места находятся красноармейцы, которые занимаются боевой подготовкой. Мы подошли к ним. Командир сделал перерыв, мы угостили красноармейцев огурцами и разговорились. Оказалось, лейтенант-командир оказался нашим земляком из города Мичуринска. Он начал писать письмо своим родителям в Мичуринск, а мы общаемся с солдатами, которые нас угостили махоркой, кстати, я тогда уже курил, пообщавшись с солдатами и командиром земляком, мы пошли на свое рабочее место. В двух местах противотанковый ров изготовлялся взрывным способом, и мы только удаляли перемычки, их мы срывали лопатами.

В обед, когда привезли нам еду, то раздатчик обеда нам сообщил, что кто с 1924 года и младше поедут завтра по домам. Так мы с другом на другой день повезли к своим домам своих вшей, которых у нас в наших рубахах и штанах было огромное количество, что пришлось все это обмундирование сжечь на костре. Письмо командира земляка мы опустили на ст. Мичуринск. В Тамбове нас встретили хорошо. Покормили нас в столовой, где можно

было покушать дважды и трижды, учета никакого не было, потом посадили в вагоны и отвезли нас на ст. Платоновка. Оттуда пешком до дому.

После оборонительных работ, не успев провести небольшую передышку, как мне предложили готовить мотор от комбайна, который надо было установить на специальную деревянную раму, которую надо было взять в колхозе «Ударник» в Липовке. Мотор надо было брать в МТС в Пичере. Для этой работы из МТС был выделен опытный комбайнер Иван Михайлович, человек знающий дело в механизмах, большой специалист в технике. Прежде мы на подводе запряженной парой лошадей поехали в Пичер за мотором. Здесь особых трудностей не было. Приехав в Пичер в МТС, мы с Иваном Михайловичем быстро демонтировали мотор с комбайна «Коммунар», погрузку оказал нам главный инженер МТС, выделив при этом 3-их из работников, мы быстро справились с этой работой, отправились в свою деревню Комаровку, доставив наш груз на колхозную усадьбу и разгрузив привезенное в плотницкую мастерскую. На другой день отправились с Иваном Михайловичем в колхоз «Ударник» за спецрамой. Рама сама по себе не столь тяжелая, сколь она была громоздкой, тем не менее, погрузив эту раму на специальные дроги (это та же телега), на которых перевозят лесные материалы, негабаритный груз. За недалекий участок дороги от Липовки до Комаровки наша рама 4-5 раз съезжала с наших дрог, что надо было поправлять эту раму на дрогах. Наконец и рама была подвезена к плотницкой мастерской и, разгрузив ее с дрог, надо было затянуть ее в мастерскую, а в двери она не проходит, кроме как поставить раму на ребро боком и тогда ее надо развернуть так, чтобы ее можно было сузить, т.е. уменьшить по ширине, чтобы на нее удобно располагался мотор, ранее привезенный нами из Пичера. Время не ждало, надо было молотить рожь, которая уродилась на славу хорошей. Снопы перевозились на ток, где должны были ее молотить, но пока ее скирдовали в огромные скирды. Процедура работ с рамой не заставила нас долго ждать, мы в короткое время управились с ней и, вытащив ее из мастерской, приступили к работе на

моторе. Мотор надо было весь разобрать, посмотреть все детали, что негодное заменить другим и так работая с мотором к нам почти ежедневно приходил председатель колхоза, подбадривая нас побыстрее закончить эту работу и начинать молотьбу хлеба, которого ждут и колхозники, и огромная армия отобилизованных для разгрома врага.

Перебрав все детали на моторе, начали их собирать, при этом на поршнях заменили новые компрессионные кольца, подчистили клапана, отрегулировали карбюратор, затем отрегулировали клапана. Мотор собрали, установили на раму и завели мотор. Мотор работал хорошо. Надо было только за ним уход и правильная эксплуатация. Теперь весь этот агрегат надо перевезти на ток. Ток был совсем недалеко, что было и сделано. Теперь надо было установить раму так, чтобы ремень не соскакивал со шкивов барабана и самого мотора. Вся и эта операция была сделана, мотор с рамой стоял укрепленный и проверенный в работе, все получалось хорошо. Первые несколько дней со мной был Иван Михайлович, который и заводил мотор и регулировал его в работе, рассказывая и показывая мне все как и что надо делать, так как его Ивана Михайловича забирали в МТС. Итак я остаюсь один на один с этой огромной установкой, один со всем народом, который приходил на работу на ток, и все это ложилось на мои плечи, чтобы главное хорошо работал мотор, вращая барабан с соломотрясом, давая тем самым работу многим людям в основном женщинам нашего колхоза.

Работа по молотьбе продолжалась, захватив часть осени, зиму 1941 и 1942 г., т.е. до самого весеннего сева, да в основном все и было обмолочено. Зерно частью было роздано на руки колхозникам, остальное в большем количестве было сдано в государственные закрома.

Время подталкивало к весенне-полевым работам и мне пришлось оставить работу на моторе и садиться на трактор. Выполнив все работы по вспашке, боронованию и других работ наша машина должна становиться на капитальный ремонт, то есть готовить машину к уборочной компании по уборке нового урожая. Меня послали на моем тракторе в Липовку за

комбайном. Дело это не сложное холостой пробег не заставил долго ждать и я прибыв в Липовку на колхозный двор колхоза «Ударник» и отыскав там комбайны и комбайнера, прицепив до трактора мы отправились в Комаровку на колхозный двор. Здесь установив трактор и комбайн в ряд, я и мой напарник Николай Садовников вместе с бригадиром начали разборку трактора. Надо было многое сделать: заменить поршневую группу, залить и расточить новые латунные подшипники, протереть головку с клапанами. Работа продолжалась весь май месяц и часть июня, трактор в основном был готов, чтобы возить комбайн по полям и убирать новый урожай 1942 года. Я сейчас не помню, когда мы выехали в поле по уборке урожая, но я хорошо помню, как я возил комбайн. Эту работу продолжал я почти до конца июля. В это время забрали моего напарника Николая Садовникова в армию, некоторых ребят из Алексеевки взяли в армию, т.е. потихоньку забирали ребят моего года рождения, и я поговорив со своим отцом о том, чтобы мне бросить работу и сделать небольшую передышку перед армией. Отец дал согласие и началась моя подготовка к службе в армии. В это время надо было кое-что получить заработанное и оставить на пропитание отцу и моих сестер. Тетя Марфуня – сестра отца сушила сухари, вязала носки, одним словом началась генеральная подготовка к отправке меня в Красную армию. Я же сам отдыхал, много спал, вечерами с оставшимися ребятами ходили до девчат, пели песни, танцевали, вот таким образом проводили вечера. В один из дней утром я проводил ребят из Алексеевки, которых провожали в армию, в их числе был хорошим мне другом Николай Аброскин. Расцеловался я со всеми и, пожелав им доброй службы, а если и боевых действий, то успешно повоевать и вернуться до дому. Проводив ребят на сердце грусть какая-то и я решил сходить на колхозный двор, возможно, увижу председателя и поговорю с ним в отношении получить оплату за работу. Дойдя до пожарки, там я присел к сторожу дяде Антону – он был хромым, почему и дежурил у пожарки. Не успел и поговорить с ним, как бегут ко мне сестра Тоня и соседская девочка Маша и передают мне – пошли до дому, пришла и мне

повестка в армию. Сильно я не испугался, но вспомнив, что от Анатолия нет никаких известий и подумав про себя, лишь бы не плен и не остаться калекой на всю оставшуюся жизнь. Не дойдя до дома, меня позвала соседка тетя Груша, проживающая напротив нашего дома и просит меня зайти к ней в дом. На стол она ставит бутылку водки, закусить по-деревенски и говорит, пей сколько хочешь, это я блюла на твои провода. Немного выпив и поговорив с тетей Грушей, я поспешил в свой дом. Тут же пришел к нам дядя Ваня с тетей Егоровной, также принес бутылку, тут же отец хлопчет с тетей Марфуней за моим сидором (мешок с сухарями, пышками и другой снедью), пришла и тетя Маня, жена брата моего отца, а Тоня побежала на колхозный двор запрячь лошадь, чтобы меня отвезти до райвоенкомата. Из деревни нам двоим с Сашей Кочетовым повестки на призыв. А мы с отцом и прибывшие проводить меня мои дорогие родственники сели за стол и по традиции русской выпили, кто сколько мог с пожеланием ко мне, чтобы мне служилось хорошо, а есть придется воевать, то успешно и остаться живым и невредимым.

Прибыла подвода и, погрузив на нее мои пожитки, мы с отцом тронулись по деревне к дому Кочетовых, где живет мой товарищ Сашка (кстати, он прошел войну, вернулся до дому, сразу уехал в Мурманск, где проживает и до сих пор. Я не встречался с ним с тех пор как расстались в военкомате).

Приехали мы в военкомат и сразу на прием к начальнику 2-й части л-ту Степанову. Лейтенант уже бывший фронтовик раненый, он танкист принял нас и стал отчитывать нас за опоздание. Серьезно поругав нас, и зарегистрировали, сказав нам ждать построения и зачитки списков.

Вышли во двор, не успев как следует поговорить, подали команду на построение. Строиться надо без сидоров, с ними, с сидорами родители, близкие. Зачитывают списки, меня не выкликали. Сказав при этом, кого не вызывали, остаться во дворе, остальным направо - шагом марш в баню. Так мы, проводив Сашу Кочетова, а нас собрали, все объяснив, отпустили до

дому. А завтра к 9 часам утра чтобы быть здесь во дворе военкомата. Мы с отцом поехали до дому, думая чтобы завтра без подводы идти в Рассказово в военкомат встать надо было пораньше. Так мы и сделали. Утром рано, позавтракав, мы с отцом пешком направились в город. Не пройдя и полкилометра, как нас догоняет подвода из Липовки, едут ребята, которых я знаю, с которыми я учился в неполной средней школе Леня Ячменников и Володя Дрогальцев. Мы молодые, где пешком, а где немного подьедешь. Так мы сравнительно быстро доехали до города, а потом и до военкомата, зайдя при этом за нашим сидором, который мы оставили у знакомых.

Часов с десяти начались построения вызова по спискам, но других команд не поступает. Ожидаем, прошло какое-то время и лейтенант – танкист зачитывает список построившихся, команда направо и шагом марш в баню. А тем временем в военкомат привез сына Сашу Крылова дядя Сергей, но ему так как и мне отсрочка до завтра и мы упросили их дать подводу, чтобы меня и Сашу Кочетова отвезти после бани на ст.Платоновку. Прибыв на станцию, состава для перевозки нас в Тамбов не оказалось нас распустили у кого есть родственники, знакомые на станции могут идти к ним ночевать до утра, а у меня не оказалось таковых, посоветовавшись с отцом, решили ехать ему до дому, т.к. дома одни девчонки, а там и хозяйство, а я остался в станции в зале ожидания, найдя уголок с ребятами, где и разместились на ночь, при этом я сходил проводить отца и попрощавшись с ним до 1947 года. А призывали меня в августе 1942 года. Отец на прощание попросил меня, чтобы почаще писал письма на Родину. Я дал клятву, что не буду забывать своих родных отца и сестер. По возможности имея на то время, я часть писал письма до дома, родственникам, близким. Девушки у меня не было и не было хлопот с письмами к ней.

Утром нас построили за станцией и некоторых не оказалось на месте, начали ожидать, посылать посыльных, а их не находят и последним оказался пришел Добрынин, которого поставили перед строем и зачитал приказ лейтенант-танкист, чтобы его судить военным трибуналом и просить суд,

чтобы его расстрелять (думаю для устрашения нас дураков), расстрела никакого не было, а служил он вместе со мной в одной роте и будучи дневальным по роте рядом с землянкой готовил дрова для печки, а в это время наши товарищи пилили огромную сосну, которая своими сучьями достала Добрынина и оглушила его. Он полежал в больнице, а потом был демобилизован из армии.

Вернусь на Платоновку. Когда прибыл состав для перевозки нас в Тамбов, то быстро рассчитав нас по вагонам и назначив при этом старших вагонами, мы погрузились в вагоны и повезли нас в Тамбов на пересыльный пункт. Приехав в Тамбов на станцию (от Платоновки до Тамбова 30-35 км), мы выгрузились и пешком пошли до пересыльного пункта. Идти было очень далеко, где-то за городом, что я хотел уже выбрасывать содержимое своего сидора, но нервы мои выдержали и скоро мы добрались до пересыльного и расположившись прямо на полу огромного сарая стали отдыхать. В этом большом сарае был организован кипятки и мы, беря свои домашние кружки, шли до кранов с кипятком, набирали кипятки и шли к своим сидорам, доставая пышки и сухари, принимались есть. Сейчас я не помню сколько мы пробыли на пересыльном пункте, но поступив еще много пополнения с других районов области нас погрузили в товарные вагоны и повезли в сторону г.Пенза. Приехали мы на станцию Чаадаевку что реке Сура, где и разгрузились и повели нас в село Чаадаевка, где нас разместили в больших сараях с трехэтажными нарами. Мне достались на третьем этаже очень неудобно по команде «Подъем» подниматься и, чтобы одеться, надо обмундирование, ботинки, обмотки, портянки, все это забрать, опуститься на пол, быстро одеться, обуться и встать в строй. В первые дни мы были в своей одежде и ходили на занятие с песнями через реку Сура в поле или там был и лесок. Прошло немного времени и нас повели на ст. Чаадаевка в баню, где нас еще раз остригли под нулевку, помыв в бане обмундировали всех в БУ обмундирование (БУ – бывшее в употреблении). Обмундирование было постирано чисто, выдали пилюльки, портянки, новые ботинки, кальсоны и

рубашку белые, гимнастерку и брюки галифе. И не стали мы узнавать друг друга, но это не долго, мы быстро привыкли к новым порядкам и обстановке, выдали нам котелки и стеклянные фляги, которые быстро поразбивали, т.к. в эту флягу нальешь полной воды, а закрывать ее надо резиновой пробкой, то фляга вмиг разлетается, не выдерживая давления. Кушали мы прямо из котелков, которые выдали каждому. Пока у нас еще были сухари и пышки, то с этими добавками, да приварок все шло как бы нормально. Но время подошло, когда резерв окончился, то есть что нам готовили в столовой, явно не хватало, началось повальное нищенство, ходить по деревне просить подавание. А какое подавание может дать женщина, оставшаяся одна с ребятней. А нас, таких как я 5 рот по 120 человек в каждой роте. В роте 4 взвода по 30 человек. Но даст может быть одну картошку, а хлеба и спросить стыдно, т.к. ребяташки смотрят на нас как на какое-то чудище. Приспосабливались в выходные дни ходить кому-то что сделать или покрыть дом, благо в селе большинство домов были покрыты соломой, но и этот не выход из положения. Прошел уже сентябрь, начался октябрь, а значит и температура воздуха стала стремительно падать и вот наш батальон переводят в город Городище Пензенской области. Только нас перевели не в самой город, а за город за 3 км в лес, где для нас строили землянки в каждой на 120-150 человек.

Передвижение из села Чаадаевки до города городище проходило маршем. Расстояние это от Чаадаевки до Городище 25-30 км, которое мы преодолели за 6-7 часов и к вечеру мы были уже в лесу около наших строящихся землянок. Вечером тут же заготовили дрова для костра, который горел всю ночь, а мы ложились вокруг него и спали. Но долго спать около костра не будешь, если ты лежишь лицом к костру, то жарко лицу, а наоборот, тогда многие встаю, идут в лес собирать сушняк и разжигают свой костер, но сон таков же, замерзают то спина, то лицо, а то и ноги. Тогда многие из нас прямо в ботинках ноги совали в костер и ждали когда согреются ноги, но не тут-то было, ботинка накалялись до такой степени, что

хозяину этих ботинок приходилось кричать и звать на помощь посторонних, а посторонний начинал разматывать обмотки, чтобы снять ботинки и теперь кричал, т.к. ноги жжет нет спасу. Бывали случаи разрезали обмотки, но это полдела, а иногда разрезали и ботинки и таким образом на всю роту осталось когда наступили настоящие холода 30-35 пар ботинок. А ботинки нужны были для того чтобы утром рано сходить в город за хлебом на хлебопекарню для этого требовалось 20-22 человека. Получив хлеб на пекарне и выйдя за город, разрезались две буханки хлеба и тут же съедались. За эти проделки знали все, даже и командиры, но мирились с этим и терпели.

Первым командиром взвода у меня был лейтенант Николаев по национальности чуваш, командир был справедливым, прибывший только из военного училища, во время перерывов редко вступал с нами солдатами в разговор, а всегда как-то сторонился, отдыхал и курил в одиночку. Был требовательным к себе и подчиненным. Командиром роты первым был старший лейтенант Ноженко, фронтовик после ранения попал к нам в наш лесной батальон. Запомнился мне еще из командиров это заместитель командира батальона по строевой капитан Шевченко. Капитан был очень молодым капитаном, был на фронте и там был очень тяжело ранен, после излечения он попал в наш батальон, и вот с ним происходило что-то непонятное, то он начинал хромать, для чего ему солдаты сделали красивую палку, то начинало у него возле глаз такой страшный тик, что он и говорить не мог, а то начинал заикаться. Капитан был красивым, ходил всегда подтянутым, в общем строевик. И вот в один из дней меня поставили часовым на самом дальнем конце линейки, которая проходила вдоль наших землянок. Линейка, на которой происходили построения и разводы на занятия. Было холодно и морозно. Откуда то из лесу шел капитан Шевченко мимо меня. Я правда окликнул его, стой кто идет, хотя было в полдень, от ответил, я капитан Шевченко и проходя мимо меня спросил: Ну что, замерз? И тут же взял у меня винтовку, винтовка было учебной, и начал делать ружейные приемы «Ко-ли», «От-бей», делая при этом шаг вперед. Потом,

отдав мне винтовку, сказал мне, что он согрелся. Уйдя от меня, я стал думать, что мне теперь нагорит за то, что отдавал винтовку капитану, но он сам меня не наказал и не сказал вероятно нашим командирам.

А тем временем шло строительство в дневное время наших землянок. Когда мы пришли в лес котлованы были наполовину вырыты, остальные земляные работали и исполняли сами. А делалось это так: подходишь туда, где насыпали грунт и берешь полу шинели двумя руками, тебе в эту полу малыми саперными лопатками загружают грунт и ты этот грунт относишь в положенное место и так далее. Когда котлованы были готовы, сразу копали ямы для столбов. Столбы, где должны быть стены тут же забирались заборкой из древесины, а столбы, которые поддерживали накат над головой, скреплялись, и все это так же забиралось древесиной, а потом этот грунт, что мы выносили из котлована, несли теперь таким же образом на накат землянки. Около стен был проход с обеих сторон, а посередине землянки были из жердей сделаны нары двухэтажные. У землянки было два выхода – передний, где проходила линейка и задний выход, который был обращен в противоположную сторону. Туда в лес в основном ходили солдаты и оправлялись, а зимой делали и около землянки. А старшина нас предупредил, что как только потеплеет, это все сами уберете. Некоторые возмущались, но пришло время и все было убрано от землянок за 200-300 м под метлу.

Кормили нас архи хреново. Утром, когда приносили хлеб и показывались первые буханки хлеба несущие солдатом, то те, кто располагались на нарах с краю к выходу произносил клич: «Аманал», т.е. хлеб принесли, и вся рота собиралась к переднему выходу, где старшина раскладывал хлеб на 4 кучи, прежде себе отрезал полбуханки, и потом кто-либо отворачивался, старшина указывал на кучу, произносил «Кому» - первому, третьему и т.д. взводу. Затем хлеб брали во взвода, там пом.ком.взвода также отрезал себе полбуханки и остальное делилось на отделения, в отделениях все были равны и произносили кому и говорил Крылову, Петрову, Иванову. Хлеб тут же съедался, если не съешь, кто-либо

попользуется твоей пайкой, а кто меняет хлеб на махорку – заядлые курильщики, а кто брал котелок и шел, варил свой хлеб в своей печке, что в землянке. Потом подавалась команда, за завтраком 1-2 человека из отделения брали котелки и шли на кухню, где готовили баланду в самом настоящем смысле, так как на кухне готовили суп гороховый. Вначале горох варили в одном большом котле, а в других котлах кипятилась вода, эту воду подсолевали из того котла, где варился горох, черпаком раскладывали по этим котлам. Таким образом, суп гороховый готов, который нам разливали по котелкам. Получалась желтоватая жидкость, в которой плавают шкурки от гороха, похожие на ... Вторых блюд не было.

После завтрака приходил ком.роты Ноженко. Дежурный по роте подавал команду «Встать. Смирно!», отдавал рапорт командиру. Ноженко делал обход при сопровождении дежурного и кричал: «Почему не бьете вшей!» А вшей и правда было в нашем обмундировании столько, что описать это мне просто невозможно, и только когда командиры наши стали приносить утюги чугунные, который бросишь в огонь, он накаляется до степени, чтобы не горели тряпки и ты тряпкой держишь утюг, проглаживаешь штаны, гимнастерку и нижнее белье.

Ближе к теплу в землянках начали мы сами заменять нары из жердей, на нары, похожие на доски. Это делалось так: толстый ствол дерева раскалывали топором на 2-3 части, потом протесывали эти, будем говорить доски топором и потом строгали рубанком одну сторону и укладывали на нары. Получалось все-таки похожее на что-то цельное. Так мы продвигались маленькими шажками к лучшему.

Мои друзья, мои сослуживцы стали писать письма на имя Ворошилова, чтобы отправили на фронт, так как кто писал письма: хочу отомстить врагу за гибель отца, брата. Приближалась весна и это толкало нас на скорейшую отправку на фронт. Но как не войой, а хлеб сеять надо. Прошел слух, кто тракторист, два шага вперед марш. Таких и не очень многих оказалось. Ну с нашего танко-истребительного батальона набралось человек тридцать. Два

шага сделал и я вместе с товарищем из Верхне-Спасского соседнего села на родине. Построив, нас привели в МТС. В МТС с каждым в отдельности директор беседовал. Сколько ты работал на тракторах и каких марках. А с Леней Пылакиным мы договорились, чтобы нас направили в один отряд. Когда подошла моя очередь к директору идти, то во время беседы я сказал, что один сезон я отработал на колесном тракторе, а второй начинал работать на СХТЗ-нати гусеничном тракторе и попросил директора, что если возьмете меня, то чтобы послали вместе с Леней Пылакиным. Когда прошли все, то мы с Леней попали в один отряд, где было всего два трактора, и колхоз этот отстоял от города за 30-35 км. И так получив продовольственный паек на руки, мы с Леней направились в указанное село, название которого я не помню, где нам предстояло работать на сельхозработах. К вечеру мы подошли почти к этому селу, куда нас направили, и встретили подводу, на которой был погружен мотор с трактора «Универсал». Мотор этот вез тракторист в МТС из этого отряда и из села, в которое нас направили. Поговорив с этим трактористом, мы поняли, что в отряде два трактора СХТЗ-нати и Универсал, который выбил блок мотора шатуном и который везет его в МТС. Тракторист также нам сообщил, что «НАТИ» полностью разобрана, и что в отряде находится еще один солдат Митя из Воронежской области. Митя два сезона отработал на «НАТИ» и что на этом тракторе закреплены работать две девушки-комсомолки. Тракторист также сообщил нам, что «НАТИ» находится около колхозной кузницы. Туда и направились.

Нашему приходу бригадир и тот солдат, что там был уже обрадовались, и не откладывая на дальнейшее, нас тут же разместили к одной будем говорить бабушке одинокой, ей было около шестидесяти. Дом у нее был добротный, в доме чисто, опрятно и мы все трое солдат дали согласие на поселение к ней. Дом нам особенно не потребовался, так как мы, обследовав чердак, где хранили сено и которого там было еще предостаточно, мы обустроились на чердаке, хозяйка нам дала кое каких тряпок на подстилку, а одевались мы своими шинелями. На работу нас

бригадир будил очень рано, хозяйка к этому времени что-либо готовила на завтрак и мы отправлялись до кузницы, где был трактор «НАТИ» полностью разобран. Приходило НАСА всего 6 человек, нас мужиков 4 чел. и еще две девушки, за которыми трактор был закреплен. Девчата нам мыли детали в керосине, а мы мужики их укрепляли на остов трактора и так работа спорилась иногда и без бригадира, т.к. мы просили его чтобы он похлопотал в правлении колхоза за нас что-либо добавки к нашему пайку. Колхоз пополнял нас, выдавая на день по литру молока, грамм по 300 мясных продуктов и немного муки да плюс нашего солдатского пайка, который мы получали еженедельно кто-либо из нас троих отправляясь в гор. Городище, где располагался наш штаб учебного полка. Все это делалось по очереди. Идти за продуктами надо было за 35 км. Выходили всегда на ночь и дойдя до МТС там на верстаках ночевали, а утром шли выписывали положенные нам продукты нас наше довольствие. Хлеб мы не брали кроме одной буханки, это чтобы в пути обратном где-нибудь покушать. Вместо мяса брали консервы, селедку брали всегда вместо овощей заменяли нам на какую-либо крупу. Все подходящий получался для троих солдат, а нес это все один человек. А сборка трактора продолжалась, причем неимоверно быстро, это и хорошо, так как сельхозработы торопили нас к этому.

И вот как то раз на мою очередь пришлось мне идти за продуктами. Пообедав, хозяйка собрала мне мешочки, сумки и я поспешил в путь, дошел до селения, которое называется Мордовский ишим. В этом селе живут одна мордва, и на улице стало совсем темно, а до Городище еще 12 км и надо идти весь этот путь лесом. Идти лесом я не решился, так как жители этого селения рассказывали, что в этом лесу обкрадывают какие-то банды. Я стал проситься, чтобы переночевать в этом ишине. Но преимущественно в домах были женщины, они боялись пустить солдата, показывая на дом, где был старик. Я прошел к этому дому и попросился. Семья ужинала, хозяйка говорит, если дед согласен, я не возражаю, и забрав детей ушла в сарай ночевать. В доме мы остались вдвоем с дедом, дед мне намекнул, что у нас

плохо ночевать, а почему не рассказал, сам залез на русскую печку, сказав мне солдат туши коптилку и ложись на скамейку. Я, положив под голову свои мешочки и сумки, потушив коптилку, улегся на скамейку. И тут на меня напали в атаку клопы. Грызли они меня почему зря не обращая внимания на мое замасленное обмундирование, я долго терпел, однако я сдался ихней атаке и не дождавшись рассвета, я покинул эти апартаменты и пошел лесом в Городище. Никто мне не встретился, да и что у меня солдата брать, кроме пустых сумок. В МТС я пришел затемно, отдохнув, пошел в штаб выписывать продукты. Процедура выписывания и получения продуктов процесс не сложный и не долгий. Все получив и уложив в свои сумки, я тронулся в обратный путь. Пройдя Мордовский ишим, дорога спускалась полого под гору, слышу, меня догоняет автомашина, я поголосовал, но шофер не остановил машину и проехал мимо по дороге вперед. В кузове машины находились 3-4 девушки, которые мне погримасничали и, помавав мне руками, машина скрылась за поворотом, где внизу протекал небольшой ручеек. Когда я прошел этот путь, то увидел, что машина стоит и шофер что-то крутится возле машины, девчата, отойдя от машины, сидели кружком, вели беседу. Подойдя к машине, я обратился к шоферу, сказав ему, почему он не остановился, когда я попросился, чтобы он меня подвез. Шофер, подойдя ко мне близко-близко, и произнес с таким возмущением, что если бы он остановился там, где я его попросил, то он бы тогда не тронулся с места. Тогда я предложил сделать привал (отдых), достал из сумки две хороших селедки и банку консервов мясных и пригласил девчат и шофера к моему скромному столу. Они стали отнекиваться. А потом я все же упрямился. Они сели, и мы отобедали совместно, я засобиравшись продолжать в свой населенный пункт. Когда обедали, то в разговоре выяснилось, что девчата меня проводят попутно, они не доходя 5-6 км до моего села поворачивают в направлении своего села, где доложат бригадиру, что машина обломалась и серьезно, за которой надо посылать пару быков, которую надо транспортировать (буксировать).

Я же распределил свои сумки, и девчата помогли мне донести до развилки, где я с ними и распрощался. Они приглашали нас солдат к себе на танцы. Но какие могут быть танцы, если у нас одно обмундирование, измазанное мазутом и полевой пылью. Мы как то ходили в свой клуб, где были танцы и девчата не отказываются с нами, солдатами танцевать, на себя как то неудобно, она в чистой белой кофточке, а ты грязный как бес. А ребят всего ничего, нас трое ну и еще 2-3 парня, которых еще не забрали в армию или пришли по ранению.

Через 2-3 дня мы выехали в поле. Скорей требовало от нас время. Мы распределили в отряде так: меня и Митю оставили на тракторе «НАТИ» и те две девчонки, которые были ранее закреплены. Лене, моему другу пришлось остаться на тракторе «Универсал» с тем трактористом, который возил мотор в МТС. На работу в поле нас поднимали очень рано, затемно, потому, что в ночное время нам работать запрещали ввиду светомаскировки. К трактору «НАТИ» мы прицепили плуг пятикорпусной, за плугом конную сеялку и за сеялкой борону поперек. Вот такой агрегат мы таскали за трактором, этого требовало время и сроки весеннего сева. Работа ладилась удовлетворительно, и мы работали так: с утра за рычаги управления садился я и одна из девушек, а потом во вторую половину дня садился Митя со своей девушкой. Проходила неделя, смены менялись и т.д. Во время сева мы солдаты в колхозе зажили отлично, потому как в день мы брали из трактора литровую бутылку керосина и меняли ее на горшок с молоком, делалось это все по просьбе жителей села, у которых и в этом отношении было кризисное положение, и еще кто-либо из нас один насыпал из сеялки карман у шинели пшеницы, которая была протравлена, и которую наша хозяйка дома обдавала пшеницу кипятком несколько раз, потом ее просушивала, а затем на домашней мельнице ее размалывала на муку и готовила нам ежедневно блины, которые кушали и бригадир тракторного отряда с сынишкой, которого он брал с собой всегда, как дома было с едой очень плохо. В селе нас солдат уважали очень хорошо, но люди жили очень бедно, с едой у них

было архи плохо. Бригадир как-то нас солдат свозил на колхозную пасеку. Пасека было большой, и нас здорово угостили медом тамошние пчеловоды. Их было трое стариков, которые за ними ухаживали. Брат пшеницу и керосин строго запрещалось, но нам, солдатам как-то сходило с рук, да и мы, солдаты понимали, что за такие деяния дальше фронта нас не пошлют, но я еще раз говорю, что нас солдат очень хорошо в колхозе уважали за хорошую работу. Мы не ленились, если что с трактором и случалось какая-либо поломка, мы старались даже всю ночь проработать, но трактор к смене должен быть на ходу. Иногда механизмы и мы простаивали, но не из-за поломок, а из-за отсутствия керосина, из-за которого были простои, хотя и не часто.

Отработав в колхозе ровно месяц нас, солдат, поступил приказ, прибыть в свое подразделение, где нас помыли в бане, переодели в чистое обмундирование. В нашем лесу, где располагались наши землянки все приведено в порядок, везде подметено, убран мусор далеко от землянок или сожжено. И началась наша солдатская жизнь своим чередом, утром подъем, физзарядка, завтрак. Завтракали в столовой, которая была сделана около кухни (сделаны были только столы и скамейки из не толстых осиновых, липовых или березовых дрючков), а кушали из котелков, которые после еды тут же мыли в ручье и сдавали их на кухню. Зато теперь в столовую из столовой ходили строем и с песней. Кормить стали немного получше, но без второго, готовили жидкую кашу. После завтрака развод по занятиям. Разводили пом.ком.взвода куда-либо подальше в лес., там занимались огневой подготовкой, тактические занятия или изучали уставы: внутренней службы, гарнизонной службы и т.д. Потом вели нас на обед. После обеда всегда был «мертвый час». В землянках были сделаны нормальные нары и выдали нам постельное принадлежность, где впервые за свою жизнь лег в постель с белыми простынями. после отдыха на занятие не ходили, а занимались хозработой, делали запруды на этом ручье, что протекал мимо нашей кухни, производили уборку территории около землянок или убирали платц (площадь) перед землянками, где производилось построение всего

батальона, в результате каких-либо торжеств или какой –либо проверки. Жизнь у нас в лесу налаживалась. Вечерами даже к нам из Городища приезжали местные городские артисты и полковая самодеятельность солдатская. было что-то похожее на солдатскую службу, но время неукротимо нас толкало все ближе и ближе к фронтовой жизни, война требовала людские резервы непрерывно, а мы были теми людскими резервами, которые поспевали к ней войне. Слухи все ясней шли в наших солдатских душах на фронт. Кому как, а я прямо скажу, я туда не торопился. У меня брат Анатолий уже сложил свою голову во славу своего отечества, и мне приходилось не единожды думать думку о своих близких, отце и сестрах, я единственный оставался, кто должен был докормить, доухаживать отцовскую старость.

И вот в один из вечеров и ночей, командование роты не ушло ночевать в город, а осталось в землянке готовить списки и амуницию для нас на фронт. Утром после завтрака нас построили и шагом марш в город на строевой смотр, где нам командир полка и объявил, что завтра мы выступаем и поедем на фронт. После прихода в свои землянки нам заменили у кого плохие обувь, обмундирование, шинель, котелки, фляги и утром мы тронулись в путь до ст. Чаадаевки за 25 км. Подойдя к станции, мы разместились в небольшом лесочке, где нас покормили горячим и выдали на руки сухой паек из концентратов (это спрессованный продукт из пшена, гороха, гречки, каждое в отдельности брикетом, там же в брикете положена соль и жиры).

После всего нам показали концерт, где одна девушка пела песню:

Прощай любимый город

Уходим завтра в море (а мы на фронт).

За душу хватала, мы грустили и думали, а что нас ждет на войне. В первую очередь смерть, ранение, плен, чего я больше всего боялся. Поздно ночью подали эшелон из товарных вагонов, где есть нары, печка не нужна была, так как был июль месяц и поезд наш тронулся в неизвестность. Кто-то из нас сложит голову, кто-то будет калекой, кто-то будет пленен. Ведь на

войне все не предусмотреть, т.к. война одна из жестоких проявлений в человеческой жизни, тем более война 1941-1945 годов, где решалась судьба народов быть или не быть свободным от порабощения другим народом или впасть в порабощение на долгие годы или навсегда. С отправкой эшелона заиграл военный оркестр марш «Прощание славянки», проехав метров триста-пятьсот, провожает нас второй военный оркестр, который исполнил марш «Герой».

Пензу мы проехали ночью. Дальше наш путь на станции Ртищево, Кирсанов, Платоновка, эта станция самая ближняя к моему дому. Многие ребята повыпрыгивали из вагонов и побежали к своим домам, но я твердо себе сказал, что я не буду тревожить душу своих родных и близких. Ближе к полудню мы приехали в город Тамбов – этот город мой областной центр. В Тамбове нас встретил немецкий самолет разведчик. Заиграли сирены тревогу, а зенитные орудия открыли огонь по самолету. Самолет ушел в сторону Ртищева. Немецкий самолет над Тамбовом признак недалекого фронта, так как шли еще бои на Курско-Орловской дуге. В Тамбове было продолжительная остановка, хотелось кого-либо увидеть из близких земляков, но нет, фортуна мне не улыбнулась. Эшелон наш пошел дальше на запад через 90 км прибыли в Мичуринск, город фруктов, и далее направились к старинному городу Воронеж. Воронеж нас так же встретил немецким самолетом-разведчиком, постреляли зенитки, а самолет полетел дальше в наши тылы. Через некоторое время приближалась станция Кастирная, где нас разгрузили и мы двинулись пешим порядком к фронту. Весь день до вечера мы двигались все ближе и ближе к фронту. Вечером нас отводили в сторону от дорог, где мы устраивались на ночлег. В ночное время враг сильно бомбил большие и малые станции. Чтобы не нести лишних потерь, делалась такова структура. Утром съедали свой сухой паек и движение начиналось дальше. В дневное время, если появлялись вражеские самолеты, мы рассредоточивались и залегали пока не улетали самолеты. Хорошо прослушивалась канонада артиллерийских залпов и нас завели в большую

глубокую балку (лощину), где мы ожидали распределения по дивизиям. Настал и такой момент, где нас перемешали, и я должен был расстаться со своим близким земляком и соучеником Леней Ячмениковым. Я попал в 97 гвардейскую стрелковую дивизию, он же в 95 гвардейскую, 32 гв.стрелкового корпуса 3 гвардейской общевойсковой армии, которой командовал генерал армии Жадов. Сдав нас новым покупателям, мы отправились в тылы дивизии, где нас распределили по полкам. В тылах дивизии нам выдали самозарядные винтовки и малые саперные лопатки. Самозарядные винтовки СВТ (самозарядная винтовка Токарева) хороша на вид, легче обыкновенной винтовки, имела штык – нож, но это вооружение плохо годилось в боевой обстановке, т.к. небольшое загрязнение и она отказывала стрелять.

Теперь нас отправили в формирующийся третий батальон 294 гвардейского полка, прибыв туда первыми, другого пополнения еще не поступало, нас поставили на солдатское довольствие и мы приступили к занятиям. Только занятий никаких не было. А так увозили нас подальше от штаба батальона, а располагались мы в небольшом лесочке, населенного пункта поблизости никакого не было, командовал нами старший лейтенант Новиков, командир роты автоматчиков. Большею частью он нам рассказывал о боевых действиях, о боевых фактах боевой обстановки, мы же молодые, не обстрелянные солдатики сидели и слушали, раскрыв свои безобидные рты. Так прошло может быть дней 5-7, когда нас построили и ст.лейтенант Новиков начал идти вдоль построившихся, указывая пальцем вот «Вы» и т.д. Таким образом отобрал 12 человек и сказал, что Вам товарищи возможно завтра придется вступить в бой. Со мной вместе в группу попал Николай Логинов из гор.Расказово, такой небольшой черненький паренек, мы с ним обменялись домашними адресами, в случае гибели кого из нас, сообщить родным. Стою и думаю, почему меня, почему я завтра, послезавтра должен пасть, ведь на войне специально убивают людей и вот он человек это я. В сопровождении посыльного, который приехал за нами на серо-белой лошади,

мы отправились на самый передний край отстаивать – освобождать свою Родину.

Во время боевых действий в полку воевало на передовой два батальона, третий батальон находился на формировке, где получал пополнение в людях, вооружение, боевую технику, боевые припасы (патроны, гранаты и т.д.). Когда батальон будет готов к отправке на передовую, то следующий по очереди батальон свой личный состав передает тому батальону, который с ним вместе воевал, бывало и офицеров передавали вместе с передаваемыми солдатами, но как правило это были командиры взводов, которые на фронте они жили три дня, или погибали, или по ранению выходили из строя.

Посыльный, который нас ведет на передовую иногда сходит с лошади и просит желающего ехать на лошади кому-то из нас. Ну и мы, имея на ремне винтовки и патроны по две пачки в вещевом мешке, справляемся у посыльного, а можно ли нам стрелнуть из винтовки? Он говорил, стреляйте сколько хотите, но это занятие вам скоро надоест и вы будете презирать всякую стрельбу на передовой. А я и теперь, когда пишу эти строки даже стрельбу по телевизору и то не могу переносить, а боевики вообще не смотрю. Посыльный наш то ли ориентировку потерял, то ли просто заблудился, когда мы подошли к располагавшейся недалеко батарее орудий 76 мм и расположились рядом с ними, то прибежал офицер и дал команду, чтобы нас отсюда отвести куда-либо подальше, т.к. они артиллеристы сейчас начнут вести стрельбу, то противник обязательно откроет ответный огонь. Посыльный нас отвел дальше в тыл, где была скошена рожь и повязана в снопы, там же были вырыты окопы. В эти окопы мы и расположились на ночевку. А посыльный наш сел на лошадь и поехал разыскивать штаб нашего 294 гвардейского полка.

Утром рано нас будить приехал наш посыльный. Местность была с перелесками, но ровная, это была Белгородская обл, где в районе Тамаровки и Прохоровки совсем недавно прошли знаменитые танковые сражения. Но нас посыльный повел в направлении гор.Богодухова, где перед этим городом

шли ожесточенные бои. В одном из небольших лесков, куда нас привели, располагался НП (наблюдательный пункт) командира полка, где нас построили и подошел к нам лейтенант командир взвода разведки, чтобы отобрать из нашей группы людей в разведку. Кто желает пойти ко мне во взвод разведки? Как-то быстро ответили мои друзья Новиков и Руковишников, вместе с ними произнес и я свою фамилию, но почему-то лейтенант взял Новикова и Руковишникова, я обратился к нему, что я тоже хочу в разведку, но он ответил, что пригласил уже двоих, больше мне не нужно. Обидно мне стало, как-то грустно и не по себе.

Дальше нас никто не тревожил и мы толкались в этом лесочке, когда увидели небольшого роста солдатика с автоматом ППШ (пистолет – пульс – пулемет Шпагина), который вел двоих пленных немцев, которых мы увидели живых немцев, наших врагов. Они были довольно рослые мужики с засученными рукавами, пилотки за поясом. Солдат разыскивал свой штаб, а немец, который разговаривал по-русски торопил солдата, чтобы он уводил их побыстрее в тыл наших войск. Через некоторое время, может через часа 2, когда налетели немецкие самолеты штук тридцать и начали бомбить этот лесок, где находилось много повозок вместе с лошадьми и ездовых тоже было порядком. Там, где был НП командира полка, было много выкопано окопов, в один из которых я и прыгнул, спасаясь от бомбежки, когда на меня в ту же секунду прыгнул командир полка, звание его было капитан, фамилию забыл. Поругав меня за то, что мешаю, но когда самолеты отбомбились, мы вышли из окопов, картина после бомбежки была неприглядная, много было побито, в том числе и лошадей, но за эти страдания был сбит один самолет зенитной артиллерией. Перед вечером нас без Новикова и Руковишникова повели в 1-й батальон. На передовой делалось это так: кто-то берет телефонный провод, который идет от командира полка в 1-й батальон. Вот с этим проводом в руке и идешь. Выйдя из только что освобожденного населенного пункта от немцев и пройдя не более 100 метров, как по нас немцы открыли из минометов огонь, мы попадали и потом перебежками

стали бежать ближе к деревне. Огонь прекратился, и посыльный пошел искать пути подхода к 1-му батальону. Из которого населенного пункта мы только что выходили и была это окраина г.Богодухова. Вечером как только стемнело нас повели ложиной на передовую, пройдя с полкилометра, мы пришли в штаб 1-го батальона, откуда нас повели в одну из рот, которой командовал лейтенант Болотов, мужик не молодой, разумный, толковый, через некоторое время подошла кухня, где нас накормили фронтовым ужином. На фронте солдат кормили два раза в сутки, рано утром, когда еще темно, и поздно вечером. Мне старшина Водопьянов приказал, чтобы я пришел еще раз за гранатами и противотанковыми, что я и сделал, придя опять к старшине, который посмотрев на меня и мое вооружение, он спросил у меня, а что это у меня? Я ответил винтовка СВТ. Он говорит мне, ты молодой солдат и должен воевать с автоматом, а винтовку выбрось. Как это выбросить, я положил винтовку в его бречку и взяв автомат, я был безмерно рад этому перевооружению. Он, старшина дал мне автоматных патронов полную коробку, в которой 300 шт. патронов, а потом говорит мне, бери вот этот ящик с противотанковыми гранатами, с которыми я и отправился на передовую. Но до своих окопов я дошел не сразу, где то свернул неправильно не на свою тропу и заблудился. Хожу с ящиком, а уже стало светать, подбежал ко мне младший лейтенант и кричит на меня: бросай ящик и указав мне куда надо бежать. Когда я был у старшины, то сзади нас остановились наши танки Т-34, это мы с утра должны наступать, но когда совсем рассвело, то немцы сразу подбили 4 наших танка, а два еще наших отошли в тыл. Теперь нам пришлось в бой идти без танков. Была сделана небольшая артподготовка и мы двинулись в атаку. Из первых окопов мы немцев выгнали, а дальше мы продвинуться не смогли, т.к. у немцев в их тылу стояло несколько бронетранспортеров, которые открыли ураганный пулеметный огонь и потеряв несколько человек, мы залегли. Вот это и есть первый бой и то не удачный.

Ночью нас перевели на другое направление, и мы дня три готовились к новому наступлению, где у нас оказалась хорошая подмога, были и танки и побольше артиллерии. Здесь мы немцев выбили с их обороны и погнали на запад. В этот день мы освободили несколько населенных пунктов и захватили два бронетранспортера исправных, но без горючего. После этого боя немцы стали отходить, иногда оставляя небольшие заслоны, а основные силы уходили за Днепр. Полтавская область сильно пострадала от немцев, когда они отходили за Днепр. Все деревни и села были сожжены, запаливали даже отдельные копна урожая, а если попадался им скот, то они его расстреливали и он пропадал лежа распухшим. Немцы большего сопротивления нам не оказывали и когда мы видели, что загораются дома в населенном пункте, мы смело поднимались и шли вперед. Горел и Харьков, который мы прошли правее его, город был хорошо виден, который горел вол всю. Затем мы прошли гор. Диканька и направление у нас было на гор. Полтаву, перед городом форсировали реку Воркслу. Речку форсировали вброд. Поснимали штаны и ботинки, а гимнастерки приподняв повыше, остальную амуницию на плечи и вперед. Немец огонь вел по нас с церкви, потому как подошла наша артиллерия и открыла огонь по церкви, то стрельба немцев прекратилась. Нам офицеры потом рассказывали, что мы Воркслу форсировали там, где форсировал эту речку со своими чудобогатырями Петр¹. Полтаву мы прошли ночью. Город преимущественно был сожжен и находился в руинах. Дальнейший наш маршрут был на город Кременчуг, который стоит на Днепре. Что примечательного, дорога, идущая от Полтавы до Кременчуга, обсажена с обеих сторон дороги вековыми пирамидальными тополями одному не обхватить. Красиво.

К городу Кременчуг мы пришли рано утром, где разместились в небольшой деревушке, расположенной правее Кременчуга, как мы шли, город немцы обстреливали из дальнобойных орудий, город тоже горел. Жители этой деревни несли нам, кто борща, кто супа, кто уху и кормили нас, наевшись, мы стали глушить рыбу гранатами в небольших озерах. Набрали

порядком рыбы, отдали жителям, они нажарили нам и опять принесли. Я же отродясь не видел больших рек, а тут реве да стогне Днепр широкий и мне захотелось посмотреть его величество Славутич, я тропинкой пошел, а где и полз к реке. Расстояние было небольшим, метров 100 до речки не больше. Осмотрев реку, я подумал, что тут не так просто около этой водной преграды мы попрыгаем и не один день. Пришла кухня, а мы уже накушались, и кто чего, кто бреется, кто стирает, кто умывается, моет ноги, все поразувались, немец за речкой, только один раз пролетела вдоль Днепра немецкий разведчик Рама, больше нас никто не беспокоил, а мы в этом особо и не нуждались. Тут же были небольшие стожки сена, у которых мы и залегли спать прямо разувши, т.к. многие постирали свои портянки. Но отдых наш был не долог, так как приехал на лошади начальник штаба батальона старший лейтенант Архаров, который прямо с лошади подает команду на форсирование Днепра, указывает сигналы ракетные, по какой начало, по какой сбор на том берегу и т.д. Подъем славяне (так нас солдат именовали наши командиры).

Поднялись, оделись и обулись, построились и шагом марш. Повели нас вдоль Днепра вверх по течению и пройдя от Кременчуга 10-12 км подали команду нам здесь окопаться. Здесь на этом месте у нас ремонтировали оружие, обмундирование, обувь, устроили нам баню и мы отдыхали 5-7 дней, а затем пошли к речке чтобы форсировать. Так как наш батальон все время до нашего прихода находился в боях, то людей осталось очень мало, а 3-й батальон, куда я впервые попал, был на формировке и получил пополнение, то ком.полка приказал третьему батальону первыми форсировать реку. Водную преграду преодолевали на лодках по 10-12 человек в каждой. переправлялись на острова, которые ближе были к правому берегу, а здесь рукав был очень широким. Переправившись на остров, который солдаты называли «каска», т.к. на карте этот остров был на солдатскую каску похож, батальон перешел в наступление, где немцы ему оказали упорное сопротивление, затем немцы перешли в контратаку и таким образом они за

день сделали 6-7 атак. В батальоне у солдат кончились патроны, и батальон оказался под угрозой уничтожения, оно так и случилось, это случилось потому, что огневая поддержка была из рук вон плоха. В основном хорошо поддерживали своим огнем минометы 82 мм. Часу в 3-4 дня сюда на левый берег обратно переплыл в нижнем белье и около моего окопа был убит, я обыскал его, и оказалось, в кальсонах было завернуто удостоверение личности, которым оказался младший лейтенант, командир минометного взвода, фамилию его забыл. Как потом стало известно, командир батальона капитан Ефимов попал в плен, но он как-то смог из-под охраны немцев и, которого потом откармливал небольшой хлопец, которого потом взяли в полк сыном полка, потом после войны отправили его в суворовское училище.

Следующая ночь 5 октября 1943 года позвала меня на форсирование Днепра. Мы подошли к реке и ожидаем прибытия саперов на лодках, воспользовавшись этим временем я снял обмотки, расшнуровал ботинки, шинель снял из рукавов и накинул ее на плечи, вещмешок, в котором и патроны 3 коробки, гранаты и сухой паек на два дня и автомат. Все это я сделал для того, чтобы, если начнется обстрел и в случае попадания в лодку или около нее я все сбросил с себя и поплыл куда мне нужно. Плавал я хорошо еще с детства, но все обошлось нормально, мы переплыли и пошли занимать оборону, где занял оборону ранее нас переправившийся взвод. На острове был песок и почва была сплошной белый, белый песок, идя по нему, он хрустит как снег в сильный мороз, окоп выкопал, он обрушается, приходится осыпавшийся песок выбрасывать. Рано утром немцы перешли в атаку, поддерживаемые огнем своих минометов и артиллерии. Стреляют и наши минометы. Немцы перебежками помалу приближаются в нашу сторону, мы подпускаем на близкое расстояние и открываем сильный оружейный огонь, ведут огонь и наши 7 ручных пулемета на правом фланге и один станковый пулемет на левом фланге. Левый фланг наш защищает залив, вдававшийся далеко в немецкую сторону. От нашего огня немцы залегают и начинают по одному отходить к себе в тыл, бой затихает, и я спешу привести

свой автомат в порядок, так как песок засоряет движущиеся части оружия. Не прошло 20 минут как немцы снова начали перебежками приближаться к нашим окопам. Подпустив немцев поближе, командир роты Болотов и ком. взвода дают команду на поражение, снова разгорается жестокий бой, строчат наши автоматы, стреляют активно наши пулеметы, немцы залегают и начинают снова убегать в свой лесок. Так за день мы отбили 6 атак. Патроны тают на глазах, их с каждой атакой немцев становится все меньше и меньше. К вечеру бой прекращается, немцы выдохлись и у них немалые потери, так как наступающая сторона теряет больше личного состава, чем обороняющаяся. Мы потеряли 3-х убитыми и 8 человек ранеными. Санинструктор, перевязав раненых, говорит, обращаясь к командиру роты, что убитых надо захоронить. Взяв у них документы, быстро выкопали братскую могилу и захоронили. Ночь наступила, ждем боеприпасы, которые скоро к нам поступают, привез старшина и мяса сваренного, хлеба.

Ночь относительно прошла спокойно. Немецкие минометы и артиллерия вели не прицельный огонь. Мы думали, что в эту ночь к нам придет пополнение, чтобы идти в наступление и сбросить немцев в Днепр. Но подкрепления, увы, не поступило и на день мы опять остались одна рота, и та с теми потерями, с которыми понесла рота, нас оставалось человек двадцать пять. За ночь оружие привели в боевое положение, патронами наполнились, гранаты были. Но в этот день бой разгорелся у левого соседа, где наступал наш 289 гвардейский стрелковый полк нашей дивизии. Как потом стало известно, погиб командир полка и заместитель командира дивизии полковник Смирнов, который хотел вплавь вернуться на левый берег. Но мина, разорвавшаяся вблизи него, навечно воды Днепра похоронила его. Подошла третья ночь, но подкрепления мы так и не получили, а днем у нас еще погиб один человек, у которого обрушились стены окопа и его привалило песком и он задохся. Какая жалость, так погибнуть.

Днем снова немцы перешли в наступление, но и у них силы уже были не те, что в первые дни, первую атаку мы отбили быстро при поддержке наших минометчиков, которые находились на левом берегу. На вторую атаку немцы не пошли, силенки и у них таяли здорово.

А ночью поступила команда сверху нас заменить другой дивизией, а нас опять переправить на левый берег, что мы сделали. Подошли к воде, стали ожидать саперов с лодками, когда с левого берега подходит лодка с солдатами другой дивизии и села на мель не дойдя до берега, сапер командовал прыгать солдатам в воду, а мы кинулись к лодке, чтобы занять место в лодке и вместо 10 человек село 14 чел, а сойти никому не хотелось.

Сапер решил плыть с 14 чел., но лодка при самом малейшем покачивании могла забрать бортом воду и тогда не миновать до берега добираться вплавь. Но бог послал, мы до берега добрались благополучно. Наш полк должен совершить 100 км марш вниз по течению, где была сооружена паромная переправа через Днепр. Куда мы и направились. За три дня мы преодолели этот путь и ночью форсировали теперь уж по капитальной переправе. Дежурные офицеры приказывали пехоте переходить переправу бегом, чтобы не загромождать переправу, так как переправа работает только в ночное время, а на день переправу разбирают и развозят по частям в укрытия.

Перейдя на правый берег, свернув направо мы пошли вдоль Днепра вверх по течению, где дойдя до населенного пункта Дарьевка там от самого Днепра заняли оборону в левую сторону. Как то днем я решил сбегать к речке за водой, и вот, набираю воду, глянул в левую сторону, а там немец тоже набирает воду, мы по-дружески с ним разошлись. Ни он ни я огня не открыли, а мирно разошлись. Я побежал в свое расположение, немец к себе. Находясь здесь у Дарьевки в обороне, мы ежедневно собирали оружие брошенное нашими войсками, которые в этом месте наши войска форсировали Днепр, а также производили перезахоронение наших воинов, которых было предостаточно. Через некоторое время мы перешли в

наступление на село Дарьевку, где наша рота захватила 7 человек немцев пленными, которых мне поручили отвести в штаб полка. Приказ этот я выполнил, пленных сдал дежурному лейтенанту, а сам пошел в свое подразделение. Бои продолжаются, мы движемся в направлении большой станции Павлыш. И людишек у нас стало очень и очень мало. Помню, погода была очень дождливой. Дороги поразмывало. Мы все промокли и прозябли, к нам на передовую пришел командир полка. Это было в ноябре месяце 1943 года, начал беседовать и нас уговаривать, дескать надо взять ст.Павлыш и там в населенном пункте согреться и обсушиться. Солдаты как бы поклялись, чтобы взять Павлыш. Ночь темная, идти надо полем, огородами, садами. Близко приблизившись к населенному пункту, мы открыли огонь с криками «Ура» ворвались в ст.Павлыш, немцы разбежались и до утра нас не беспокоили. Утром к нам прибыли наши танки, нам стало повеселее высушившись и передремнув часок другой, на душе стало полегче.

Это было после взятия станции Павлыш, была сильная распутица, и мы стояли в обороне, вблизи населенных пунктов близко не было, было сплошное поле, хорошо помню, что среди нейтральной полосы находилась скирда соломы. Нейтральная полоса была очень широкой, метров 800-900. и в это время к нам на передовую пришли офицеры: из дивизионной разведки лейтенант, из полковой разведки так же лейтенант и нач. разведки полка, чтобы организовать ночной поиск, составленный из одного взвода дивизионной разведки – это как группа захвата, из взвода разведки нашего полка – это поддерживающая группа и нас молодых солдат из стрелкового батальона, я тогда находился в 1-м батальоне, нас отобрали тоже человек 12. Вот такая группа человек до сорока должна была в одну из ночей взять пленного (языка). Наблюдение за противником проводили только дивизионные разведчики, их тоже было человек 15, в назначенную ночь нас собрали всех вместе и нам тут рассказали, что мы пойдем в ночной поиск, и что группа захвата будет состоять из дивизионных разведчиков, мы люди из батальона должны быть в группе поддержки находясь на правом фланге

группы захвата, а разведчики полна, в группе поддержки с левого фланга. Где-то в час ночи мы прибыли к тому стогу соломы, который находился на нейтральной стороне. Здесь же мы развернулись в цепь в пяти-шести метрах друг от друга. Ночь была очень темной и к тому же был очень густой туман. Погода диктовала, что операция должна пройти успешно, лишь бы не дать противнику себя обнаружить заранее не дойдя до обороны противника. Все шло нормально, шли мы медленно, но уверенно. И вот такое предчувствие, что где-то вот тут находится противник, и в это время лейтенант из дивизионной разведки подает негромко команду принять правее, и тут же в нашу сторону полетели немецкие гранаты. Осколком одной, из которых, я был ранен в левое запястье левой руки, тут же немец открыл сильный огонь из пулемета. Все залегли, в том числе и я и передал по команде, что я ранен и позвал соседа, чтобы он перевязал мне руку. А немцы начали бросать ракеты, которые в тумане очень плохо просвечивали, я и Донников начали отходить к скирде соломы, где находился санинструктор и начальник разведки полка. Придя сюда я доложил, что меня ранило и по всей вероятности осколок находится в руке. Санинструктор: давай я посмотрю. Фонариком светили, и когда сняли повязку, он прямо рукой вытащил осколок, отдав мне его на память. Это случилось 2 ноября 1943 года.

Повоевав с небольшими боевыми действиями в направлении г.Кировоград, мы подошли к населенному пункту Овсянниковка, где вся наша дивизия заняла оборону на продолжительное время. И вот тыловики нашего полка организовали баню. Была зима, январь месяц, и мы втроем, я, Иван Шibaев и Славик Яжко пошли в баню. Выкупавшись, нас одели в чистое новое нательное белье, а из прожарки наше обмундирование еще не было готово и мы в нательном белье сидели и ожидали, когда в баню пришли начальник разведки полка капитан Дьяконов и командир роты автоматчиков ст.лейтенант Новиков, как увидели нас, сразу начали агитировать нач.разведки - в развед. взвод полка, а ком.роты автоматчиков – в его роту. Мы согласны были только в разведку. И таким образом с января 1944 года я

нахожусь во взводе разведки полка. Через некоторое время мы начали готовиться за взятием «языка» - взять с немецкой обороны живого немца, чтобы он рассказал, какой противник стоит перед нами, его вооружение, техника, наличие людей и другие подробности. Порядок таков. Затемно мы берем стерео трубу (или еще название артиллерийской), бинокли и отправляемся на передовую своих войск, где целый день ведем наблюдение за состоянием действий противника. Выясняем пути подхода к противнику, замечаем ориентиры на местности, чтобы потом ночью знать пути отхода. Понаблюдав, мы заметили землянку в расположении немцев. Следующей ночью мы, подготовившись, свое оружие, гранаты, ботинки, обмундирование, чтобы все было подогнано и не оказало отрицательных действий в бою. Этот вид боя очень ответственный. Если мы дадим врагу себя заранее обнаружить, то никакого языка не будет, так немцы успеют подготовиться к отражению. Но все шло нам на пользу и ветер дул с нашей стороны, что мешало наблюдению за нашим передним краем. Мы все в масках белых, автоматы мелом измазали, чтобы не выдать себя. Мы подошли к противнику настолько близко, что стало видно немца, который охранял этот блиндаж (землянку). Пом.комвзвода Петя Волков стрелой приблизившись к немцу ножом его в спину. немец заорал, подняв переполох в блиндаже. Я отворачиваю плащ-накидку, которая загорает вход в блиндаж, немец бьет меня из ракетницы, но заряд проходит мимо уха. Что делать? Мы окружили блиндаж, нас всего 12 человек. Сколько там немцев? Не знаем. Тут же все это быстро. Митя Озеров бросает в трубу одну, другую гранату, которые тут же взрываются внутри блиндажа. В блиндаже загораются солома, одеяла, мы еще бросили в дверь две гранаты, схватили немца, который был живым. Ребята положили его на такую лодку, на которой перевозят раненых зимой, а мы впятером еще бросили в блиндаж гранаты Ф-1 и начали отходить, поддерживая людей, которые тянут языка. Когда работают глаза и уши (так на фронте называли разведку), то солдаты нашей обороны не имеют права открывать огонь, так как могут нас перебить.

Этого языка мы привели из района обороны 1-го батальона, правильно ли он пленный рассказал, требуется подтвердить эту правильность, нужен еще пленный немец и через некоторое время мы начали готовиться к захвату другого языка только теперь из района обороны третьего батальона. Как то разведчики ходили к правому соседу наших войск за получением каких-то данных, то в одном из домов, где жители этой улицы были эвакуированы, так как близко находились к передовой, то разведчики обнаружили примороженную свеклу, и когда они пришли на квартиру, где мы располагались, и доложили об этом, то все единогласно согласились выгнать из этой свеклы самогон. Аккуратным организатором взялась за это дела баба Саша, хозяйка этого дома. Дело закрутилось, все к одному, как раз нам идти на поиск ночью, был к этому моменту готов и самогон. Вечером пришли к нам на квартиру начальник разведки капитан Дьяконов и помощник начальника штаба полка майор, фамилию которого не помню. Они организовали хорошей закуски, и мы начали пьянствовать, но не здорово. Эти офицеры нас убедили, что на тихое задание идти и нажравшись до пьяна не следует, так как операция может сорваться и взвод может потерять большую часть личного состава. К двенадцати часам мы были уже на передовой. Когда пришли на передовую, то установили, что траншеи были засыпаны снегом, пулемет также засыпан, люди ушли обогреть землянку, ушел и командир наш взвода. И тогда Славик Янко говорит, слушайте мою команду. Погода способствовала нашему успеху, так как ветер с поземкой шел от нашей обороны. При раннем наблюдении мы установили, что у немцев в боевом охранении, которое создается перед обороной основных войск смотря по обстановке на удалении 200-400 метров. Так мы установили там блиндаж, который отапливался, так как видно было, как из трубы шел дым. И мы пошли на этот блиндаж, вышли мы на него точно, но при подходе к блиндажу кто-то из наших разведчиков попал на мину натяжного действия, мина взорвалась, и немцы начали выскакивать из блиндажа. Их было четверо, один совсем убежал, двое были убиты, а четвертый, спасаясь, убежал

от блиндажа как раз в мою сторону. И в этот момент выбежал из цепи Иван Гигеня, хотел оглушить немца, который был уже ранен в ногу. Но я смотрю, что Иван падает вместе с автоматом своим и говорит мне, ребята не бросайте меня, я закричал на людей, которые отстали от нас, они были левее меня, которые вели из автоматов огонь, вот они то, их было двое, и ранили Ивана Гигеню. Как обидно такому случаю. Тут возле меня раненый немец, он без оружия, и тяжело раненый Иван, а мои друзья разведчики потрошат блиндаж, из которого взяли немецкий станковый пулемет, русский ручной пулемет и противотанковое ружье. Когда начали выходить из блиндажа я крикнул, чтобы подошли ко мне и взяли и немца и Ивана. И это все надо было перенести на свою сторону. А из наших еще один был ранен той миной, которая взорвалась ранее. Мы благополучно отошли из расположения немцев, так как немцы даже не поняли или возможно проспали наше посещение к ним. И когда мы уходили из района обороны третьего батальона, немцы открыли огонь из минометов, но к нам уже следовала подвода, чтобы забрать раненых и оружие, которое мы забрали там у блиндажа. Днем мы пировали от оставшегося удовольствия. Через два дня к нам во взвод пришли комсомольцы – три девушки и один парень, которые принесли нам подарки домашнего изготовления. Кому достались кисеты, варежки и теплые носки. Мы их просили, чтобы они узнали о судьбе наших раненых в этой простой, но успешной операции, где мы захватили и привели еще одного живого языка. Здесь под Кировоградом шли достаточно жестокие бои, где немцы были окружены и они сильно сопротивлялись.

Хотелось бы еще рассказать об одном эпизоде, что со мной произошел в одном огромном молдавском селе Трузкое. Как то вызывает начальник разведки полка нас двоих и дает нам распоряжение пойти в расположение 1-го батальона и там вам все расскажет ком.батальона. Я как обычно оделся, на мне было обмундирование, сверху одел телогрейку и на все это одел зимний маскхалат, а напарник мой говорит, что его что-то знобит и он сверх всего одел еще и шинель. Сложности дойти до штаба 1-го батальона не было. Мы

взялись за провод, который шел от полка до батальона и пошли в сторону передовой. Придя на наблюдательный пункт батальона, я пошел доложил командиру батальона, что разведчики прибыли, командир сказал, чтобы обождали и мы ушли в соседний дом и легли на полу, стали ожидать, но при этом сказали связисту, что мы будем вот в этом доме, население ушло вглубь нашего тыла. Через некоторое время нас позвали, мы вошли в погреб, где располагались ком.батальона – майор с бородой, достает карту и начинает говорить. Я тогда сказал майору, товарищ майор, вы не ставьте нам задачу по карте, а лучше выйдем на улицу и вы укажите нам направление нашего движения. Так и сделали, мы вышли, он указал, как нам идти и где занимал оборону его батальон. Мы с напарником поняли, что нам надо пойти к левому соседу, который располагался левее его батальона и который с утра наступал и имеет какие-то хорошие успехи. Ну и мы пошли. Хорошо помню, что нам надо идти по глубокой балке (лощине), которая там вдалеке выполаживалась и там, где был ее конец. Стояло на позиции орудие, похожее на нашу пушку, и мы направились по дну лощины к этой пушке, а там расспросим все подробнее. Пройдя совсем немного, как на наш батальон налетели немецкие самолеты Ю-87 и, построившись в коробочку, начали бомбить нашу передовую. Самолетов было штук сорок. Напарник мне предложил прилечь и обождать этот налет. И мы прилегли. Я лег на правый бок, а напарник на левый, и мы наблюдаем за немецкими самолетами, которые как раз над нами разворачивались и хорошо было видно даже летчика в самолете, а когда напарник посмотрел на берег нашей лощины, то увидел сидят люди в окопах и машут нам. Я встал на колени и кричу и машу, что сейчас самолеты улетят, и я подойду к ним и опять прилегу и наблюдаю за самолетами, а мой друг все время наблюдает за немцами и говорит мне, Володька они заряжают оружие, и молчком поднимается и бежать туда, откуда мы шли. Мне ничего не оставалось делать, как последовать его примеру. Немцы как открыли по нас огонь, я пробежал два-три метра и упал, слышу, что пули вокруг меня засвистели. Я слышу, что в меня не попали, я

снова вскочил и начал удирать от этого места, благо лощина изгибалась, и я укрылся в мертвом пространстве, т.е. я становился невидимым для немцев, когда я повернулся на напарника посмотрел, который тоже бежал, но только по склону лощины живой и невредимый, возвращаясь по лощине обратно, то в огромной воронке сидят два наших солдата, которые прикрывали эту лощину. На НП мы не пошли, а пошли и доложили начальнику разведки, который разбирался с комбатом сам. Не помешай нам немецкие самолеты, мы наверняка бы подошли к орудию, где и попали бы в плен, чего я всего более боялся на фронте.

Зима закончилась. Наступила весна, и наш маршрут стал по направлению к районному центру Кировоградской области. На дорогах распутица и наши войска непрерывно гонят немцев все дальше и дальше на запад. Перед нами г.Новоукраинка. Это небольшой населенный пункт, в который мы вошли и полностью освободили утром. Помню мост перед городом был взорван, а этот мост соединял дорогу через очень глубокую балку, а надо технику, артиллерию, повозки все переправить на тот берег к городу ближе. Саперы взрывали на склонах и делали дорогу, снижаясь постепенно все ниже и ниже, затем проезжали брод небольшой и начинался плавный подъем в город. Когда вошли в город, то солдаты в небольшом складике, оставленном немцами такие небольшие коробки, в которых были флаконы грамм по триста прозрачной жидкости. Солдат есть солдат. Попробовали поджечь, горит синим пламенем. И начали эти коробки растаскивать. Бежал к этому складу и я. Когда я подбегал к этому проклятому потом складу, то офицеры вырывали из рук солдат и разбивали, а около склада поставили охрану из нескольких солдат, и была надпись, что это древесный спирт. Я пошел разыскивать разведчиков своих, которые уже разместились в одном из домов. По пути я увидел нашего разведчика Жорку Тягнирядно, который стоял среди болота. Я спросил, ты чего стоишь в воде? Он ответил, что он ничего не видит. Я быстро вывел из болота и привел его в дом, где были разведчики. Командир взвода распорядился кого послать за

медсестрой, а многих послали за молоком. К счастью разведчики принесли несколько горшков с молоком. Санинструктор заставляла Жорку пить молоко по многу, а потом вызывать рвоту, проделав таким образом несколько раз зрение у него стало возвращаться. Медсестра тогда говорила, благодари бога, что с этим делом хватились быстро, а то бы быть беде. И на другой день мы узнали, что в третьем батальоне отравилось 10 человек, в том числе и командир батальона капитан Ефимов. Не сунь ногу в воду, если не знаешь броду.

А перед нами располагался город Первомайск, который располагается на реке Южный Буг. Речка бурлива, глубокая и широкая, которую надо форсировать. Пока саперы готовили плавсредства, меня и еще одного разведчика послали к левому соседу узнать, как идут дела к форсированию реки. Соседом оказалась на 95 гвардейская дивизия нашего 32 гвардейского стрелкового корпуса, где я встретил своего близкого земляка, хорошего друга, с которым вместе учились в 5,6,7 классах Леню Ячменникова. Идем по ложине, в которой располагались солдаты, вижу один солдат умывается, подхожу все ближе. Нет, не ошибся. Это Леня. Мы с ним обнялись, расцеловались и уйма вопросов с обеих сторон. Он мне сообщил, что был ранен, и что на фронте он встречался со своим отцом, я в свою очередь также был ранен, что воюю во взводе пешей разведки 294 гв. стрелкового 97 гв. стрелковой дивизии. Побеседовав с ним и обменявшись полевыми почтами, я спросил где штаб, он проводил меня до штаба, где я представился, что я от соседа справа вас, и что я пришел узнать у вас обстановку и начало форсирования реки. Город Первомайск против них только на той стороне реки Николаевской области.

Слева от нас оставался г.Первомайск на Буге, а впереди нас предстояло взять город Кривое Озеро. Этот городишко небольшой по размерам, но уютный, в который мы, разведчики, вошли вечером в середине апреля. Дороги были вспучены и раскисли от паводковых вод. Пехота нашего 294-го гв.стрелкового полка далеко отстала по такой распутице и нам разведчикам

пришлось самим атаковать этот город, сбив прикрытие города немцами, мы вечером вошли в город. Когда входили в город первыми нас встретили ребятишки лет по 10-12, от которых мы узнали, что немцы спешно отходили, бросая на дорогах технику, орудия и даже повозки. Заночевав в Кривом озере, утром к нам на лошади прибыл начальник разведки полка гв.капитан Дьяконов, который и поставил нам разведчикам двигаться в направлении города Ананьев, до которого было примерно около 50 км. Отойдя от Кривого Озера километров 15-20, был перед нами крупный населенный пункт Любашевка, но перед населенным пунктом проходила железнодорожная ветка, окаймленная с обеих сторон посадкой. Когда мы подошли близко к посадке, то за ж/д было слышно шум моторов и возня людей. Командир взвода посылает нас двоих, меня и Васю Белова, такого же молодого, как и я, посмотреть, что там за второй посадкой творится. Когда мы с Васейкой преодолели первую посадку, а потом и железную дорогу, а затем и вторую посадку, то увидели много немцев и автомашин и два трактора трах бах, которые вытаскивали автомашины из грязи и болота, было и 4 пушки. Мы от немцев находились всего в каких-то 20-25 метрах. Василь говорит мне, иди и доложи командиру, а я останусь здесь ожидать всех разведчиков, а я ему сказал, что иди сам, он быстро повернулся и тихо побежал к разведчикам, не прошло и десяти минут, как все разведчики были тут, где находился я. Все залегли, ожидая команду командира взвода, который должен взмахнуть и с криком «Ура!», начать атаку немцев, которые вовсе и не ожидали нас, что мы есть тут. Мы разом поднялись, открыв ураганный огонь из автоматов ППШ, а кое-кто еще бросал гранаты. Немцы в панике стали поднимать руки, а кто убежать пытался, мы по ним также открывали огонь. Бой закончился за каких-то 7-10 минут, и мы захватили два работающих трактора, 8 автомашин, 4 орудия, много в автомашинах боеприпасов и вооружение личное немцев. Пленили мы 31 немца и убитых было человек 8. Нас разведчиков было 14 человек вместе с командиром взвода. Вся техника осталась на месте, а немцев построили и повели в населенный пункт, где отобрали человек 6-7

молодых ребят, показали им как зарядить немецкий автомат и как они должны сопровождать пленных до встречи с нашими войсками, а мы в этом населенном пункте стали ожидать свой полк, который через некоторое время прибыл в наше расположение, где мы покушали, немного передохнув и нам поставили задачу двигаться в направлении города Ананьев Одесской области.

Когда мы подходили к городу Ананьев был пасмурный день, где мы должны были проходить стоял большой омет соломы, на который начал восходить командир полка полковник Харитонов с биноклем и начал наблюдать в направлении г. Ананьев и позвал разведчиков к себе. С этой скирды соломы было простым глазом хорошо видно, как немецкие транспортные самолеты делают посадку и одновременно поднимаются в воздух. Комполка предположил, что немцы в спешном порядке вывозят раненых и другие ценности из города. И тут же мы увидели огромный обоз немцев, подвод 50 и несколько автомашин. Машины подходили к лощине, где располагалась окраина г.Ананьева. Командир полка говорит нам, в этом обозе много трофеев и дал команду атаковать, мы быстро развернулись в цепь и бегом начали бежать на сближение с этим обозом. Но машина быстро подъехала к берегу этой лощины, выбежал немец с пулеметом и открыл огонь по нас. Обозники, увидев нас, стали погонять лошадей, чтобы быстрее выйти из-под нашего огня, так как по обозу начала обстреливать наша 45 мм орудие, а мы перебежками на ходу стреляли, все быстрее приближаясь к немцам. Видим, что одна лошадь упала в упряжке. Пулемет по нас открыл яростный огонь, и не добежав до обоза 100-120 м обоз скрылся за поворотом на окраине города. Так что трофеев нам досталась одна повозка, в которой были консервы мясные и сыр плавленый, и машина, в которую немец бросил гранату в моторную часть. В машине были боеприпасы и разная дребедень.

Город Ананьев располагается на небольшом ручье, но местами есть широкие места типа омута, в других местах можно легко перепрыгнуть. Город разделен на три участка. 1-й участок это где расположен центр, 2-й

участок – это куда мы вошли в город и 3-й участок расположен напротив второго, которые разделены этим небольшим ручьем. Наши войска заняли оборону в конце огородов 2-го участка, немцы оборонялись за ручьем в третьем участке. Как обычно, как и всегда немцы ведут по нашей обороне огонь, а один из домов был построен ближе к ручью, и немец сосредоточил огонь по этой хате, которая вскорости и загорелась. Хозяйка дома собрала кое какие тряпки, и схватив ребенка, выбежала на улицу, чтобы добежать до других домов, но пуля немецкая сразила эту женщину, она упала вместе с узлами и ребенком, потом как же плакал ребенок, один из солдат, который находился ближе всех пополз чтобы взять как-то ребенка и женщину, но был ранен и так ребенок плакал до самой темноты. Прошло 30 лет с тех пор как окончилась война и вот я на это тридцатилетие взял и написал письмо в г.Ананьев вот с таким описанием, как написал только что, правда я и еще писал, что наш начальник разведки гв.капитан Дьяконов погиб в этом городе, где я просил директора школы, чтобы школьники от моего имени возлагали на его могилу цветы. А погиб он при следующих обстоятельствах:

Прошло может быть дня 2-3, когда к нам разведчикам пришел начальник разведки гв.капитан Дьяконов с двумя автоматчиками с автоматной роты и говорит нам, немец еще днем драпанул из города, а вы сидите тут и не знаете ничего. Мы быстро собрались и все вышли, чтобы идти на 3-й участок. Идти надо было в сторону центра метров 200, а потом свернули налево и на переход через ручей. Впереди шли я и помкомвзвода Петя Волков. Этот человек был очень мужественным, смелым, умным, никогда не терпел пустословия, был всегда серьезен, не растрачивал свою энергию попусту. Когда мы сошли с перехода, нам оставалось до первой хаты метров 40-50, не доходя где-то метров 20 мне что-то показалось, кто-то промелькнул впереди нас. Я распустил руки, дав понять Волкову, что впереди опасность. Мы присели на чепурки, всматриваясь вперед нашего движения. Подошли все остальные разведчики и с ними гв.капитан Дьяконов и два автоматчика. В такие минуты не говорят вслух, а дав понять, что-то

промелькнуло впереди, и когда подошли Дьяконов и комвзвода и сказали нам с Волковым, что мол трусите, вот вам все и кажется. Мы так же с Петей оказались впереди всех, пошли ближе к домику, возле которого стоял омет сена небольшой и мы прямо подошли к двери дома и постучали, отозвалась женщина, хозяйка дома. Кто там? Мы ответили, мы солдаты с участка №2 откройте нам, мы свои. Женщина, загремев засовом, двери открыла нам, тут же подходили все остальные. Мы вошли в хату, вошел и начальник разведки с комвзвода. Начальник разведки приказал хозяйке, чтобы она завесила окна. Но они уже были завешенными. Хозяйка и говорит нам, кто вошел в хату, что от нее только что вышли три немца с оружием. Тогда капитан Дьяконов приказал лейтенанту, чтобы разведчики вместе с лейтенантом прочесали улицу, идущую вдоль ручья (прочесать – это осмотреть внимательно), и мы разведчики пошли выполнять задание, а начальник разведки с двумя автоматчиками остались в хате, глее капитан начал писать донесение в штаб полка. Мы же, повернув влево, пошли вдоль улицы, были настороже, осматривая дома и постройки. Когда отошли от дома, где остались наши метров 400, не встретив никого, ни немцев, ни гражданских лиц, мы подошли к одному строению и вполголоса начали беседовать, некоторые уже захотели закурить, и поступило предложение, что надо вернуться туда, где остался капитан. Но по нас открыли немцы автоматный огонь, очевидно, они преследовали нас сзади, когда мы шли вдоль улицы, мы, отстреливаясь, повернув к ручью, начали отходить. Заработали пулеметы там, где мы оставили капитана, и заработал немецкий пулемет, где мы кинулись к ручью. Немцы начали бросать ракеты, и тут кричит комвзвода, что его ранило в руку и бедро, кричит и Иван Шибяев, что его тоже ранило выше колена в ногу. Взяв раненых, мы подбежали к ручью, а место оказалось и широким и глубоким, мы начали перебираться через ручей, где вплавь, а где можно идти по дну. Наши солдаты не стреляли, так как были оповещены, что «глаза и уши» работают на немецкой стороне. Выбравшись на берег и взяв раненых, мы отходили к своей обороне и потом подошли к своим домам, где вызвали

медсестру, которая начала перевязывать раненых. Так как комвзвода был ранен, то на доклад в штаб пошел помкомвзвода Волков. Доложив там обстановку, он вместе с помощником начальника штаба майором, фамилию не помню, пришли к нам в расположение, и спросил майор, а где начальник разведки? Начал нас ругать, так как мы оставили дескать такого языка, как начальник разведки полка и приказал нам, чтобы мы немедленно пошли на розыски капитана и автоматчиков, и без ничего не приходите, найти живыми или мертвыми. Приказ есть приказ. И мы во главе с помкомвзвода Волковым отправились в то место, где переходили мы ручей, когда шли на задание. Но там уже в нашу сторону строчил непрерывно немецкий пулемет, и немцы освещали эту местность ракетами. Мы пытались кричать капитану, но на наш крик следовала пулеметная очередь и так до утра мы ничего не добившись, вернулись в свой дом, где раненых уже отправили в медсанроту, где им должна оказана настоящая медицинская помощь. Прошел день, когда немец активно обстреливал наши позиции, а когда подошла следующая ночь, то мы вновь пошли разыскивать капитана и автоматчиков. Когда пришли к этой хате, то женщина сказала нам, что приходили к ней немцы и говорили ей, должны скоро прийти рус, рус. Мы обыскали все вблизи этой хаты, но только нашли молодого автоматчика, который закопался в сено и находился там все это время, а второй автоматчик, такой усатый мужик пришел в полк только через неделю. Капитана мы рано нашли на следующий день, когда нам дан был приказ преследовать отступающего противника.

Капитан Дьяконов был убит правее перехода метров 30-40 в камыше очередью из восьми пуль из пулемета, что мне запомнилось портсигар, лежавший в брючном кармане, был пробит пулей. Мы разведчики хотели схоронить своего начальника разведки, но нам этого не дали сделать, проводив нас вперед на город Фрунзовку Одесской области, до которой было до ста километров.

В письме, которое я получил к 30-летию Победы, мне сообщили, что женщина, которая выбежала из своего горящего дома с узлами и ребенком, была убита, а девочка тогда стала к 30-летию взрослой женщиной.

От Кировограда до Григоропля на реке Днестр наш полк с боями в распутицу прошел около 400 км всего около 40 дней. Но мы разведчики полка в головной походной колонне своего полка идем в направлении города Фрунзовка.

В начале апреля мы разведчики вечером, но еще не стемнело совсем подошли к городу на его северную окраину из далека по нас обстрелял немецкий пулемет. Но мы перебежками достигли первых домов и укрылись за ними. Задача нам была поставлена, во что бы ни стало сохранить большой капитальный мост, который был при въезде в город Фрунзовку. Первым делом новый командир взвода приказал нам обследовать ближайшую улицу и ее дома. Так мы и сделали, обходя и проверяя дома. Жители, видя что пришла их освобождающая Красная армия, всегда предлагали что-либо покушать, думали, что мы уж такие голодные, что это было для нас не впервые. В центре города был большой пожар, мы спросили у жителей, они сообщили нам, что горит дворец культуры. Проверили один дом мы с Васей Боловым. Он открывал дверь в дом, немец сидел за столом, схватил карабин и выстрелил в Белова, я был с ним рядом, но пуля, не задев из нас никого, немец промазал. Васька, не снимая автомат с плеча очередью, я помог ему уложить этого разбойника. Жители этого дома, что нам делать с этим немцем? Мы сказали: закопайте как собаку. Потом собрались мы вместе решить, что же нам делать дальше. Жители, кого мы ни спросим, говорят нам, что немцы целый день уезжали и на автомашинах, и повозками, и пеше. Командир взвода решил направить в штаб полка донесение, что разведчики находятся на окраине Фрунзовки, сопротивления большого не встретили и отправили Ивана Гейченко на лошади верхом в штаб полка, а мы решили сходить до пожара. Когда мы подошли к пожарищу, то строение все обрушилось и догорало, а около этого пожарища бегают ребятня, которые

сообщают нам, что в одном доме мы знаем там два немца, командир взвода (его нам дали перед выходом на Фрунзовку), собрал нас и мы пошли во главе двух парней к этому дому. Расставив нас около окон, а троих или четверых взял с собой и зашли в дом. Хозяин с семьей ужинали. Комвзвода задал вопрос хозяину: немцы есть? Он показал на дверь, которая вела в комнату, где находились немцы. Открыв дверь, командир командовал: хонде хох! (руки вверх), один немец, что сидел возле тумбочки что-то писал, а второй лежал на кровати, он вскочил и пытался схватить автомат и оказать сопротивление, но командир несколькими выстрелами из пистолета сразил этого немца. Мы взяли этого пленного, и оружие их, вышли на улицу. Оружие их побросали в огонь догоравшего пожара, а с этим немцем, нагрузив его мешком с трофеями (который мы несли с собой) и пошли ближе к мосту, чтобы его не смогли подорвать. Выбрав дом недалеко от моста, мы расположились в доме, заставив хозяйку готовить ужин, картошку с консервами, которую мы несли по очереди. Хозяин пошел с двумя нашими солдатами за соломой, чтобы там спать, командир взвода стал разговаривать с пленным немцем с одной из дочерей хозяина, которая владела немецким языком. У хозяина было две дочери. Обе взрослые. Поужинав и покормив пленного вместе с собой, часть улеглась на расстеленную солому, и, выставив охрану около дома по очереди, что редко делали разведчики. А тут не понятно. Почему нет боя, а немцы уже в двух домах обнаружены? Нужно ждать утра. Утро мудренее вечера. Мне охрана нашего дома досталась последним близко к утру. Разбудил меня сменщик, я заступил в караул. Сходил до моста. Везде в городе тишина. А сам стою и думаю в чем дело, что немцы без боя сдают этот город и не взорван большой капитальный мост. Постояв часа полтора около дома, когда из соседнего дома идет женщина, я окликнул ее «Стой, кто идет?». Она перепугалась и шепчет мне на ухо, а у нее в доме четыре немца лежат на полу. Я вошел в свой дом вместе с женщиной и командовал подъем, а командиру доложил, что вот у этой

соседки на хозяйстве 4 немца. Пошли четыре человека и забрали этих немцев, которые не успели оказать сопротивления, так как еще спали.

Командир взвода, распределив кому и как действовать, мы вышли и по улице начали прочесывать город. Когда прибежал мужчина и доложил командиру, что у него в доме находятся четыре немца, а во дворе две повозки, две верховые лошади, собака ученая и пулемет на одной повозке заряжен лентой. Мы направились к этому дому. Я оказался шел последним, т.к. днем раньше натер ногу и мне одна из дочерей еще лечила чем-то мои болячки с вечера, и вот я шел последним, шкандыбая на одну ногу, когда меня догоняет одна женщина и говорит мне, что у нее два немца и что у нее ребенок в люльке, а немец держит в руках гранату. Я вернулся, идем с женщиной к ее дому, а когда подошли к дому, она меня не пускает, дескать, их двое, а я один, и они убьют и меня и ребенка. Пока я ладился с женщиной из соседнего дома, вышла соседка и тоже начала не пускать меня. Когда я взглянул на крыльцо, то один из немцев, вышел на него и мочится, я отстранил женщин, вскинул автомат и скомандовал немцу: «Хонде хох!». Он, немец, увидев меня, поднял руки и, не заправив ширинку, бежит ко мне. Я ему говорю, комрид ист, он отвечает, я, я, я. Тогда говорю женщинам, посмотрите за немцем, а соседка уже вцепилась немцу в волосы и треплет его, он у меня вчера курицу забрал и сожрали. Я мигом взбежал на крыльцо, открываю дверь в дом и кричу «Хонде хох!», а немца в этой комнате не оказалось, я открываю дверь в другую и опять кричу команду. Здоровенный немец, больше меня на целую голову, подняв руки, я спрашиваю его: карабин ист пистоль, он показывает на сундуке лежат карабин и автомат. Я взял карабин за ствол и ударом об пол отбил приклад, патроны выбросил, а автомат отдал парню 12-15 лет, который вбежал в дом и попросил у меня автомат немецкий. Дал команду немцу век из дома, а он просится у меня, чтобы одеться, я разрешил, когда одевался, из кармана достал гранату, которую кладут в приспособление, потом одевают на дульную часть ствола карабина, винтовки и выстреливают, граната улетит на 200 метров и

взорвется. Я выхватил из рук немца, положил себе в карман. Выводя немца на улицу, моего немчуренка, которого я оставил под присмотром женщин, эти женщины одна схватила его волосы и задрала на самую голову рубаху, а вторая его колотит по голой спине чем попадая под руку. Когда я подошел, то этот немец начал проситься у меня Пан, дает понять мне чтобы я запретил его избивать. Когда я подошел к своим ребятам, то они набрали уже 26 немцев, из них двое чеченцев, которые были обмундированы во все новенькое немецкое обмундирование. У одного из них отобрали наш пистолет ТТ, через некоторое время построили немцев, чтобы отвести их в чей-нибудь сарай, но один немец задал вопрос, что хочется кушать. Благо мы захватили две подводы, на одной из которых были галеты несколько ящиков, которые и раздали немцам. Перед тем как увести пленных пришла дивизионная разведка, в которой был солдат грузин и, увидев чеченцев, вначале по своему что-то сказал, а потом начал избивать их, которые бегают вокруг пленных, а он их лупит то прикладом автомата, а то как руками. Пока мы занимались немцами, то смотрели из города три немца удирают, мы стали стрелять в них из немецких винтовок, но было далеко до убегающих, и не сразили ни одного, и они скрылись за высотой. На другой повозке было несколько суконных новых одеял, которые послали меня обменять на самогон, но сколько я ни ездил, никто из жителей не согласился на такой обмен, и я их привез к дому, где мы расположились. А у хозяев была девушка Галя, которую я вызывал из дома и предложил забрать несколько одеял, она отказывалась, но я уговаривал ее, что скоро закончится война и тогда я приеду на тебе жениться, она засмеялась и согласилась уступить. Потом, когда мы форсировали реку Днестр и меня послали на учебу на курсы младших лейтенантов на ст.Вопнярка Винницкой области, то заезжал во Фрунзовку, Галя тогда уже работала в госпитале, и которая мне помогла повстречаться с нашими разведчиками, Колей Калининченко, которого ранило при форсировании Днестра, но это все потом, так как нам надо было еще дойти до этой речки и потом очень здорово воевать на захваченном нами

плацдарме за населенным пунктом молдавским Погугены, шли где ожесточенные бои.

От Фрунзовки до Григоропля более 50 км, которые мы прошли с боями. Когда оставалось до Днестра километром 10-12 мы разведчики встретили последнее очень большое село, в котором жили половина украинцев и половина молдаван, входили мы первыми и люди этого села от радости, что их освободили, выкатывали из погребов небольшие бочонки или наливали в ведра вино и угощали нас. И многие из нас так напробовались этого вина, что в ночь надо было идти к речке, что не годились идти на задание, а я впервые за всю фронтовую жизнь напился до упаду, где с меня были сняты трое трофейных часов.

12 апреля 1944 года мы разведчики 294 гвардейского полка вместе с наводчиком станкового пулемета и пулеметом «Максим» переправились на правый берег Днестра. При переправке реки нас разведчиков сапер моторной лодки высадил еще не доплывая до берега метров 20, т.к. лодка была сильно перегружена и сапер приказал нам прыгать в воду. Днестр был шириной в это время метров 200. Время было половодья. Но все обошлось благополучно. Преодолев речку, станковый пулемет был установлен и открыл огонь по противнику, давая возможность переправляться пехоте нашего полка. Переправившись, пехота и при поддержке нашей артиллерии и минометов мы вместе с пехотой перешли в наступление, а утром мы были уже в молдавском населенном пункте Пугочены. Интересно было смотреть на молодых парней, которые носили высокие бараньи папахи и мало кто из них говорил по-русски. В это же утро произошел из рук вон выходящий случай. Был первый день Пасхи, молдаване, как и русские православные люди и Пасха у них отмечается также куличами, крашеными яйцами и творогом. И вот войдя в один из домов, мы обнаружили такое богатство съедобного, что душа наша не выдержала, и мы эти куличи, яйца, творог и другое что-то быстро упрятали в свои желудки.

Сравнительно быстро был расширен наш плацдарм на правом берегу Днестра, который составил 13 километров по фронту и 8 километров в глубину. Этот кусок территории стал для нас внушительность частью для нашего существования на правом берегу Днестра, и также сравнительно быстро натолкали на этот клочок земли войск: артиллерии, минометов, танков, достаточно много было и пехоты. Плацдарм готовился к успешному наступлению, подготовка шла полным ходом. Город Кишинев – столица Молдавии находился от нашего плацдарма в 30 км. И вот она артиллерийская подготовка. Первыми заиграли наши славные Катюши, за ними загрохотали наши пушки, минометы минут 40-50 рвались тучей наши снаряды и мины на позициях противника. Мы ликовали и радовались, что сегодня будем в столице Молдавии Кишиневе, но произошел непредсказуемый наш успех, т.к. наше наступление нас не поддержала наша авиация, так была распутица и аэродромы для наших самолетов не были готовы вблизи нашего плацдарма, а немец выпускал по нас по 30-40 самолетов Ю-87 (это штурмовики) и атака наших войск, прямо скажу, захлебнулась. Немецкие самолеты бессовестно уничтожали нашу технику, танки, зенитки и др. И целый день висели по 30-40 самолетов, бомбя и расстреливая нас из пулеметов и пушек, правда кое где было наше продвижение, но совсем незначительное, на плацдарме каждый метр был прострелен немецкой бомбой, снарядом, миной. Рано мы торжествовали нашу победу на молдавской земле. Нас разведчиков стали еженощно посылать за языком, но куда то там немец понимал, что русские будут посылать разведку за языком, чтобы узнать в чем дело, что не удалось наступление, а мы разведчики, стали каждую ночь терять своих людей, то ли ранеными, то ли убитыми. Вначале нам не доверяли, что мы вроде обманываем свое командование, и с нами стали ходить командиры из штаба полка, которые удостоверялись нашей правотой. Немцы зорко несли охрану своей обороны. Не было и более минуты, чтобы на позиции противника не загорелась ракета осветительная. Как-то командир взвода, придя из штаба полка, и говорит мне, Крылов иди

на НП командира полка, будешь там наблюдателем. Я не раз видел этого наблюдателя, такой старенький мужичок со стереотрубой, который наблюдает за полем боя в полосе своего полка, но чтобы самому наблюдать, да еще командиру полка, я никак не ожидал и не знал специфику действий. По уставу я знал, что надо вести дневник или книгу наблюдения, а у меня ни ручки, ни карандаша, ни бумаги, ничего нет. Тем не менее, указав мне место расположения НП командира полка, я взял свой автомат и пошел в том направлении. Я быстро отыскал место расположения НП и спрыгнул в блиндаж, укрытый в два наката бревен, где сидел солдат молодой телефонист с телефоном и который что-то разговаривал по телефону. Осмотревшись в блиндаже, лежали на «диване» комполка стереотруба или еще называют ее артиллерийская труба и тренога к ней. Я обратился к связисту, что мне делать? Он мне ответил, собери трубу и установи на штативе и наблюдай за действиями противника и будешь докладывать командиру полка, который пока отсутствовал в нашем блиндаже. Мы быстро познакомились со связистом, да я и раньше хоть и не часто встречался с ним, но знал этого парня и разговорился с ним, как мне вести здесь в столь уютном блиндаже и начальник на сегодняшний день и командир взвода, а командир полка гв.подполковник Харитонюк. Друг теперешний мой рассказал командир наш в боевой обстановке не суетлив, четко принимает решения и четко отдает распоряжения. Одним словом, бояться особо нечего, а книгу какую-либо надо мне вести? Связист ответил, что не надо, что увидел, об этом и докладывай.

Сложного в установке трубы ничего не оказалось, я привинтил трубу к штативу, установил ее по уровню, сориентировал ее по частям света юг-север и приступил к наблюдению за противником. Стереотруба приближает расстояние в десять раз, это, если до противника 1000 метров, то труба приблизит как бы на 100 метров.

И вот навел я трубу на посадку, которая располагалась справа по отношению к нашему блиндажу, и в это время командир полка прыгает в

блиндаж и усаживается на свой командирский диван. Никакого дивана нет, а просто выкопан так блиндаж, что можно удобно сидеть, ноги опущены как бы в траншею и перед ним сделан как бы стол, но только из земли, где можно положить карту, по которой на отдавать распоряжения батальонам и приданным подразделениям. Когда я взглянул на эту посадку, которая от нас находилась в пределах 800 м, то обнаружил, что немцы установили в этой посадке орудие на прямую наводку, т.е. против танков, которую доставили туда на счетверенной упряжи. Лошадей быстро убрали. Я доложил командиру, что немцы там-то установили противотанковой орудие. Командир дал распоряжение связисту, чтобы он позвонил артиллеристам. Когда связист связался с пушкарями, то они запросили ориентиры, я ответил в посадке справа от конца посадки три деления влево (деления имеются непосредственно в трубе или бинокле). В трубу хорошо было видно, где стоит немецкое орудие. Пушкари ответили, мы видим, открываем огонь. Хорошо видно как ложатся снаряды около цели, и думаю, что она была подавлена (т.е. поражена осколками наших снарядов).

Еще один эпизод. Строго на запад на нейтральной полосе стоял наш подбитый танк Т-34. У него, вероятно, была повреждена гусеница. Экипаж, вероятно, покинул машину, а так как танк находился совсем близко к немецкой траншее, то один немец залез в танк и ведет огонь по нашим позициям. Мне хорошо видно выстрелы из пушки и где разрываются снаряды. Я быстро доложил командиру. Тут же наши пушки открыли огонь прямой наводкой по танку и немец, выскочив из танка, побежал к своей траншее, где и скрылся. За целый день наблюдения было множество эпизодов, которые не все припоминаются. Но вот еще один. Наблюдаю я примерно в северо-западном направлении, где близко к траншее противника находился колодец, куда немцы нередко бегали по водичку по одному-двое человек, а тут почему-то собралась хоть не большая группа, но группа, и когда связист позвонил артиллеристам, то Катюши ответили, мы видим и готовим установку к полному залпу. Мне хорошо было видно, что залп

хорошо пришелся по ориентиру «Колодец», который вероятнее всего был заранее пристрелян, а поэтому недаром произвели залп из одной Катюши, где во время полного залпа выпускают 16 снарядов.

В самом конце апреля мне приказали явиться в штаб полка в строевую часть. Я, прибыв туда, представился начальнику строевой части старшему лейтенанту, который мне сказал, что меня посылают на учебу на курсы младших лейтенантов 2-го украинского фронта, которые должны быть на станции Вапнярка Винницкой области. Я тут же дал отказ, что я не поеду на учебу, так как я знал цену командира взвода на фронте, который в бою жил всего три дня, а потом или погибал или был ранен. Ст. лейтенант мне сказал, чтобы я подождал во дворе одного дома, где находился штаб полка в селе Пугачены. Дожидаясь встречи с командиром полка, когда еще явилось человек 5-6 молодых солдат нашего полка. Вышел командир полка из дома, а среди двора стоял пень, на котором рубили дрова, командир сел на этот пень, а мы вокруг него. Он, командир, начал с нами беседовать и рассказывать что и как. Но многие из нас, в том числе и я сделали отказ от учебы. Командир настаивал, чтобы мы обдумали данную ситуацию не торопясь, при этом говоря, что война-то идет на убыль, мы теперь воюем в Молдавии, а были ведь в Сталинграде, так что проучитесь, а учиться надо шесть месяцев, то к этому времени может быть и закончится война, а там захочешь, дескать, служить в армии, останешься, не захочешь – уволишься на гражданку. Лично я скрепя сердце с большой неохотой дал согласие на поездку на учебу, зная при этом, что жизнь командира взвода на фронте длится не более трех дней. Но это не каждому. Редкие счастливики доживали и больше и становились командирами рот, батальонов, но это я прямо скажу невероятная редкость. Хотя прав командир полка, что война пошло здорово на убыль. Мы стали по всем статьям бить немцев везде и на море и в воздухе, и на суше и в его же тылу, наши славные партизаны. И так 2 мая 1944 года я перешел на левый берег Днестра и на попутных машинах, которые подвозили к фронту снаряды и продовольствие. Достигнув города Фрунзовка, я пошел в дом, где мы

останавливались во время наступления, где встретился с хозяевами этого дома, а Гали дома не оказалось, которая находилась в госпитале, который располагался в школе. Вечером, поужинав я за долгие месяцы, улегся спать в постель, где не слышно стрельбы и нет боя. На другой день я побывал в госпитале, где лежал наш разведчик, раненый в боях за плацдарм на Днестре одессит Калиниченко (мы во взводе так его называли «одессит»). Ранен он был в правую грудь и пробито у него правое легкое. Галя мне помогла встретиться с главврачом, который вызвал хирурга и который мне рассказал, что ранение у него тяжелое, но он парень и его организм сильный, и что при соблюдении им всех госпитальных правил, он войдет в строй. Я тут же попросил Галю и просил передать ее родителям, чтобы они взяли шефство над ним в смысле подкармливать его молочком, сметанкой. Я знал, что у них была корова. С этими словами я распрощался и на попутных машинах пока отправился дальше до ст.Вапнярка.

Скорее всего, на машинах я доехал до города Котовск, а потом пересел на железнодорожный транспорт. Я уже встретил многих попутчиков, которые также как и я ехали на эти курсы до станции Вапнярка. Ночью мы не ехали, а отдыхали, а днем опять садились на товарные поезда, которые следовали в нашем направлении. Так мы доехали до Вапнярки. Станция вся была разбита, т.к. 2-го мая, когда я только выезжал с плацдарма, а на станцию Вапнярка налетело большое количество немецких самолетов и бомбили продолжительное время, так что весь населенный пункт Вапнярки подвергся бомбежке и были крупные разрушения. Узнав у жителей станции где находится военный городок, мы отправились туда и, отыскав его, прибыли в этот городок. Рассказывали нам, что когда то в нем располагалась кавалерийская часть, а потом их сменили летчики. Городок мало пострадал от войны. И мы начали разыскивать какое-либо начальство, чтобы стать на солдатское довольствие. В одной из казарм мы отыскали приехавшую из Харькова комиссию, где и зарегистрировались, а главное командование еще находилось в г.Харькове, т.к. там были курсы младших лейтенантов, и мы

были предоставлены сами себе. Утром завтракали и расходились по близлежащим населенным пунктам. Я встретился с разведчиком из 292 гв.стрелкового полка Сашей Обуховым, который как и я приехал на эти курсы. С ним я подружился, и мы вместе с ним решили учиться на командиров пулеметных взводов. А курсы должны были готовить две специальности: стрелков и пулеметчиков, а мне бы хотелось идти учиться на минометчиков, но, увы, такой специальности на курсах не было. Через непродолжительное время прибыло и все командование, и мы приступили к обустройству своих жилищ. Мы быстро обустроили свои казармы, - построив в них нары двойные, а пулеметчики расположились в бывших офицерских домах, в комнате располагалось 14-15 человек. Нары строил я с другими курсантами. Теперь мы стали таковыми. Материал был свободным, были инструменты и мы в течение 2-3 дней все обустроили не только жилье, но и столовую, оружейные комнаты, стеллажи для чистки оружия, отремонтировали баню, клуб, который был сохранен от войны и не разрушен. Командиром нашего взвода был москвич Тверстинов по званию лейтенант. Стройный, симпатичный, но не здорово требовательный, хотя нарушений больших не было. Во взводе было 40 человек, а в роте 2 таких взвода, и еще одна рота курсантов как и мы находилась в этом же доме, в котором учились два героя Советского Союза, которые не располагались вместе со всеми курсантами, а жили вдвоем и не питались вместе с нами в столовой, а отдельно. В строю также не ходили, кроме общего построения. Недалеко от казармы находилась выкопанная нами траншея, куда нас выгоняли ховаться от бомбежек, а бомбежки были ежедневно. Вапнярка была узловой станцией и поэтому немец ее бомбил. Фронт сравнительно недалеко располагался по границе города Яссы. Этот город располагался прямо у границы Румынии и был городом Румынским, где проходили очень ожесточенные бои. И вот во время бомбежки убежишь в траншею, а зенитки наши вели интенсивный огонь по самолетам, и как известно зенитный снаряд взрывается в воздухе сам, то осколки падали дождем на землю и были

случаи, когда кого-либо ранило. Потом мы с Сашей Обуховым не стали выбегать в траншею, а находясь на нарах, открывали окно в направлении станции и смотрели на эту круговерть. Самолеты навешают много, много осветительных ракет и мы наблюдаем за трассами снарядов 37-мм зенитных орудий и зенитных пулеметов.

Занятия начались сразу, как только обустроились. Занимались по 8 часов плановых и еще 4 часа самоподготовки, итого 12 часов. В основном тактическая подготовка, огневая, топография. Строевой подготовкой занимались во время движения на занятия и в столовую. Запевалой всегда был Саша Обухов. Голос у него был грубый, хотя сам был небольшого росточка, блондин. Песни пели преимущественно: «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой», пели и другие песни «Белоруссия родная, Украина золотая» и ряд других.

Наша комната по заправке наших постелей среди курсантов была первой, т.к. мы после подъема убегали на физзарядку и умывание, а наши постели заправлял Рыбаченко, у которого очень хорошо получалось. Заправит постели и идет на умывание, а уж в столовую на завтрак идет в строю.

После самоподготовки мы очень часто ходили на танцы, благо клуб располагался от нашей казармы в пятидесяти метрах и мы всегда ходили на эти танцульки. Всегда играл духовой оркестр наших курсов, а девчат приходило море: зенитчицы, медсестры из близлежащего госпиталя и девчата рядом стоящих населенных пунктов. Но с уговором, чтобы на вечернюю проверку не опаздывать. За это строго взыскивали. И вот как то раз пришли с занятий, где нас сильно погонял комвзвода, и в казарму пришли уставшими, и я в комнате, где мы располагались сел на скамейку и моментально уснул, и вижу сон. Мякоть большого пальца левой руки лезвием от безопасной бритвы режет мне эту мякоть, и течет обильно кровь, и тут же командир отделения Шеметов подходит ко мне и будит меня, мол пойдём на танцы. Идем гурьбой, и я рассказываю про свой сон, все смеются, когда я

успел уж увидеть сон. А командир отделения и говорит, что ты должен увидеть своего родственника. Когда подошли к танцплощадке, то людей было мало, оркестр играл, сзывая танцующих. Танцуют два капитана. Вместе с нами на этих курсах были и офицеры, которые проходили курсы усовершенствования, они были как мы отозваны из воюющих частей с фронта для учебы на этих курсах. И вот я вижу, что один капитан мне знаком, которые вдвоем с капитаном танцуют. А больше пока никто не танцевал. Я подождал, когда они закончат танцевать, я прибодрился и подхожу и обращаюсь к одному из них: товарищ капитан откуда вы будете? Он отвечает, что с 80-й дивизии. Нет, я говорю ему, откуда родом. Он отвечает, что он из Тамбовской обл., и какого района, он говорит Рассказовского. Тогда я называю его, Виктор Смирницкий, он говорит, да! А меня вы узнаете, он внимательно посмотрел на меня и говорит, что не припоминает. Я назвал ему свое имя и фамилию, он кинулся на меня, обнял, целует меня, народ на танцплощадке смотрит на нас, а мы не можем с ним разойтись. С Виктором Смирницким мы учились вместе. Он был сын учительницы, баловник был большим. Он с соседнего села Алексеевки, это через речку от нашей Комаровки.

Моя жизнь улучшилась на курсах в смысле, он хоть и не часто приходил до командира роты капитана Норченко, чтобы меня отпустил в выходной день, и мы с ним уезжали куда-либо в другое село, где и проводили вместе с ним время.

С удалением фронта из-под Ясс это румынский город на запад к территории Венгрии немецкие самолеты перестали бомбить территорию Украины. Учеба продолжалась на курсах до ноября месяца. В конце октября нам выдали новое обмундирование и кирзовые сапоги, а тот, кто окончил курсы с отличием, получил полевую сумку и настоящий офицерский ремень с портупеей, в том числе получил и я. В начале ноября наши курсы младших лейтенантов переехали в столицу Трансильвании, город Клуж (теперь эта территория принадлежит Румынии). В Клуже нам присвоили звание

младший лейтенант и выдали офицерские погоны и направили в 37 опрос (отдельный полк резерва офицерского состава). 2-го украинского фронта, который дислоцировался в городе Терексенмиклош, в котором мы пробыли всего неделю, но зато эти дни не забудутся до самой смерти, как нас там кормили, это одному богу известно. Было всего полно на столах: фрукты, конфеты, печенье и вино. После этой недели приехали за нами покупатели, где по распределению я попал в 6-ю гвардейскую танковую армию. Командовал армией генерал-полковник танковых войск Кравченко А.А., потом был зачислен в 9-й гвардейский механизированный корпус – командовал корпусом генерал-лейтенант Волков, затем попал в 18-ю гвардейскую механизированную бригаду, командовал которой герой Советского Союза полковник Овчаров, и потом уже в первый батальон – которым командовал капитан Фуников, и затем в пулеметную роту – командовал которой капитан Печищев, а мне приказано было командовать первым пулеметным взводом, в котором на вооружении было три станковых пулемета «Максим» и шестнадцать человек личного состава. Старшиной роты был ст.сержант Петренко. Вот в составе этих войск я заканчивал войну на западе с немцами. Участвовал в боях в составе 18 гв.механизированной бригады под городом Шахи на территории Венгрии, потом бригаду отправили на формирование. Стояли мы в пригороде Будапешта Дьомро. Получив личный состав и вооружение, нашу бригаду направили в Чехословакию на реку Грон для выравнивания линии фронта, где мы освободили город Банска-Штявница, и где наш батальон попал в окружение, но в течение ночи мы вышли из окружения и потом ожесточенные бои под Будапештом. Город Будапешт располагался Буда на правом берегу Дуная, а Пешт на левом берегу Дуная. После взятия города Будапешта, наш корпус участвовал в Балатонской операции, где наша 6-я гв.танковая армия во взаимодействии с другими соединениями разгромила одиннадцать танковых дивизий и 6-ю танковую армию немцев и освободили города Секешвехервар и Папа до озера Балатон мы не дошли всего 1-2 км. Вот здесь и произошел

курьезный случай. Командир минометной роты ст. лейтенант пошел выбрать для себя НП, слева от нас находилась небольшая высотка. Вот пошел он туда, еще не выбрав место для НП, как на него наступают немцы. А он со своим связным бегают от одного немца к другому, чтобы они бросали оружие, а они этого дела не делают, и я со своим взводом находился правее всех. Приказываю 1-му расчету, там очень опытный наводчик, чтобы он не на людей, а мимо них открыл огонь, когда сразу немцы стали бросать оружие и поднимать руки вверх. Потом после этого эпизода Кинжебаев всегда благодарил наш взвод, что выручили его со своим связным. Бывает и такое. Конечно, немец теперь в те времена был не таков, хотя и здорово еще сопротивлялся.

После Балатонской операции нашу 6-ю гв.танковую армию передали из 2-го украинского фронта в 3-й украинский фронт, которым командовал Маршал Советского Союза Толбухин. В составе этого фронта наша армия брала столицу Австрии Вену. Здесь бой сильно шел на канале. Мой пулемет был установлен на втором этаже огромного дома, а через канал также из окна дома строчил немецкий пулемет. Я взял бинокль, чтобы определить из какого окна фриц стреляет, хорошо в бинокль видно откуда ведет немец огонь. Даю команду наводчику, чтобы он открыл огонь, а он отвечает, что он не видит цель, тогда я сам лег за пулемет и открыл внезапно по вражескому пулемету огонь. Огневая точка была подавлена, и артиллеристы смогли через мост перекатить свои орудия на ту сторону, кстати, очень хорошо помогли наши Илы, которые начали штурмовать немецкие позиции. За взятие города Вены меня представили к награде к ордену «Отечественной войны» II степени. Другие награды я получил ранее: за форсирование Днепра я получил медаль «За отвагу», а за форсирование Буга медаль за боевые заслуги. После взятия Вены нас посадили на машины, танки с приказом взять город Мюнхен. Этот город немецкий и находится от Вены в 400 км. Проехав реку Дунай. на котором был мост сохранен, мы от города вена отъехали километров 30, поступил приказ остановиться и ждать другой приказ. Мы заняли тут

оборону и стали ожидать. Когда ставят нам другой приказ. Надо оказать помощь восставшей Праге – столице Чехословакии. Мы снова на машины и в направлении Праги движемся. От Вены до Праги немногим больше 300 километров. Надо спешить оказать помощь чехам, но в городе Брно мы потеряли два танка, немцы подожгли из фаустпатрона. Наши танки вошли в Прагу, а мы пехота были расквартированы вблизи города, где нас захватило **КОНЕЦ ВОЙНЕ!** На ночь меня назначили дежурным по батальону, еще засветло это было 8 мая 1945 года, я прошел по подразделениям, где они располагались, и вечером солдаты других частей, проходя мимо нашего штаба, спрашивали меня, ну что, товарищ лейтенант, войне конец? Я отвечал, что пока ничего не слышно. Когда стемнело, я сел в штабе и написал письмо своему двоюродному брату по отцовской линии Копранову Александру Антоновичу, он тоже участвовал на фронте, и где то к часу ночи лег отдыхать. В комнате нас было: я, телефонист, посыльный и шофер штабной машины. Лежим и ведем разговор. Шофер был пожилым мужчиной, он и говорит, товарищ лейтенант все же скоро кончится война. Нас стариков демобилизуют до дому, а вы молодые будете пока служить, как покажет обстановка. Вот в таком духе ведем разговор с шофером, слушают нас молодые связист и посыльный. Где-то в 2 часа ночи связист кричит мне: «Товарищ лейтенант, вас к телефону вызывает командир батальона», подхожу, беру трубку. Он приказывает мне, соберите батальон к штабу на построение **КОНЕЦ ВОЙНЕ!** Я в трубку кричу **КОНЕЦ ВОЙНЕ, УРА!!!** Вместе все кто со мной обнимаемся, целуемся, шофер плачет от радости. Живы, живы остались! Посылаю посыльного за ротами, побежал и шофер собирать. Я около штаба стою и смотрю, как зенитки стреляют вверх. Солдаты и офицеры нашего батальона собираются быстро, я подаю команду: Батальон слушай мою команду, в колонну по 4 становись! Налево! Подхожу к командиру батальона и докладываю. Тов.майор, батальон по вашему приказу построен! Дежурный по батальону лейтенант Крылов. Командир батальона перед строем произносит, что слово предоставляется

пропагандисту и агитатору бригады майору корпуса, который произносит перед солдатами и офицерами: Сегодня фашистская Германия на земле, в воздухе и на море капитулировала перед нашей Красной армией! В честь этой Победы! Салют! Солдаты, офицеры, все стреляют из своего личного оружия, стреляют зенитки, стреляет танк, опустив орудие в направлении какой-то большой ямы. Возгласы УПА! УРА! УРА!. Все ликуют, обнимаются, солдаты с офицерами и между собой. Уже до самого рассвета солдаты стреляли. Благо у старшин подразделений на повозках было вино и пили за свою победу. Нужную победу, отстояв свое отечество от немецко-фашистских захватчиков.

Война с немцами закончилась, отпраздновав победу и снова в путь. Проехали Прагу и за Прагой остановка и выдача сухого пайка на 3-е суток, хотя и у старшины на 3-х повозках кое-что было и не мало, а командира роты пулеметчиков ст.лейтенанта Зуева с ездовым нет. Тогда старшина роты мне предлагает заседлать серую в яблоках лошадь и отправиться разыскивать комроты в г.Прага. Я этим же путем сел верхом на лошадь и поехал на розыск. Надо было опять проехать мост через реку Влтава и далее к центру. Дорого наша была отмечена указателями . Вот таким знаком весь путь отмечен. Приехав в центр Праги, когда вижу повозку и распряжены лошади, на которых ехал ком.роты. Я остановился, слез с лошади и, привязав ее до телеги, стал ожидать, где же они есть. Когда подошел ко мне старичок и объясняется со мной, что эти двое, кого я жду, ушли пить пиво. Ну что ж дело хорошее, но ожидать их вдвойне скучно. А там, где стояла повозка, как раз остановка трамвая и люди, разряженные в национальные костюмы мужчины и женщины при каждой остановке выходят из трамвая и направляются вниз по улице, где должен проехать чешский президент со своим правительством к какой-то площади, где должен состояться огромный митинг. Дождавшись, когда остановится очередной трамвай и выйдут из него люди, я пристроился к ним и пошел вниз по улице. Не пройдя и метров 200, как там собрались чешские люди для встречи президента, тут же оказался и

я. Ко мне подошел чешский полицейский, который предложил мне пройти в первые ряды встречающих, так нас встречал чешский народ. Они очень рады были, если русский солдат зайдет к ним в дом, квартиру. Подождав немного, когда появились автомашины с президентом и правительством во главе колонны, была открытая машина, в которой стоял комендант города Праги, генерал-лейтенант Соловьев, проводив колонну, все люди направились на ту площадь, где должен состояться митинг.

Чешский президент и его правительство всю войну находилось в Англии в эмиграции. Я пошел к своей повозке, но ее на месте не оказалось и старик-чех мне сказал, что они поехали. Мне ничего не оставалось, как пешком идти обратно. Пройдя мост через Влтаву, там прямая дорога к автомобильному заводу и здесь ходят троллейбусы. Я даже не останавливал, а водитель сам остановил и открыл двери, меня пригласили в троллейбус. Когда я прибыл к месту стоянки, то подводы были все вместе, и они ожидали меня чтобы нам продолжить путь к городу Режмиталь, который находился на самой западной границе Чехословакии с Германией. Батальон наш расположился в лесу, а повозки и штаб батальона расположились рядом с нами в деревне Волтуши. Я потом часто ездил на велосипеде в г. Режмишталь, то купить бумаги для писем, ручку или открытку с хорошим видом на них.

Невдалеке от нас расположились в 10-15 километрах американские войска, наше командование пригласило их делегацию к нам, где был дан концерт, приглашали и американцы нас к себе, посчастливилось и мне побывать у них в гостях. Тогда мы мирно жили с ними, были союзниками в борьбе против общего врага фашистской Германии.

В Волтушах нас хорошо помыли в бане, сделали пожарку всего обмундирования и выдали новое нательное белье. Занятий никаких не было, кроме внутреннего наряда по охране своей территории, где располагался наш батальон и вся наша 18 гвардейская механизированная бригада. Так прошел май и может быть половина июня, когда поднимают по тревоге всю нашу

армию для погрузки на железнодорожные вагоны (платформы) А куда? Никто ничего не знает. Сразу родилась солдатская думка, что мы поедем в Киев, так как наша армия освобождала город Киев, то и будем дислоцироваться там. Ан нет. Мы через Польшу и через Белоруссию родную едем дальше. Тут же родилась новая думка. Будем служить в Москве, в подмосковье, так как армия очень знаменита только так. Но подъезжая к Москве по объездной дороге, нас провезли мимо нее и мы направляемся дальше к Уралу. Тут же новая солдатская думка, что будем служить недалеко от Тагила или Челябинска. Но с таким же успехом проскочили и Тагил и Челябинск. Все братцы. Мы едем на другую войну, теперь уже с Японией. И тут солдатская думка не ошиблась. У кого какие были трофеи, тут же пошли в продажу в основном на самогон, водку. А поезд нас мчит денно и ночью все глубже в Сибирь. Вот уж и Тюмень, а дальше Омск и Новосибирск. В Новосибирске наш состав загнали на запасные пути и разгружайся купаться в санпропускник. Опять по своим местам и далее в Красноярск, следом до Иркутска и далее зашнуровав 52 туннели на Байкале и поехали через Улан-Удэ по маршруту на Читу. Везли нас так быстро, что один паровоз на крупных станциях и больших городах, другой тут же цепляли к эшелону и айда дальше. На все время движения был назначен начальник эшелона и ежесуточно назначались дежурные офицеры на паровоз в середину эшелона и на хвост (последняя платформа) и везде установлены были телефоны. Приходилось и мне несколько раз дежурить по паровозу и на последней платформе. Когда идешь на дежурство, то выдавали комбинезон. Кормили три раза в день. Пищу выдавали в котелки, второе не готовили, а варили густой суп с американской тушенкой. Еды хватало, а вот оправиться по-тяжелому проблема. В нашем эшелоне были в основном железнодорожные платформы, несколько крытых вагонов с боеприпасами, продовольствием, горючим и один вагон под штабом бригады, где ехал командир бригады. Я забыл рассказать случившийся случай еще в Польше, в небольшом городишке. Мои солдаты вышли на перрон расстегнутыми,

замазанные, а их комендатура раз и забрала. Один солдат прибегает и докладывает мне, что забрали наших людей в комендатуру. Я пошел с ним, благо комендатура была не далеко от вокзала, придя туда, я погорячился и, обзвав капитана тыловиками, а он мне сказал, что ваших солдат не отпущу, иди за начальником эшелона. Пришлось идти за начальником эшелона. Пришлось доложить ему, а он как раз что-то докладывал командиру бригады и доложив ему мое горе, что забрали моих солдат, он посылает начальника штаба бригады полковника Волкова. Идем мы с Волковым, а он меня как только не называл и не ругал, что он должен ходить и освобождать моих солдат. Когда пришли в комендатуру капитан поприветствовал его и доложил, что слишком горячо с капитаном спорил. Волков попросил капитана, чтобы он отпустил солдат, которых он полковник сейчас же посадит в вагон на гауптвахту. Отпустив солдат, я приказал сержанту вести к эшелону, а полковник меня по-хорошему начал вразумлять. Что тут в тылу есть власть, это тебе не на передовой, где хозяином положения ты бываешь, а ты же его начал обзывать тыловиком. А ему же обидно, у тебя вон сколько наград, а у него их нет, зато у него есть власть.

Путь мы свой продолжаем. За Читой в направлении к востоку есть станция Карымская – это станция узловая, от нее идет железная дорога на Манчжурию и на Монголию.

Наш эшелон прибыл на 77 разъезд, это после станции Оловянная и Барка и не доехав несколько (20-30 километров) до станции Боява на 77 разъезде начали разгружаться и пешим порядком и на автомобилях через г. Соловьевск и монгольскую границу проследовали до г.Чойбоксан (ранее назывался Бояньтумень) отсюда до города Тамцак-Булак, где пока наша временная дислокация. Жара стояла невероятная, поступил приказ ходить в сапогах и брюках и в головном уборе, но без гимнастерки и нательной рубашки. Так мы в этом районе сосредоточились, где получили личный состав до полного укомплектования и недостающую технику и вооружение. Как то получили танки М-4А2 (американские). Эти танки наши танкисты не

очень уважали, так как они очень высокие (демаскируют быстро), на одном месте не разворачиваются как наши Т-34 на 360⁰ и тяга состоит из двух метров по 250 лошадиных сил, здесь же доукомплектовали станковыми пулеметами, минометами 82 мм и недостающими орудиями разных систем. В этом же районе я получил награду за бои в г.Ясна, орден Отечественной войны II степени. От группы награжденных выступил старший лейтенант, который от имени награжденных поблагодарил командование бригады и корпуса за чуткое внимание к нам, наградив нас орденами и медалями Советского Союза, и что мы здесь на востоке так же как и на Западе в боях с немцами покажем свое геройство и мужество в боях с японцами. В заключение выступил командир бригады Герой Советского Союза гвардии полковник Овчаров, который сказал, что мы сюда прибыли не на войну, а вот в ближайшее время будут поступать разные строительные материалы для строительства военного гарнизона, где мы и должны быть расквартированы. Но после, когда закончилась процедура награждения и мы расходились по своим подразделениям, то мы посмеялись над словами командира бригады, мы эту цель прибытия еще расшифровали после выезда нашего эшелона из города Челябинска – Братцы нас везут на войну с Японией!

И нашу мысль не долго ждать пришлось, так как 7 августа 1945 года наш разведывательный батальон 9-го мехкорпуса, углубившись на территорию Манчжурии на глубину 300 километров и не встретив никакого сопротивления, остановился перед хребтами большого Хингана, а 8 августа было объявлена война Советским Союзом самурайской Японии. И вся эта армада двинулась на территорию Манчжурии. Японцы не ожидали на этом направлении столь такую крупную военную группировку как 6-я гвардейская танковая армия, а ведь этот район боевых действий представлял собой пустыню Гоби и горную местность Хингана. Они, японцы, считали это направление непроходимым, а поэтому у них и не было каких-либо крупных группировок, и только преодолев горную часть хребта Хингана, перед нами раскинулась равнинная местность, где паслось много разного скота:

верблюды, лошади, крупный рогатый скот, и наши солдаты стали ловить лошадей, верблюдов, и, оседлав их, начали двигать по указанному нам маршруту движения. Первый город, который нам встретился, это был город Лубей, состоящий из одной небольшой японской казармы и несколько китайских юрт.

Весь этот путь, который мы проделали с территории Монголии до города Лубей, был безводным. Насчет воды было очень сложно. Водовозки, которые подвозили к колоннам солдат и офицеров, ее воду не столько выпивали, сколько разливали, настолько была жажда, что управлять скоплением людей было очень трудно, и каждый солдат старался как-то намочить свою пилотку, а потом, выжимая ее, смочить как-то губы, полость рта мокрой пилоткой. Правда саперы наши бурили скважины и достигали водоносных пластов, но вода была горько-соленая, типа морской. И вот она, равнинная местность. Стали попадать ручейки и речки, а перед нашим маршрутом простирались такие крупные города как Харбин, Чаньчунь Мухден (теперь этот город называется Шеньян). И еще один казус огромной величины. Не выполнив основной задачи, наша техника встала без горючего и началось, сливать солярку из 2-3 танков в один, хоть как то поддержать успешное наше наступление – начали возить горючее на самолетах «Дуглас», которые берут всего 10 бочек 200 литровых, но те танки, которые еще были способны двигаться вперед, они захватывали японские гарнизоны и где была солярка и бензин направлялось все это остановившейся технике. Есть такой небольшой городок, как Тунляо, где гарнизон этого городка оказал сопротивление нашим войскам, но быстро был подавлен и прекратил сопротивление. Вблизи этого города два японских самолета сожгли 2 наших танка. Пилоты-комикадзе спикировали на танки и разбились, подожгли цели.

Был момент, когда мой пулеметный взвод пытались высадить самолетом на аэродроме в г. Мукдене. Я с людьми и пулеметами был расположен под самолетом, чтобы рано утром вылететь на Мукден. Но в течение ночи все переиначили. Прошел какой—то полковник с приказом

командующего забайкало-амурского фронта Маршала Советского Союза Малиновского Р.Я., и который на этом самолете улетел в Мукден с небольшой группой солдат.

Когда наши войска продвигались вглубь Манчжурской территории, а это проходило в очень быстром темпе, когда по большим городам и военным базам, как например, Порт-Артур, Дальний и другие высаживали наши самолеты десанты Советских войск. Так вот от 18 гв.механизированной бригады был высажен десант в гор.Мукдене во главе с командиром 3-го батальона майором Авраменко, которые несли службу по охране мукденского аэродрома и других технических сооружений до подхода наших войск. И вот в один из дней приземляется на этот аэродром для дозаправки самолета сам президент Пу И, который удирает из гор.Чаньчунь, где располагалось все его правительство Манчжу-Го (это так в то время называлась Манчжурия, там же располагался и штаб Квантунской армии, который вскорости капитулирует перед советскими войсками во главе с командующим Квантунской армии).

Продолжу рассказ по захвату в плен президента Манчжу-Го Пу И. Когда его пленили, то он просил майора отпустить его в Японию, но Авраменко на это не пошел, и, сообщив по радию о том, что у него на аэродроме находится президент Манчжу-Го Пу И, и чтобы выслали самолет на аэродром в гор. Мукден, который и прибыл туда, чтобы пленного отправить в штаб Забайкало-амурского фронта, а дальше в Москву. Так вот за пленение Пу И майора Авраменко представили к званию Героя Советского Союза второй раз. Первую звезду героя он получил за боевые действия в Корсунь-Шевченской операции. А вот вторую звезду он так и не получил, так как при представлении его к награде была допущена ошибка всего в одной букве, вместо Авраменко было написано Абраменко. Он потом писал Сталину, чтобы звезду героя ему вернуть и Сталин лично своей рукой написал: «Тов. Авраменко, Ваши подвиги высоко оценены нашей Родиной. Вы являетесь Героем Советского Союза».

Японская Квантунская миллионная армия была парализована ударами наших войск и началась непрерывная сдача японских гарнизонов нашим войскам. Срочно надо было строить лагеря военнопленных, которые надо было охранять и постепенно отправлять в Сибирь на лесоразработки, которые солдаты японские потом смеялись, что хватило леса для немцев, для них, хватит и для американцев.

Наша бригада после боев, которые завершились 3 сентября 1945 года, на этом закончилась Вторая мировая война, была дислоцирована (размещена) в городе Мукден. Вначале мы охраняли военные объекты, склады Квантунской армии, которые располагались на территории 25х25 километров, в этих складах было все, начиная от иголки с нитками до японских танков. Это были запасы для Квантунской армии, которыми она не воспользовалась. Все это имущество надо было сохранить и не дать возможность китайцам все это растащить. И когда я со своим взводом охранял небольшое направление этих складов, то китайцы ночью пытались проникнуть на территорию складов, то мы солдаты предупреждали их окриком «Стой, кто идет!», но ответа не следовало, и тогда открывали огонь на поражение из пулемета. И были случаи, что нередко убивали, и тогда надо было вызывать представителя китайской власти и переводчика, чтобы этот вопрос решить.

Через недолгое время мой взвод с охраны был снят и направлен был в свою бригаду, а сменили нас специальные комендантские подразделения, которые несли службу по охране этих складов.

Штаб бригады располагался почти в центре г.Мукден, а батальон наш был направлен на одну из окраин города, где находился крупный машиностроительный завод японцев, который мы потом демонтировали и станки, электромоторы и другие стационарные агрегаты снимали с постаментов и грузили на платформы, вагоны и отправляли в Советский Союз. Снимали такие станки, которые весили по 30 тонн, что не всегда выдерживали платформы, тогда приходилось их разукрупнять. За эту работу

офицерам и солдатам было выплачено денежное вознаграждение, но это уж потом, когда выехали в Союз на постоянное место дислокации на 74 разъезд Читинской области.

В ноябре-декабре из бригады были направлены две колонны автомашин под охраной бронетранспортеров и танков своим ходом, но на такие колонны нападали китайские хунхуды (бандюги). В декабре же мой взвод вместе с пулеметами был отправлен сопровождать эшелон с первыми демобилизованными солдатами и сержантами самых старших возрастов. Пулеметы устанавливали на паровозе, второй на хвосте поезда и третий в центре эшелона для охраны от нападения хунхузов. Сопровождали мы до 74 разъезда, а там эшелон шел дальше до территории Союза без охраны. Первым демобилизованным солдатам и сержантам из складов Квантунской армии выдавали много подарков из обмундирования японских солдат как-то: зимние одежды с искусственным воротником, у которых рукава состояли из 2-х частей, т.е. можно было расстегнуть пуговицы и рукава становили короткими по локоть. Потом выдавали по многу зимние бурки, материал хлопчатобумажный по многу метров, а также белого байкового материала и других многих вещей. В то время это все ценилось, так страна за время сильно поизносилась и надо было как то прикрывать свою наготу, хотя бы и трофейными вещами. Впоследствии еще много из Мукдена приходили а разъезд с разным имуществом, который надо было выгружать из вагонов. Войска наши еще долго находились там в Мукдене, так войска Чань-кайши стремились в Китае к захвату власти, а наше правительство не желало этого, а поэтому и не выводились полностью все войска. На разъезде мы солдаты и офицеры жили в землянках. Столовая также была в землянке. Были на разъезде и дома офицерского состава, но их явно не хватало для всех. Зато дом офицеров на 74 разъезде был один из лучших по забайкальскому военному округу.

И вот как-то прибывает эшелон с разным имуществом. Была холодная морозная зима. И мне собирают 20 человек солдат, с которыми я должен

идти на станцию и разгружать вагоны. Придя на станцию, я никого не встретил, чтобы кто-то дал команду на разгрузку. Пока я ходил искал начальство, мои солдаты насобирали материала, что горит и зажгли костер. Начальство я нашел, которое мне указало, бери любой вагон и разгружай. Вагон, который был ближе к костру мы вскрыли, в котором оказались крупногабаритные детали, впоследствии я узнал, что это детали от водокачки, так как на разъезде с водой было не ахти как хорошо. Ну что ж доля наша такова. Взялся за гуж не говори, что не дюж. Начали мы этот вагон разгружать. Детали крупные, тяжелые, но с помощью рычагов мы быстро применились и работа пошла. Но не так то быстро его разгрузили, а промучились с ним часов 5-6, и было время уже часа 2 ночи. Когда разгрузили, мороз был очень сильным и солдаты начали роптать. Я построил солдат и повел в казарму. Придя в казарму, зашел к офицерам нашего батальона, которые сидели в землянке и еще продолжали пить спирт, который был привезен кем-то с этим эшелонем из Мукдена. Мне, как я долго отсутствовал, сразу две штрафных нормы, а потом еще добавок и я хорош, полез на кровать спать, т.к. там на разгрузке я сильно промерз, и быстро заснул. Часа в 3 ночи прибегает за мной посыльный, почему я увел с разгрузки людей. Офицеры, которые со мной жили в землянке сказали, что я заболел, и от меня отстали. А утром в казарме всех солдат поят разведенной марганцевкой, спасают, кто употреблял спирт, но мы то пили спирт, который привезли чистым хорошим, а это когда опять от нашего батальона послали солдат во главе со старшиной Косаревым, то когда они пришли на станцию, то там был вскрыт вагон с бочками, в которых находился древесный спирт, который пить ни в коем случае нельзя, им только можно промывать детали машин.

Утром еще рано меня посылают в военную прокуратуру. Вот тут-то я и струхнул, хотя при мне, когда мы разгружали этого не было, т.е. этот вагон еще не разгружался. А когда начали разгружать этот вагон, то солдат есть солдат. Взяли киркой проббили бочку и пробовали, запалили спичкой, горит

синим пламенем и началась попойка. Этот спирт попал на свадьбу, где офицер женился и... в общем к обеду было уже 80 трупов. Заместителя командира бригады по техобслуживанию подполковника забрали, который дал команду привезти на разъезд, начальника эшелона капитана тоже забрали, забрали и старшину Косарева, в общем 10 человек судили, которым меньше 8 лет не дали, а то по 10 и более. Командир бригады получил строгий выговор и вскорости к нам на разъезд приезжает Маршал Советского Союза Малиновский Р.Я. разбираться по этому вопросу. Побывал он в каждой казарме, в столовых, снимая пробу пищи при приеме солдатами во время обеда, и потом собрали офицеров от командира роты и выше, попал и я на это совещание, так как я замещал командира роты. Первым выступил член военного совета забайкальского округа генерал-лейтенант Тевченков. Вторым начал говорить Малиновский. Когда нас привели в дом офицеров, то я заранее пошел занял место поближе к сцене и около прохода, где проходят вплоть до сцены. Тевченков нас разносил в пух и прах за наши безобразия и порядки в казармах и т.д. Родион Яковлевич Малиновский, когда начал выступать, то говорил очень тихо и не спеша, и в его речи прозвучало вот такое выражение: «За всю свою долгую службу в Красной армии я не видел такого безобразия. Вы, тов. офицеры, простите меня, чтобы выйдя из казармы тут же было насрато!». Когда он говорил, то муха пролетела бы в зале, был бы слышен ее полет. А такова оценка была для нас. Стыдно было, хоть плачь, а людей 80 человек не вернешь. Это был позор на всю страну, а все были виноваты военные руководители, которые заранее не смогли оградить этот смертоносный груз.

Итак закончилась Вторая мировая война для нашего государства Союза Советских Социалистических республик, как на западе победив фашистского врага в Германии и ее сателлитов Венгрию, Австрию и Румынию и на востоке всегда угрожавшую нам империалистическую Японию, для нас военных настал период занятий по боевой и политической подготовке. Надо было учить солдат военному делу, так как в мире становилось все более

неспокойно, когда американцы изобрели атомное вооружение и начали бряцать им без стеснения и совести, угрожая этим оружием особенно СССР. Началось невероятное противостояние и гонка атомного вооружения как в Америке, так и испытание такого же, если не сильнее атомного оружия в СССР, как водородная бомба, отцом которой стал всем известный академик трижды герой Социалистического труда Сахаров. Армия переходила к изучению военного дела по защите войск от столь смертоносного оружия. Надо было изучать пути и способы дезактивации оружия и местности от радиации. На учениях, особенно дивизионных, да и полковых, всегда ходил термин: «Противник в таком-то квадрате топографической карты нанес, а вернее применил атомное оружие», к чему надо было приучать солдат об особенностях преодоления пораженных участков территорий проникающей радиации. Но не всегда приходилось заниматься боевой учебой, а надо и было выполнять хозяйственные работы, как, например, заготовка овощей для своих же солдат. И вот осенью 1946 года меня посылают старшим офицером по заготовке картофеля для своего 9-го гв.механизированного корпуса. Для этого мне выделяют 6 студобекеров (это американские автомобили), которые очень хорошо зарекомендовали себя еще в боевых действиях наших войск, и человек сорок солдат, которые должны были производить погрузку картофеля в автомашины и вагоны. Кроме меня было выделено два офицера, мл.лейтенант Ромашенков, который был со мной вместе в районном центре Тарбачатай Буратской АССР и мл.лейтенант Алимзянов, татарин по национальности, который располагался на станции Саянтуй в 20 км от Тарбачатая, который с 20 солдатами производил разгрузку автомобилей и погрузку картофеля в вагоны. все было хорошо отлажено, все шло нормально без каких-либо ЧП. И вот однажды ко мне обращается солдатик. Тов лейтенант, моя родина совсем недалеко от Тарбачатая и просится, чтобы его отпустить до дому. Был у меня и старший начальник продовольственной службы нашего корпуса майор Райсберг, который располагался в г.Улан-Уде в гостинице, с которым я свободно поддерживал связь по телефону.

Посоветовавшись с майором, что мол так и так, он дал согласие на отпуск этого солдата. Отпустив его на 10 дней, друзья его заверяли меня, что они будут работать за него. Прошло 10 дней, заготовка картофеля продолжалась успешно, так как колхозы очень были заинтересованы в такой вывозке картофеля и помощи автомобилями и солдатами. Шло все нормально и даже хорошо, я каждый вечер приходил на почту и докладывал майору о проделанной работе за день и Райсберг только хвалил меня, что хорошо у меня все получается. И вот настал день, когда вернулся мой отпускник из отпуска, и который привез собой из отпуска гостинцы для своих товарищей в виде самогона, которым вечером угостил своих солдат и пошли навеселе в дом культуры, где завязалась невероятная драка между молодыми ребятами данного района и солдатами. Милиция открыла огонь вверх, и случайно пуля попала в рамку с портретом Сталина, и поехало и пошло. Солдаты были не вооружены, их оружие осталось в казарме. Вооружены были только офицеры, в том числе и я. Но на момент драки никто из нас не был в доме культуры, а милиция утверждала, что мы с Ромашенковым были в клубе, хотя молодежь районная, особенно девчата, утверждали, что нас не было. Завязалась перепалка с местной властью, которая отказала грузить наши автомобили. Прибыл из Улан-Удэ Райсберг, а из корпуса военный следователь, который и установил всю истину происшедшего и доказал местным властям, опять пошла погрузка картофеля и вывозка его на ст.Саянтуй. По этому вопросу меня не один раз вызывали в райком партии, где не очень солидной со мной обращались, особенно первый секретарь Болховитов, хотя в противоположность ему за нас солдат добре выступал председатель Тарбачатайского исполкома, фамилию которого уже не помню. Но выговор за эту командировку я всетаки получил, даже хотели судить судом офицерской чести, но так и прошло незамеченным впоследствии. Другой немаловажный случай в этой командировке произошел с водителем студабеккера рядовым Маховым, с которым произошел архи хреновый казус. Приехав он в деревню, где должен был грузиться картофелем, при отъезде из

деревни к нему обратился старик, которому надо было ехать в Улан-Удэ. Он дал согласие взять его и подвезти до ст. Саянтуй, а там до города рукой подать. Там в Забайкалье 100 км считают это не расстояние, и там населенные пункты друг от друга находятся на порядочном расстоянии друг от друга. Так вот Махов, взяв в кузов старика, а в кабину представителя колхоза и поехали. Ехать надо было по кромке берега реки Селенга и в одном из мест при разъезде со встречной машины он, Махов, съехал в обрыв в речку, где машина перевернулась, а старик был убит. Опять хлопоты, опять неудача. Надо было достать автомобиль из реки. Поехал я в МТС, где пытался достать большегрузный гусеничный трактор, но при МТС такого не оказалось, тогда надо было придумывать что-то своими силами, благо один из шести студабеккеров был с лебедкой впереди радиатора, которой мы и воспользовались и так легко машину поставили с бока на колеса, а потом по кромке воды протянули ее против течения метров на 30, где берег стал пологим и по этому пологому месту без особых усилий вытянули автомобиль. Особых повреждений машина не имела и Махов сел и завел двигатель. Впоследствии он еще несколько дней возил груз. И вот она опять беда, да еще какая. В один из колхозов было послано два автомобиля, нагрузившись в колхозе, Махов первым поехал из колхоза, а когда он доехал до Тарбачатая, то на окраине его остановился и стал ожидать товарища, где находился Ромашенков. Махов находился возле своей машины сзади кузова, а вторая машина так впритирку подъезжала к его машине и он попал между бортами, его перекрутило несколько раз, и не довезя его несколько метров до больницы, он скончался. Хоронили мы все офицеры и солдаты на тарбачатайском кладбище, где нам местная власть оказала помощь в изготовлении гроба, памятника, выделила красного материала для обивки гроба. Похороны состоялись в вечернее время, где и прозвучал салют из трех пушечек.

После окончания командировки по заготовке овощей мы снова прибыли в свое место расположения, где дислоцировался 9 гвардейский

Днестровско-Римниковского Краснознаменного ордена Кутузова механизированного корпуса на 74 разъезд Оловянинского района Читинской области. Прибыв в часть и сдав технику другим частям, приступил к исполнению своих военных обязанностей командира пулеметного взвода. Но не тут то было. Приходит как-то к нам в офицерскую землянку, где я располагался и проживал со своими холостяцкими офицерами начальник горюче-смазочных материалов (ГСМ) нашего корпуса майор, фамилию не помню его, и обращается ко мне, вы были в командировке по заготовке овощей? Да я был. А кто же будет отчитываться за сожженный бензин во время вашей командировки, и принес мне пачку чистых маршрутных путевок для шоферов, которых я вообще во время вывозки не выписывал никому, ни одному шоферу. А ездили просто так без путевок и во время этой работы с меня никто не требовал. Я расспросил майора как мне поступать с этими путевками. Он ответил, ты знаешь маршруты, где ты работал? Да я знаю. Вот и пиши на каждую машину, а их у меня было 6 студабеккеров, которые на один километр расходуют 390 грамм бензина, а километраж ты знаешь от и до (а кто их эти километры будет проверять). Указал мне, сколько надо списать бензина и автола и я приступил к выполнению этой работы. Это не трудно было делать, только отнимало много времени на их писанину. Ну что ж надо было отрешиться несколько раз от похода в дом офицеров только и всего, и я в течение нескольких недель покончил с этой утомительной работой. Начался 1947 год, и офицерам и солдатам стали предоставлять отпуска на Родину. Да, дома я не был 5 лет, начиная с августа 1942 года по теперешнее время. Конечно, хотелось как-то скорее поехать к родным сестрам, отцу в свою родившую меня деревню Комаровку на Тамбовщине. И наконец, о радость моя! Где-то в апреле мне предоставляют очередной отпуск, первый за пять лет. За это время мной пройдено с боями много километров, форсировано крупных рек, как Вороксла, Днепр, Южный Буг, Днестр, Дунай и наконец пройдена пустыня Гоби и форсированы хребты Большого Хингана на востоке моего

отечества. Повидал и понял я многое. Больше, конечно, плохого, чем хорошего. Война = это разрушение, и жутко было смотреть на разрушенные наши города и сожженные деревни и села и убитых совсем невинных людей.

С дорогой в то время, я имею в виду с поездкой на железнодорожном транспорте творилось в то время совсем непоправимое время неразберихи. Отпуск нам давали 45 суток, 30 суток на отдых и 15 на проезд по железной дороге. Ехали с пересадками, через Москву не разрешалось, а если и поедешь, то надо платить за окружность, а требования на проезд выписывали в частях с указанием маршрута, например, Чита, потом через такие города, как Челябинск, Куйбышев (Самара) и дальше Тамбов. Комфорта никто и не требовал. Лишь бы сесть в вагон и двигаться вперед к дому. Очень рад был третьей полке, где расстелил шинель и чемодан свой под голову, вот все твое убранство. А если сказать еще худшее, то у меня не было офицерской шинели, которую я позаимствовал у своего хорошего друга, командира минометного взвода лейтенанта Лысакова Сергея Андриановича из Саратовской области, умершего где-то в 60-е годы. Сохраняю и по сей день добрую память о нем, и только радуюсь вспоминая о нем и прожитые совместно с ним те годы службы, когда были еще холостяками. Да мы были друзья сходные по характеру и верили во все хорошее и не изменяли этому никогда. Одно плохо у него получилось с женитьбой на девушке Лизе уже беременной от другого офицера. Но он не бросил ее и дожил свою короткую жизнь при ней народив еще двух детей, сына и дочь. Так вот в его обтрепанной фронтовой шинели я отправился в отпуск, хотя на мне были хромовые офицерские сапоги и приличное офицерское обмундирование из английского шивьета цвета хаки, подаренного английской королевой советскому офицерству. В пути быстро находишь попутчиков. Так и мне попался лейтенант-летчик, с которым мы расположились в одном купе вагона на третьих полках и ехали из Читы до Челябинска. Тут пересадка. Оставив вещи в камере хранения, отправились к коменданту военному встать на очередь и получить на компенсацию билетов на наш следующий поезд,

который должен был меня доставить в Рязань. Оказалось, что приехав в Рязань, надо мне переезжать в Рязань II, откуда я смогу сесть на поезд Тамбовского направления. Тогда это сложно было. Такси не было и только можно пройти пешком от Рязани I до Рязани II. И я начал искать пути выхода из создавшегося положения. Когда мне подвернулась одна незавидная женщина, которая начала меня упрашивать, чтобы я согласился взять ее в носильщики, перенести мои вещи с Рязани I до Рязани II. Это расстояние где-то около 3-х км. Сначала я не соглашался, ну как это, такая хрупкая бабенка будет переть мой чемодан, а буду идти сзади нее и смотреть как она несет, упираясь мои чемодан, и когда я отказал ей, то она так расплакалась, что у нее двое или трое детей в доме сидят не кормленные, и я не выдержал и дал согласие на сделку. А когда отошли от центрального вокзала, то начал посматривать, где мы мне найти палку длиной хотя бы с метр, которая вскоре нашлась, и я предложил своей подруге, чтобы нести чемодан нам вдвоем с ней. Она и тут расплакалась, что я не выплачу договор в 10 руб, а разделю с собой. Тогда пришлось мне тут же расплатиться с ней, и мы вместе, просунув палку через ручку чемодана и взяв чемодан, и чинно и благородно отправились к Рязани II. От Рязани II меня должны подвезти только до Мичуринска, а там опять пересадка. Ох как они надоели эти пересадки. Но что делать. Преодолев это расстояние до Мичуринска и дождавшись поезда до Тамбова, отправился в Тамбов. Теперь до дома осталось где-то около 40 км. Автобусы не ходят в мое направление, да они и по Тамбову не ходят. И опять мне надо ждать поезд, который бы подвез меня к станции Платоновка, от которой до дома еще километров 15. Приехав в Платоновку, уже вечер на дворе и я решил ночевать в вокзале, когда через некоторое время ко мне подошел старичок и спросил меня, что я думаю делать? Я ответил, что думаю ночевать на вокзале. И далеко ли мне идти? спросил он. Я ответил, что мне надо в д.Комаровку, но мне хотя бы до г.Рассказово, где у меня есть родственники и знакомые и я был бы спасен ото всей это кутерьмы. Выслушав меня, дедушка предложил мне пойти к нему на

квартиру и заночевать у него. Они жили вдвоем со старухой. Дед по дороге к себе рассказал мне, что на вокзале опасно оставаться, т.к. вокзал не освещен и молодежь безобразничает, и чего доброго отберут у тебя чемодан возле «твоего» дома, а ты едешь вон сколько. Я согласился с дедом и отправился к ним в его дом, где бабушка накормила меня хоть и не ахти каким ужином, но я был доволен и этим, т.к. по дороге не пришлось чего либо покушать.

Утром я встал рано, зная, что день грядущий мне не предвещает ничего хорошего, т.к. это расстояние мне придется идти до дому только пешком и с чемоданом в руках или на горбу, все равно тяжесть от него одинаково тяжела. Бабушка предложила выпить хотя бы чаю несладкого с черным хлебом, от которого я не отказался. Расплатившись за ночлег и сказав старикам благодарность, взяв свой чемодан я вышел из дома я направился в г. Рассказово. Пройдя совсем немного, как из одной улиц выехала грузовая автомашина, на которой в кузове были военнотружущие. Я попросился, чтобы меня подвезли. Но шофер не остановился. Вот так уж досада меня взяла, что так неблагодарно отнеслись ко мне. Груз чемодана все более напоминал о себе, а идти надо было скорее до дома. Когда меня догоняла лошадь, запряженная в повозку я уж заранее отчаялся, что извозчик вероятно меня не возьмет и я уступил дорогу проезжавшим. Когда повозка поравнялась со мной, то увидел в повозке всего один человек, мальчишка лет 12 или 15. Я тут же попросился к нему на повозку, и паренек, остановив лошадь, предложил мне место на повозке. Какая же благодать сидеть в повозке, когда тяжесть чемодана не давит тебе на плечи и руки и двигаться все ближе и ближе к своему дому. Подъехав в г.Рассказово к педучилищу, парню надо ехать в другое направление, я расплатился за услуги и, взяв чемодан, направился к дому по 3-й гражданской улице. Это совсем недалеко от того места, где остановил повозку парень. И вот я в доме хорошо знакомых мне людей, которые когда-то перед войной жили по соседству с нашим домом в д.Комаровка, фамилия их Селезневы и с сыном их Аркадием я учился вместе до 7 класса. Тетя Катя меня радушно встретила и накормив

меня, и поговорив немного, как раз дома был и Аркадий, который учился уже в Мичуринском плодово-овощном институте, впоследствии, когда я был демобилизован из армии, его показывали по телевизору, он тогда работал директором совхоза на целинных землях. Отобрав из чемодана все необходимое из одежды и обуви себе в другую сумку, и достав приличную гимнастерку, которую тут же подарил Аркадию, а тете Кате какой-то платок и оставив чемодан у них на квартире, я распрощался за теплый прием, отблагодарил всех и вышел на улицу, чтобы продолжить свой нелегкий путь к дому в д.Комаровке.

Был я в то время молодым, мне было 22 года. Расстояние, которое я должен преодолеть спорилось легко и быстро отсчитывал километры, которые надо было мне преодолеть, их было 10 км. Я быстро оказался за городом, тут мне все знакомо, всякая ямка или лощина, я все вспоминал. На дороге не было никакого движения, т.к. была весенняя распутица, однако пройдя аэродром когда-то перед войной и во время войны тут базировались самолеты, впереди замаячила человеческая фигура. Кто же это идет мне навстречу, знакомый мне или незнакомый путник, идущий мне навстречу. Чем ближе подходили мы друг к другу, то стало выясняться мне, что это женщина, да и откуда взяться мужикам, которые на 80-90% не вернулись с войны, а я вот иду домой. Все это как то не верится, что пройдя горнило фронтовых невзгод, ты перед родным домом. Подходим совсем близко, и я узнаю, что эта женщина из нашей деревни Антонида Ивановна Мухортова по мужу Баженова. Остановились. Она узнала меня и произносит, Володя как ты возмужал, а провожали когда в армию, ты был совсем мальчонкой. Мы обнялись и расцеловались. Спросив какие новости в деревне, я снова заспешил к намеченной цели. Вот она дальняя лощина, теперь осталось около 3-х километров. На дороге ни единой души, я иду в одиночку. Вот она ближняя лощина, на которой когда то перед войной был небольшой деревянный мост, теперь его нет за войну разобрали женщины и ребяташки, и сожгли в своих домашних печах, готовя для себя пищу и тепло.

Отсюда мне хорошо видно правый фланг моей деревни, который мы называли Дунаем, а вон и Пердуновка, а за ней и Зажопенка, а вот середки еще не видно, она за пригорком, не видно мне и старой деревни, где мой дом, когда взойду на этот взгорок, мне покажется вся середка и деревня, и мой дом. Вот я уже на выгоне отсюда как на ладони вижу свой дом, где открыты двери в сенцы, и женщин, поднимающихся мне навстречу, которые идут на работу, что-то делать в колхозе. Я подошел почти вплотную к первым домам справа от дороги глиняная яма, откуда я не раз на колымаге брал глину для домашних нужд. Женщины, уже встретившись со мной, мы обнимаемся, они кричат и машут руками к моему дому, где кто то должен быть. А кто же? Я ведь не знал, что сестра Тоня вышла за Пантелькина Николая, он ровесник моему брату Анатолию, и в доме остались отец и самая меньшая сестра Зина. Но наконец-то она Зина увидела машущих женщин и поняла, что это машут ей. Она бегом бежит к нам, все ближе и ближе. Бежит вовсе не сопатая девчонка и уже похожая на девушку. Вот что делают из нас годы разлуки, а их было не так мало, целых пять лет. Подбежала к нам, плачет. Бегут слезы и у меня, у человека, прошедшего немало по фронтовым дорогам и видавшего все и смерть своих фронтовых друзей и пожарище наших советских людей и разрушенные города, чего не довелось видеть, так это мира и тишину полей, думалось, что эта проклятая война не остановится никогда.

Теперь, когда пишу эти строки, совсем забыл, как я встретился с отцом, но по-моему его не было в это время дома. Это я узнаю, когда если приедет к нам сюда в Шахтерск сестра Зина. Она может дополнить эти строки.

Отпуск есть отпуск, где можно расслабиться, освободиться от суетливых дорожных дней, позабыться от воинской обязанности и службы, о заботе и подготовке к учебному процессу с солдатами, о нарядах во внутренние и гарнизонные наряды и всякие там командировки.

В деревне мало мужиков, а товарищей по школе вообще никого. Если кто и уцелел от войны и те не вернулись в деревню, а поуждали, где лучше. В деревне скукота невероятная. Сходить некуда, Если днем еще сходишь в

правление колхоза, где повстречаешься с Зиной Кречетовой, которая работала бухгалтером в правлении колхоза, с ней мы учились с первого по седьмой класс включительно. Кое какие девчата моего возраста уже повыходили замуж, а ребята моего возраста, если не погибли, то остались служить в армии офицерами, так например: Иван Ермолаев, Виктор Кречетов, Александр Крылов (мой двоюродный брат). Погибли мои сверстники на полях сражений: Анатолий Крылов (мой брат), Виктор Крылов, Валентин Кочетов, Александр Кочетов, Владимир Сажнев, Владимир Циновников, Виктор Стрижков, Петр Крылов (двоюродный брат), Михаил Бражников, Иван Кочетов, Иван Сажнев (пасуня) – вечная память им в борьбе с немецким фашизмом. Пусть земля будет пухом.

Прошу прощения, я пропустил наверно самое главное. Какой же я сын, если я приехал без подарков, которые на мое счастье у меня были и не плохими. Отцу я подарил швейцарские карманные часы «Докса», правда у него они долго не прослужили ему. В нашем доме из комода их выкрали недобрые люди. Жаль да еще как. Хоть часы и трофейные и недорого мне достались, и все-таки память хотелось бы сохранить. Тане я привез китайские часы, которые вскорости отказались идти. Жаль такой неудаче. Хотелось бы, чтобы они походили у нее подольше. Зине я привез тоже трофейные маленькие позолоченные дамские часики, которые я сразу еще на фронте ей обрек, и которые долго ей послужили. Привез немного китайского шелка. Уж не помню сколько.

Прошло дней пять моего отпуска, и мы с отцом засобирались идти в Рассказово, чтобы встать на учет в военкомат, а потом ехать в Тамбов за продуктами, которые мне положены по аттестату получить за весь отпуск. Получать их надо было в военном пехотной училище. И ехать надо было только поездом. Других транспортных средств не было. Даже нам пришлось садиться на ходу товарного поезда на ст.Рассказово. Я то молодой, а вот отцу моему инвалиду (ему тогда было 56 лет). Первым сажился, а вернее цеплялся отец, если он удачно сядет, тогда сяду я. Обошлось все нормально, поезд шел

на подъем тихо-тихо. Получив продукты, а главное нам выписали селедку, которую в деревне люди за время войны не то что кушали, а просто ее не видели. Хотя у отца кушать было чего, мы с ним зарезали баранчика, да я получил из мясных продуктов мясными консервами, так что купить было чего. Отец содержал корову, овец и курей. Но время тянулось скучной в отпуске, сходить было некуда, и только все удовольствие было, когда меня приглашали родственники в гости.

И тем не менее отпуск пролетел и надо было опять собираться ехать на службу в Забайкальский военный округ, в Читинскую область. Чтобы избежать пересадки я решил ехать через Москву, хоть и с доплатой за окружность и все таки решение было принято мной правильно, так как я никогда не бывал в столице, и мне хотелось посмотреть достопримечательности московские, тогда же я побывал в музее Ленина, в мавзолее, и кажется в Третьяковской картинной галерее. Уезжал я с Ярославского вокзала до Читы, а потом надо садиться было на поезд Чита-Отпор (теперь он называется Зайбайкальск) до ст. 74-й разъезд, это сразу за ст.Оловянная.

По приезду в часть и нашу 18 гвардейскую краснознаменную ордена Кутузова днестровско-ханганскую механизированную бригады приказом по 6 гвардейской армии, штаб которой располагался в г.Борзя, направлялась на лесоразработки и заготовки дров для частей нашей армии. Оружие свое мы законсервировали и сдали на оружейные склады, а солдаты и офицеры, взяв с собой постельные принадлежности и погрузившись в товарные вагоны, отправились на ст.Хилок, где нас перевезли вглубь тайги, где и начали мы пилить лес под присмотром гражданских лиц из леспромхоза. Все не так просто работать на лесоповале. Подойдя к сосне или лиственнице, надо определиться, куда и как спилить ее, чтобы не поломать как меньше подрастающее поколение. Потом когда дерево уже будет на земле лежать, определиться с разделкой, если она подходит к деловой древесине, то ее разделяют на 6,5 метра, остальное разделяется на рудстойки длиной 3 м,

2 м и 1,5 м, остальное и сучки на дрова. Если в лесине не получается 6,5 м, то разделявают на 4,5 м, а остальное как и прежней лесине, затем что спилено было надо стрелять трелевщиком, который работает на лошади, а стойки всех размеров надо сложить в штабеля и потом их пометить молотком тавро и сдать мастеру из леспромхоза. Офицеры следили за техникой безопасности и сдавали заготовленное. Работа эта очень тяжелая, а с солдат требовали кубометры и они бедолаги начали худеть на этой солдатской норме, Собрали партийное собрание обсудили и постановили, заранее обследовав всех солдат, поставить вопрос о дополнительной добавке к солдатской норме продуктов веред высшим командованием. Добились выделения более калорийных продуктов и командир (полка) бригады приказал организовать сбор грибов, была организована бригада охотников с ружьями для отстрела коз, зайцев, крупных птиц. Была построена солдатская столовая и казарма, для офицеров были построены землянки.

Осенью 1947 года мне был предоставлен второй отпуск. Опять сложность с поездкой в железнодорожном транспорте. В те времена ходил поезд Хабаровск-Харьков №74 – это поезд пассажирский, который каждому телеграфному столбу кланялся, но на него всегда была уйма люду, но военным как-то выделялось более подходяще на него мест. И вот я уселся на этот поезд и Чите, и доехал на нем до ст.Ртищево Саратовской области, а уж тут рукой подать до ст.Платоновка, и к моему приезду начал ходить поезд из трех вагонов Рассказово-Платоновка. Это просто удобство. Этот отпуск особо ничем не отличался от первого, но совпал с праздником Октябрьской революции, где в колхозе организовали блины с выпивкой, куда и я был приглашен после этих блинов, местные учительницы пригласили меня на учительский вечер также вечер с выпивкой и закуской. И вот снова выпивка и закуска. Я уже был навеселе, т.к. мы добавили с двоюродным братом капитаном Павлом Сергеевичем. Он был женат, еще перед войной, жена его Любовь Егоровна тоже была учительницей, но и вот мои учительницы были гораздо старше меня лет этак на 5-6, а тут когда мы сели за стол, то передо

мною села очаровательная молоденькая чернявая учительница, вокруг нее молодых парней не было, и я подумал, почему бы мне не познакомиться. Для храбрости было еще выпито, чего как я теперь думаю не следовало делать. За столом послышалась «Катюша» и потребовали музыки. Был приглашен гармонист или баянист, начались танцы. Я поспешил до той, что сидела против меня. Быстро отыскав ее, я пригласил ее на танец. Она с удовольствием согласилась, и пока танцевали, познакомились, а когда закончился танец, я пригласил ее выйти в коридор. Коридор не был освещен, да и в классе, где проходило угощение, горели керосиновые лампы. Тогда в наших деревнях электричества не было. Выйдя в коридор, мы встали с ней около стены, она задом к стене, я лицом к ее лицу и ведем беседу, когда подходит парень, которого я не знаю и не видел его на этой вечеринке, и говорит мне Володя, она занята, я обратился к ней, что это правда, она ответила что-то невнятное, и я со всего маху левой рукой нанес ему удар по лицу. И тут же шум и гам и, свалив меня на пол, начали меня уговаривать, а кто молотить меня, оторвав при этом оба рукава от гимнастерки, и растеряв свои медали, побежал Павел Сергеевич, начал меня бранить, зачем я испортил вечер, взяв меня и одев в шинель, отвел меня к своему дяде. Все это произошло в селе Липовке, где находилась неполная средняя школа, в которой я проучился четыре года. Домой я пришел на следующее утро с поникшей головой и мне было так неудобно от происшедшего, что я не знал куда деть свои бесстыжие глаза. Но время шло, и время подходило к отправке к месту службы. Когда я прибыл в расположение нашей бригады и через некоторого времени пришел приказ из военного округа о переводе меня на новое место службы, а именно на ст. Дивизионная Бурятской АССР. Это в пяти километрах от го. Улан-удэ, где дислоцировалась 61 отдельная танковая дивизия. Прибыв к месту назначения, я получил приказ назначение в 142 танковый полк на должность командира зенитно-пулеметного взвода. Рота зенитно-пулеметная была кадрированной, это то, что офицеры были в лице командира роты к-на Смирнова и меня как командира взвода. Солдат ни

одного не было, а вооружение для нашего штата солдат хранилось на полковых складах. В случае мобилизации рота мгновенно развертывалась в боевую единицу, равно как и батальон мотострелков, который был также кадрированным, офицеры батальона были в лице командира батальона, и трех командиров рот. Все офицеры кадрированных подразделений занимались боевой и политической подготовкой внутри своего танкового полка, и привлекались на сборы по своим должностям, а больше всего привлекались к внутренней гарнизонной службе, т.е. ходили в наряды по полку и гарнизонные караулы.

Место расположения нашей дивизии очень замечательное, в 5 км столица Бурятии, тут же вблизи протекала большая судоходная, горная река Селенга, где летом можно искупаться в ней. Одним словом здешнее место самое лучшее во всем забайкальском военном округе. Я все еще холостяковал, хотя мне уже было 24 года, - пора обзаводиться семьей. Планы были всякие в моей голове, но непременно главным всегда было в моих думках, это жениться только на своей землячке. Это потому, что в случае увольнения или ухода со службы, приехать в свои родные края и умирать как говорится на своей родине. И все таки я не выдержал данной клятвы, и угодил на всю оставшуюся жизнь на Украину. Грех большой, но теперь деться некуда.

В 1948 году отпуск мне предстоял в августе-сентябре месяце. И я ехал с настроением таковым, что познакомлюсь с девчонкой, когда приеду в отпуск в следующем году, поднакопив побольше денег, и сыграть себе свадьбу. Но все получилось не так, как задумывалось. Когда приехал в отпуск и через несколько дней пошел в райвоенкомат становиться на учет, то после всех этих мероприятий зашел к своей крестной (двоюродной сестре) в гости и проведать их в г. Рассказово. У крестной была дочь Зина, моложе меня на два года, и разговорившись с ней я спросил, что у тебя есть подружки, с которой бы познакомила меня. Дело не долго ожидалось. Пока я сидел и Иван Романовичем, ее отцом за бутылкой водки, то вот она суженая явилась

неожиданно до Зины. Я вынужден был с ней познакомиться и пригласил ее в кино, благо кинотеатр был вот прямо рядом. Она дала мне согласие. Мне ничего не оставалось, как остаться заночевать у крестной. Вечером мы втроем отправились в кинотеатр, где перед сеансом, как и в былые времена шли танцы, а все больше рассматривал публику, где хотелось встретить одноклассников, по 8-му класса 4-ой школы, где я учился до войны.

После кино я проводил свою знакомую до ее дома, где посидев на скамейке и уговорившись, что нам надо обязательно встретиться, но завтра по уговору со своей двоюродной сестрой, мы должны с ней сходить в с.Петровка Сампурского р-на до тети Паранье – отцовой сестре. Не хотелось подводить Анну Прокофьевну – свою сестру и знакомство с Раей, как-то не вязались эти два мероприятия. Однако уговор дороже денег, так мы и решили с Раей, что после проведывания тети и ее семьи, я тут же явлюсь к ней, к моей ненаглядной. Идти к тете надо было пешком через населенные пункты: В-Спасское, Кобылинка, Коптево и вот она Петровка. Весь путь составлял 35 км. Когда шли туда, то я сильно потер ноги, сапоги были новыми, только пошиты нашим деревенским мастером, хорошо скроены и пошиты, но тютелька в тютельку, и при ходьбе на большое расстояние, ноги отекали и так я их набил, что едва мог наступать ногами. Мне их у тети и парили, и мазали всякими всячинами, но далеко еще было до заживления, когда надо было собираться в обратный путь. На обратный путь обули меня в галоши, прежде постелив в галоши что то мягкое, и придя домой я еще плохо чувствовал себя. Пришлось писать записку и отправить со своей сестрой с большими извинениями и прощениями для себя и переждав еще два дня я снова выглядел бодрым и готов был отправиться тут же в Рассказово на свидание. Дружба и любовь побеждала все на своем пути, а мне было неудобно постоянно находиться у крестной и мне приходилось лавировать вечера 2-3 быть в Рассказово, один-два вечера быть в деревне. Когда дело дошло в нашем разговоре до этого момента, что в этом году не собираюсь жениться, т.к. деньги, которые я привез, были на исходе, и что я обязательно на

будущий год поднакоплю денег, где и сыграем свадьбу. На этом моя Раиса не дала твердого ответа, что вы военные люди не надежный народ и посул ваш ожидать и верить трудно. Тогда я сказал, что у меня там в части нет квартиры, и согласна ли ты жить со мной на частной квартире. Она ответила, что ей в и шалаше со мной хорошо. Тогда в чем же дело, поедem в Бурятию. Да, поедem. На другой день, благо отец мой был в городе, мы с Кунаковой Раисой Александровной пошли в ЗАГС, где и расписались в законном браке 16 августа 1948 года. До сегодняшнего дня мы с ней прожили 53 года, это нам с ней честь и хвала, что из нас никто не свернул и не оставили друг друга в нехорошей беде, хотя в нашей совместной жизни было всего достаточно и переезды, и стройка собственного дома, и работа, работа, которой я посвятил 52 года вместе со службой в армии, которые составили 15 лет.

Проводив остаток отпуска вместе с медовым месяцем, мы стали собираться в дальнюю дорогу, начали рядить чего с собой брать, а чего не следует. Я со своей стороны предложил взять одежду для молодой жены зимнюю, осеннюю, платье, ну и конечно постельную принадлежность, перину, одеяло, белье постельное. Постель мы зашили и отправили багажом, остальное, что надо было, мы уложили в чемоданы и отец нас на повозке вместе с тещей довез до ст. Платоновка. Прежде всего, я сходил в райвоенкомат и вписал в свой отпускной билет, что со мной вместе к месту службы мужа следует жена Крылова Раиса Александровна. Тогда от гор.Иркутск и дальше до Владивостока сосуществовала запретная зона, и не вписав жену в отпускной билет, ее могли бы снять с поезда в г.Иркутске. Таких случаев было очень много, что муж в часть приезжает один, а потом выручив документы в части, опять ехал за ней в Иркутск. У нас все обошлось нормально и благополучно, ехали через Москву, и я молодой жене показал московские достопримечательности, побывав на Красной площади, мавзолее Ленина и других местах, особенно в больших магазинах, хотя денег у нас лишних не было, только на дорогу и билеты для нее и питание в дороге, хотя из дома нам надавали немало. Ехать надо было 5,5 тысяч километров 6 суток.

В дороге все обошлось нормально, ребяташек мы еще не успели нажить, а вдвоем нам молодым да любящим друг друга, только любовались проезжавшими пейзажами, а посмотреть было на что, такие города: Киров, Пермь, Свердловск, Тюмень, Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск и наконец голубые воды красавца Байкала, где поезд прошнуровывает за 14 часов вокруг Байкала 52 туннеля, а что стоит попить байкальской воды, когда поезд остановится у красного светофора. Последняя станция Слюдянка, после которой нет туннелей и все-таки опять красивые места, где нас мчит поезд вокруг гор и забайкальских ручьев и речек. На горах забайкальских тайга, все красиво, особенно для человека, впервые попавшего в эти редкостные места. Теперь впереди нас ждет большой железнодорожный мост через реку Селенга и потом мы будем ехать по правому берегу ее, которая впадает в священный Байкал. Теперь по правобережью будем ехать до самого Улан-удэ, - столицы Бурятии. В те времена город был небольшим, но строящимся и расширяющим свои границы все шире и шире. В нашу бытность в Улан-удэ был построен замечательный русский оперный театр, впоследствии мы вместе с Раей слушали оперы «Аида» и «Русалка», в городе тогда был и русский драмтеатр, большой ГУМ – государственный универмаг, не меньший продовольственный магазин, в котором был омуль (байкальская замечательная рыба) во всех ее исполнениях, и свежий, копченый – особенно по вкусу, и соленый с душиком. Местные жители не будут и кушать без запашка, к которому и мы с Раей привыкли и ели как за обыкновение. Но особенно хорош копченый. Он и с пивом хорош, хорош и после 150 граммов, Вот в такую красоту я и привез свою молодую жену Раису Александровну. До этого она никогда не выезжала за пределы Тамбовской области. Приехав в Улан-удэ все благополучно, мы автобусом доехали до дивизионной, где располагался гарнизон, когда то, при царе там дислоцировалась кавалерийская дивизия, от которой остались конюшни, которые сохранились добротнo, если встать у станции дивизионной, которая будет сзади, то впереди будет расположен военный городок, построенный из толстых

сосновых деревьев. Ни одной казармы не было построено из кирпича, кроме как офицерских домов, которые были построены из красного кирпича и располагались, сзади за станцией на берегу реки Селенга. Это первый участок, там же был и штаб дивизии и при нас и при царе, справа был ручей Березовский, а еще его называли Переплюиха, за которым располагался поселок Березовка и здесь же на берегу Селенги. Подальше в тыл от Березовки располагались офицерские дома, также построенные из красного кирпича. Если вы стоите там же, как я писал, то там за казармами в самом кутке располагался уч. 3 офицерских домов. Дома однотипные, двухэтажные. Когда я прибыл продолжать служить в 61-ю отдельную танковую дивизию, то полки располагались так: прямо перед вами проходная в гарнизон, которая разделяет на две половины, и если пойдете пешим порядком, то сразу за проходной справа от дороги располагался 142 танковый полк, которым тогда командовал полковник Герой Советского Союза Михно. В этот полк я прибыл на должность командира взвода зенитных пулеметов впервые за свою службу. Правее казарм 142 танкового полка располагался 28 мотострелковый полк, которым командовал подполковник Акилов Александр Максимович, который всю войну прослужил в Монголии. Слева по дороге была сразу пожарка, а за ней располагались разведывательный батальон, и далее левее располагался 41 танковый полк, который принимал участие в боевых действиях на реке Халгин-Гол в Монголии еще до войны. Чуть пройдешь по дороге справа будет магазин военторга, а слева от дороги офицерская столовая. Если вы дальше движетесь по дороге, то справа будет медсанбат, тут и родильный дом, в котором Рая родила мне двух сыновей Вячеслава и Сашу. Сразу за медсанбатом дом офицеров. Дом офицеров затрапезной постройки, зато артисты сюда приезжали хорошие, даже были Торопунька и Штепсель и разные знаменитости. Слева от дороги три казармы, которые были разделены на комнатки, где размещались семейные офицеры, в одном из которых и жили мы с Раей. Но это потом, Сразу с дороги я ее привел на Березовку к тете Даше, где и поселились временно,

потом мы уйдем на другую квартиру, где у нас родится Славик. Ну что ж, движемся дальше, справа от дороги располагался учебный батальон, в который я был прикомандирован на должность начальника продовольственной службы, откуда я и был демобилизован из рядов армии в 1957 году. Слева располагались 43 танковый хинганский полк, в который я был переведен на должность командира роты зенитных пулеметов, в котором и прослужил довольно продолжительное время. В мою бытность полком командовал полковник Абрамсон, впервые за всю службу был еврей, но у меня с ним получилось не плохо, ведь я непосредственно подчинялся ему. Здесь в этом полку я получил военное звание капитан. Рядом с нашим полком располагался 74 тяжелый танкосамоходный полк, который в то время был оснащен тяжелыми танками ИС-3. Далее располагался зенитный полк нашей дивизии, а справа располагались курсы усовершенствования офицерского состава, в которых и мне пришлось учиться в течение года, учеба на этих курсах давала право быть окончанию нормального военного училища и рядом с курсами располагался топографический отряд, который подчинялся непосредственно округу, не указав я, где располагался батальон связи, он располагался там, где и разведбат. Там за участком №3 располагались гаражи, ремонтные мастерские и стоянки танков всех полков дивизии. Дивизией в то время командовал полковник Прокопец, впоследствии ему было присвоено звание генерал-майор. За гаражами были горы и сплошная тайга. Как то раз мы поехали на мотоцикле с командиром РТО (рота технического обеспечения) Рыморевым В.А. – это наш хороший друг, у него жена была Шура из Хмельницкого и мы дружили с ними очень хорошо, жили в одном доме. Так вот мы поехали на мотоцикле, и вот только въехали в лес и не отходя от мотоцикла более, чем на 50-70 метров мы с ним насобирали грибов ведра по 4, мы даже засолили их и они получились у нас превосходными, а то варили суп и жарили, но это было все потом, а вот теперь после приезда из Тамбовской обл. мы расположились на квартире у тети Даши, где нам было не очень приятно, во-первых, маленькая комнатка,

во-вторых, в другой малой комнатке жили два офицера холостяка, ну и дети тети Даши, которые тащили наши продукты без спроса, откуда мы ушли на другую квартиру, где вообще пришлось жить в комнате без окон. Когда были одни, то еще кое как сходило, а у нас намечался родиться ребенок, который вскорости и родился, которого назвали Славиком. Ложили его на столе в корыто, условия жизни были трудно описать, но через некоторое время мне повезло, один офицер из нашего 142 танкового полка уезжал в Германию, и его комнатка, предлагалась мне, как и многим, жить в бывшей казарме, поделенной на небольшие комнаты с общим коридором, в котором располагалось 15 семей. Но зато мы хозяева в полном смысле в своей нашей комнатке. Мы, а особенно Рая сделала ее такой уютной и красиво все обставленной, хотя в нашем уюте никаких излишеств не было, и особенно мебели кроме как солдатской, и это тоже доставшиеся от одного друга лейтенанта Ефанова, который к этому времени был демобилизован из армии, от которого мы взяли четыре стула. Кровать нам досталась от уезжавших из нашей комнаты. За кроваткой-качалкой я ходил на рынок в Улан-Удэ, откуда принес на себе пеше из города, благо это недалеко, около 5 км. Вот так мало по-малу мы стали обрастать нужными для нас вещами. В первую очередь надо было купить ручную швейную машину, за которой отправились с грудным ребенком, да запозднились с приездом домой. Ребенок есть ребенок, да мы молодые неопытные родители застудили его и он заболел у нас воспалением легких. Пришлось Рае ложиться в детскую больницу, а мне через день ездить туда, где у меня брали кровь и вливали ее на головке Славика в маленькую вену, предварительно выпроводив маму из палаты. Рая моя рыдала сама не своя. Выходили Славика с большими трудностями. Начал он расти, хорошо набирая рост и вес. В другое время мы купили швейную машинку тут же в Березовке, на которой Рая стала учиться шить и вышивать Ришелье и гладью. У нее получалось быстро схватывать, хотя бывалые жены офицеров втайне держали секреты вышивки. Она пошла на курсы при доме офицеров кройки и шитья и разных вышивок.

Когда я еще проходил службу в 142 танковом полку, мне было присвоено звание старший лейтенант, в этом же звании меня перевели в 43 танковый полк на должность командира зенитно-пулеметной роты. Здесь в этом полку были у меня солдаты и сержанты, с которыми я и командир взвода проводили боевую и политическую подготовку. Запомнился мне один курьезный случай на дивизионных учениях. При подготовке к учениям командир полка полковник Абрамсон мне приказал, что ротой на учениях будет командовать командир взвода, а ты будешь офицером связи от полка до штаба дивизии, а поэтому потеплее одевайся, мотоцикл в твоём распоряжении М-72. Мотоциклист оказался дисциплинированным парнем, которому я приказал перед отправкой на учения одеть ватные брюки и полушубок, так же одет был и я. Командир полка мне приказал, чтобы я всегда следовал, особенно на марше за его машиной, а во время остановок на ночь близ его машины в палатке роты управления.

Мотоцикл попался не ахти хорошим, иногда что то в нем забарахлит и приходилось останавливаться на мелкий ремонт, а колонна продолжает движение. Быстро починив теперь надо догонять машину командира полка. Маршрут движения был длинным, где то километров около 500. Раза два или три мне удавалось наверстывать командира полка. И вот однажды после остановки, мы с мотоциклистом мчимся догоняя командира полка, а приказ командира дивизии во время движения ни в коем случае ни одной машине или мотоциклу не обгонять колонну. А мы мчимся, когда за нами слышим сигнал автомобиля, в котором ехал командир дивизии генерал Прокопец, пришлось нам сворачивать на обочину и выслушивать мораль была такова: «Сметанин – это был его адъютант, запиши фамилию капитана, которому после учения пойдешь на гауптвахту». На губу я не пошел, т.к. во время учения я встретил старшего лейтенанта Сметанина и упросил его, чтобы он не подавал мое нарушение при разборе учения, и все обошлось для меня в ажуре, хотя я здорово переживал, что во время разборов учений, соберутся

все офицеры дивизии, и представители из штаба округа, а там надо было бы становиться за свою оплошность.

Почему-то мной упущено из моего писания поездки в отпуска во время прохождения моей службы в 61 отдельной танковой дивизии.

В году 1950-51 я в отпуск поехал на родину один. Так было решено на нашем общем совете с Раисой Александровной, потому, как везти жену в отпуск, это очень дорогое удовольствие, надо за нее платить за проездные билеты, а за 6000 км это порядочная сумма денег, и мы согласились, что я поеду один через Москву, где бы я смог ей купить хорошее зимнее пальто. Родственник наш и вернее мой двоюродный дядя Крылов Александр Алексеевич жил не прямо в Москве, а в большом подмосковном городе Балашихе. Когда я бывал в Москве один или с семьей, то всегда останавливался у родичей. Так получилось и теперь. Родич мой хорошо знал Москву и я попросил его поехать со мной, так как покупка наше не из дешевых вещей. Я сейчас не помню, в каком магазине мы брали пальто, но пальто приобрели очень хорошее бастоновое с большим воротником из голубого песка, которое в то время стоило около 2000 рублей. С этим пальто я и отправился на Тамбовщину. Вперед я заехал к теще, она жила в Рассказово. Пальто ей очень понравилось, что слишком дорогое, что мол за такие деньги можно было взять и что то еще, но я сказал, что мы живем не настолько богатыми, чтобы брать дешевый товар. Пальто это Рае долго, а воротник она продала, когда мы приехали в Шахтерск за 1000 рублей. Вот так я одевал свою жену, идя на разные уловки.

В году 1954-м мы собрались в отпуск всей семьей: я, Рая и Славик, которому тогда было около 5-ти лет. И вот все шло изначально хорошо и добротнo, как где-то в Красноярском крае на станции небольшого городка наш поезд остановился не на много времени и мы со Славиком вышли из вагона, чтобы он порезвился. Так мы делали часто и как раз перед нашим вагоном остановилась с лотком женщина, которая торговала горячим борщом и другими продуктами, и тут же мне в окошко постучала Рая, показывая

миску, мол возьми борща я покормлю Славика горячим. Как мне кажется я здорово проинструктировал Славика, что когда я побегу за миской, а он чтобы ни шагу не отлучался от этого места. Я мигом вбежал в вагон, так же быстро выбежал из вагона, но Славика на месте не было. Сразу мысль у меня мелькнула, осмотреть под вагонами, но там его не оказалось. Рядом был небольшой магазинчик, где для пассажиров давали сахар, я туда, но там набилось столько народа, что смол ли он туда пролезть, и все таки я громко позвал, Славик, отзыва никакого, я опять к вагонам, где у соседнего вагона стояли женщины, а поезду уже дали отправление, я спросил у женщин, вы не видели мальчика в пижаме, одна говорит, что вот он стоял здесь, другая что-то говорила о другом, а мысль моя работала о совсем своем, что я сейчас забегу в вагон, скажу Рае, что Славик потерялся, пусть она едет до Москвы, а я остаюсь здесь разыскивать Славика. Только я хотел выполнить задуманное и гляну на соседний вагон в открытую дверь, а он стоит и рассматривает как ему сойти с вагона. Увидев его, я подбежал и говорю ему, папа тебя просил, чтобы ты не уходил никуда, а ты ушел в другой вагон, а там такие же дети как и ты и с другими игрушками, ты бы заигрался с ними и поезд пошел бы без папы, а с остался бы тебя разыскивать здесь. Не взяв борща, мы с ним вошли в свой вагон, я бледный, а он как будто ничего не случилось. Рая ко мне. Что случилось? А я даже не мог ей ответить, полез на вторую полку, т.к. поезд уже набрал солидную скорость и мчал нас все ближе и ближе к Москве. Резюме происшедшего. Нельзя доверять ребенку ни единой минуты, ни единой секунды в таких или подобных ситуациях. Я и теперь как вспомню, что такое могло случиться, Рая поехала бы в своем вагоне, Славик в другом соседнем, а когда почувствовал, что поезд тронулся, то начал бы кричать, у пассажиров переполох чей-то ребенок без родителей. Ай! Ай! Бежать на радиоузел и сообщать о пропаже ребенка, а Рая там в вагоне в беспамятстве рыдает о случившемся, а Славик орет в другом соседнем вагоне, а я начинаю мучиться и думать за утерянного ребенка, а он не потерявшийся. Вот таково у нас было бы настроенице, у меня особенно с

чего и как шукать не потерянное на этой станции. Завещаю вам всем мои дорогие внуки ни на секунду не доверяйте ни себе ни детям своим в таких или подобных других ситуациях. Будьте бдительны во всех мелочах.

Про командира дивизии даже было сложено четверостишие командиром учебного батальона подполковником Хромовым

Январь-февраль холодный

Едет в отпуск Ванька взводный

Июнь-июль жара палит

Едет в отпуск замполит

После проверки злой и потный

Едет Гришка ротный

И после всех, наконец

Едет в отпуск Прокопец

И в самом деле, подмечено было справедливо, так оно и делалось, а что касается за командира дивизии, то он как обычно 31 декабря писал приказ, что вместо убитого в отпуск командира дивизии назначить начальника штаба командиром дивизии.

В 43 танковом полку я прослужил более 6 лет. В этом полку я получил воинское звание капитан.

В связи с тем, что в армии шло реформирование в смысле усиления огневой мощи боевых единиц, т.е. в танковых полках поступала новая техника в то время, я имею в виду 50-е годы, на вооружение поступили танки Т-54, то и усиливался зенитный огонь в полках зенитной спаренной установками на бронированной самодвижущейся платформе, где устанавливались спаренно 37-мм автоматические пушки, а нас зенитных пулеметчиков пересадили в 28 мотострелковый полк нашей дивизии, где в каждом батальоне развертывалась зенитно-пулеметная рота, вооруженная спаренными пулеметами 14,5 мм калибра, установленные на БТР (бронетранспортеры) и уже подразделение стало называться не зенитная

рота, а зенитная батарея 14,5 мм пулеметов им.Владимилова. Установки эти сильные по огневой мощи, особенно счетверенные установки, где за одну минуту выбрасывалось 1200 выстрелов – это шквал огня.

И вот осенью заканчивается учебный год по боевой и политической подготовке и начались учения мотострелковых рот с боевой стрельбой, которые проводились на танковом стрельбище или полигоне, когда меня назначили дежурным по полигону. На этом учении должен присутствовать заместитель командующего округа по БТМВ (бронетанковых и механизированных войск) генерал-лейтенант танковых войск дважды Герой Советского Союза Гусаковский. Когда почти закончились учения и генерал давал указания и замечания по учениям, то на полигоне от взрывов гранатометных снарядов загорелась трава и начала гореть мелкая поросль сосенника, о чем я побежал доложить командиру полка, что горит лес, и чтобы взять людей и тушить этот очаг. Когда я подбежал и обратился к генералу чтобы он разрешил обратиться к командиру полка, то он не разрешим мне обращаться, и я невольно стал слушателем генеральских указаний, а пожар горит, и не подчинен генеральской воле, и по прошествии нескольких минут, когда генерал разрешил мне обратиться к командиру, полка я доложил, что горит лес и чтобы мне выделили людей для тушения пожара.

Когда я попал служить в 28 мотострелковый полк, то про командира этого полка ходили по всему Забайкалью легенды – были вот одна из них. Фамилия командира была Акилов Александр Максимович. Я уже писал, что Акилов всю войну простоял в Монголии на манчжуро-монгольской границе. В те времена там служба была не мед. Японцы до того басурманили и безобразничали, что и бог наверно был в такой обиде, что не возразил сбросить на их территорию две атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Акилов рано начал командовать полком в чине капитана, образование имел начальное. И вот он однажды решил обследовать свой гарнизон, где располагались в землянках и солдаты, и офицеры с семьями. Дело было

зимой, и каждая хозяйка, не отходя от своей землянки, далеко выливали помои и, следовательно, все это замерзло, и когда он увидел такое, то приехав в штаб потребовал от комиссара (замполит) собрать женщин, чтобы поговорить с ними о случившемся. Первым выступил комиссар, который попросил женщин более активно участвовать в общественной хозяйственной деятельности. А теперь слово представляется командиру части. Его речь:

«Товарищи женщины, боевые подружки наши, засранки е... вашу мать засрали мне весь гарнизон, и дальнейшее в таком духе».

Дослужился он до полковника, а когда пришла телеграмма о присвоении он тут же в ночь отправил офицера в Читу за папайкой. Демобилизовали его в 1955 г., где он поселился в Улан-Удэ. При увольнении командующим Заб.ВО генерал лейтенант Троценко подарил ему автомобиль ГАЗ-69.

После командования Акиловым полк принял полковник Зобнев – этот командир был хорошим, требовательным с офицерами был добрым и отзывчивым и был страстным – потомственным любителем столярных дел мастер. Заразился я этим делом, и начал потихоньку изготавливать и прикупать столярные инструменты и потом постепенно изготовил буфет, который до сих пор нам с бабушкой служит верой и правдой. По соседству с нами жил старшине сверхсрочник Иван Коробков, вот уж природа его наградила всеми специальностями, который сам сделал часы с боем, мастер столярных дел, токарных, к нему несли все наши жены и он или исправлял или мог новое сделать.

Демобилизовался я из 28 мотострелкового полка в 1957 году в бытность командования полковником Зобневым. А случилось это вот так. Осенью 1956 года меня посылают в командировку на заготовку овощей для своих частей в военхоз Быркинский, это там, где я когда то проходил службу после выезда из Мандена из Манчжурии на 74-й разъезд, - это рядом ст.Бырка. Заготовка шла хорошо, все было нормально, ненормально было одно, что я получил письмо из дивизионной, где Раиса Александровна мне

писала, что на меня есть представление на увольнение в связи с сокращением всей армии на 2100000 человек, пулеметы мои зенитные устарели как современное оружие и нас к расформированию, а выезд наш с заготовках все откладывают и откладывают, а то подъездного состава не подают. Ну наконец то мы погружаемся и едем на дивизионную. Приехав в расположение дивизии, утром надрав пуговицы на шинели и гимнастерке, я отправился в свой полк. Кого я первым увидел, так это начальника штаба полка подполковника Фокина, который мне сообщил, что на меня есть представление на увольнение, я тут же возразил ему, что я являюсь фронтовиком и мне служить остается год, т.к. пребывание на фронте засчитывалось нам за 1-3 года службы, да у меня было прослуживших 15 календарных лет. Тогда Фокин взял меня за рукав, пойдём к командиру полка, по приходе к командиру командир полка вызвал начальника строевого отдела ст.лейтенанта Иванова и спрашивает Иванова, ты почему сделал на него представление, ему, т.е. мне осталось служить чуть более года и я готовый пенсионер. Зобнев тут же мне приказал идти в штаб дивизии, куда я и ушел. Придя в штаб дивизии, я встретил хорошего друга капитана Кононенко, которого временно на эту перетряску пригласили работать в штаб дивизии. Я спросил у него, какие дела, он ответил, что списки отправлены в управление по кадрам в Заб ВО. Из штаба дивизии вернулся и доложив Зобневу, он тут же приказ выписать мне командировку и проездные в штаб округа, чтобы разобраться на месте. Но было уже поздно, списки сегодня рано утром полетели с начальником управления по кадрам в Москву. Я тогда попросился на прием к члену военного совета. Он меня принял, посожалел мне, но помочь мне ничем не смог. Еще четыре месяца я ждал приказа на увольнение. И вот он приказ. Куда и как ехать человеку, отдавшего всего себя служению, и действию на фронтах, не имея образования и какой либо гражданской специальности. И что же? Куда ехать? На чей хлеб садиться? Отцу моему шел седьмой десяток, да и дом у него плохой. Я конечно мог бы и в колхозе работать плотником, или

столяром, наконец мог бы сесть и на трактор, но Раиса моя мне говорит, мы с мамой с такими трудностями выбрались из деревни, что теперь ехать туда нежелательно. Я предложил написать письмо ее брату Михаилу, который проживал в Катыку (ныне Шахтерск) и работал в милиции. Так и порешили. Он ответил, что гарантирую квартиры в быстром получении, на что мы и согласились. Была бы крыша и здоровье - главное, остальное все приложилось.

В Москву мы прибыли на Ярославский вокзал, где нас встречали теща Александра Васильевна, моя мачеха Александра Антоновна и сестра моя Зинаида Ивановна, они привезли с собой немало продуктов и мы решили ехать всем к нашим родичам в Балашиху. Я пошел разыскал большое такси ЗИС-110, с шофером договорился, что он нас за сто рублей отвезет до Балаших, оплата за оба конца, т.к. наш поезд пришел с опозданием в Москву. В Москве, а вернее в Балашихе мы прожили 3-е суток и начали собираться по своим направлениям. Теща, мачеха и Зина на Тамбов, а нам на Донбасс. Но тут непредвиденное. Только мы отправили на Тамбов с Повелецкого вокзала, нам же отправляться на Донбасс также с Повелецкого, и тут заболел у нас маленький Сашенька, его начало рвать, температура высокая, медпункт вызвал скорую помощь и Раю мою и сына отвезли в детскую больницу, благо эта больница от вокзала находилась недалеко. И спасибо огромное Александру Алексеевичу, который тут же остался и помогал нам с Раей с решением многих вопросов. Саша наш заболел детской болезнью, которую он получил от дочки ихней Лены в Балашихе, которая принесла эту болезнь из детского садика, она примерно такого же возраста. Мы начали думать, т.к. карантин на эту болезнь, а болезнь эта сыпь по телу и сильная температура, пошел я до врача, которая лечила Сашу. Она прямо сказала, я не имею права вас отпустить, т.к. это болезнь заразная, но и проживаться нам в дороге тоже нелегко, и еще и заболит Славик. Врачиха, пожилая женщина посоветовала нам, что мы сбежим из больницы сами, и что она врачиха даст хорошего лекарства на дорогу и хорошо рассказала как нам действовать в дороге и в

какое время убежать, за это я вынул 25 рублей и отдал ей. Она много раз нас отблагодарила. С Москвы до Дебальцева ехать около суток, и мы решились на побег и поездку, т.к. в домашних условиях лечиться проще. В Дебальцево мы приехали рано. Сашенька наш молодец, он просто подбадривал нас родителей своим самочувствием и утром же этим мы сели в поезд, который идет на Иловайск и благополучно прибыли на ст.Постниково и через небольшое время мы прибыли на квартиру Раиного брата Михаила Александровича.

Встретили нас здесь в Шахтерске добродушно и набрались терпения в течение месяца нам жить с ними под одной крышей. Все проходило нормально, одно было неудобством – это мы привезли болезнь с собой и у них заболел их мальчик Саша корью, как и наш Саша. Прожили мы совместно около месяца и нам предоставили квартиру по ул. П.Морозова, дом 14, кв. №1 двухкомнатная, в которой мы прожили около трех лет, а я тем временем взял план для строительства личного дома, где с бабушкой Раей проживаем до сего времени. Денег мы со службы привезли около 20 тыс.рублей, на которые в то время мы могли взять автомашину «Победу». Я, например, предлагал этот вариант, но Рая не согласилась с этим вариантом и начали мы строить дом. Из стройматериалов не сложно было выписывать в организациях, где ты работаешь. Строительство дома легло все на мои плечи и заботы на приобретение строительных материалов и само строительство дома, так как чтобы нанять людей на стройку, то дом обошелся бы в два раза дороже, а посему мне самому пришлось строить дом в одиночку, правда помогли мне громоздкие работы выполнять Михаил – брат моей жены и двоюродный брат Раи Николай Овсейчик, которого уже давно нет в живых. В зимнее время я в своей квартире в туалетной комнате приспособил небольшой верстачек, на котором начал изготавливать потихоньку оконные рамы для дома и входную дверь в дом. Эти конструкции и до сей поры служат нам с бабушкой. По малу, потихоньку дом начал приобретать свои контуры, а дом был задуман большим 7х9 без веранды, а с верандой 9х9

метров. На дом мне помогли деньгами, отец выслал 2000 рублей, и дала теща 500 рублей, когда продала свой дом в Рассказово и приехала на постоянное жительство сюда в Шахтерск.

На работу я сразу не устраивался около месяца, так как контейнер с нашими вещами заблудился, вместо Украины угодил в Казахстан в г.Караганду и мне приходилось чуть не ежедневно ходить в милицию, где работал там мой шури́н (Раин брат) и звонить в Чистяково (Торез теперь) на контейнерную станцию. Контейнер терялся около месяца, пришел все в порядке, где оказались инструменты столярные, ножовки, шерхебель, рубанок, фуганок и разные пилки, которые мнегодились для строительства. Этот инструмент я изготавливал сам, еще служа в армии. В нашем полку командир полка был большим потомственным любителем столярного дела, а посему многие офицеры увлеклись этой несложной занятием. Я еще в армии собственноручно изготовил этажерку и буфет, которые и теперь нам с бабушкой служат свою незаурядную службу. Не напрасно у меня еще в детские годы была тяга к столярному делу, когда я лично без чьей либо помощи изготовил две балалайки, одна из которых долго мне послужила, и я неплохо научился играть деревенские песни и прибаутки, а также и танцевальные вальсы, падиспань, краковяк и др.

Ровно через месяц после приезда в Шахтерск меня райком партии направил работать заместителем начальника стройуправления №5 Макеевского треста по строительству жилья для шахтеров новых комсомольских шахт на поселке Стожково в 15 км от Шахтерска. Там на поселке было 3 работающих шахты, 1, 2 и 3 и строились еще 3 шахты комсомольские две Винницких 1 и 2 и Полтавская, кроме того было начато строительство две капитальные шахты Южная-Стожковская и Центральная, Северную не начинали строить. Потом эти шахты прекратили строить, т.к. уголь в них был энергетическим и уголь малокалорийным. Ю-Стожковская была готова к запуску в работу.

На Стожковке наше стройуправление построило школу, больницу, дома для военизированного спасательного взвода, много домов 2-3 этажных и целый поселок одно и двухквартирных домиков, а затем это управление было переведено в город Торез, откуда я рассчитался, т.к. на работу надо было ездить в другой город, и устроился работать начальником снабжения на шахту «Давыдовка» №1, теперь эта шахта называется им. Чапаева. Шахта эта перспективная в ней очень много запаса угля. (Запись моя была приостановлена из-за того, что было много работы по хозяйству домашней, на огороде копка и разная сборка заготовка овощей на зимний период и др. И вот только теперь в январе месяце 2002 года хочу возобновить запись своей жизни).

И так работа на шахте им. Чапаева (или как ее всегда называли «Давыдовка») продолжалась моя 34 года в разных должностях и специальностях. В начальный период моей работы я был назначен начальником снабжения шахты Давыдовка. В тот период шахта представляла крупное предприятие с суточной добычей в 1350 тонн. Это солидное предприятие, где было 4 добычных участка, ОКР, вентиляционная служба и ряд других вспомогательных участков и отделов. Шахта продолжала свое развитие, где добыча угля достигла до 1410 тонн в сутки, шахта работала с зольностью добываемого угля 13,6%. Это очень хорошо и хорошая перспектива. Механизмы применялись в то время по добыче угля комбайны «Кировец», а потом стали внедрять комбайн «Донбасс» и в завершающий свой период работы на шахте Давыдовка внедрили комбайн 1к 101 с конвейером СП-63. Техника очень хорошая, но уголь начал сильно засоряться боковыми породами.

Моя работа начальника снабжения заключалась в том, чтобы обеспечить все работающие участки всеми необходимыми механизмами, оборудованием, канатами, кабелями гибкими – резиновыми, бронированными – высоковольтными, рельсами, болтами, накладками, подкладками, костылями и ряд других нужных для шахты атрибутами как то

коногонками (светильники шахтные), самоспасатели, интерферометры – для определения газа – метана в забоях, а также аппаратуру для маркшейдеров (нивелиры-теодолиты) для мехцеха лебедки, пускатели и многое, многое другое нужное для «желудка» шахтного оборудования, спецодежды для шахтеров и ИТР работников. На этой работе я проработал 4 года, когда меня назначили начальником погрузки угля. Уголь шахта отправляла на ст.Сердитая подвесной канатной дорогой, где уголь отсортировывался в разные категории на сортировочной фабрике. В должности начальника погрузки я проработал один год как эта должность была опять совмещена с должностью нач. ОТК, а меня перевели мастером ОТК и погрузки, где я проработал 12 лет. Работа заключалась в том, чтобы добытый уголь надо было отправлять по канатной дороге на Сердитое, это расстояние составляет 6 км. В смене у меня было: приемщица угля и учетчица угля на подвесной дороге, лебедчица, две пробонаборщицы, они же и разделявали пробы угля, которые отправлялись в лабораторию в г.Шахтерск, где определялся качество добытого угля за сутки и так ежедневно по сменно по 8 часов в смену. Работа эта была не сложной, но требовала внимательного отношения.

Мое время работы подходило к пенсии, и надо было мне подумать, как то не остаться с минимальной пенсией и я пошел в партком к секретарю партбюро, попросился перейти работать в шахту на должность горного мастера ВШТ (внутришахтный транспорт).

Как и всякая специальность в шахте очень ответственна, особенно в нашей шахте «Давыдовка» потому, что шахта является сверхкатегорийной по выбросам метана и посему надо предельно внимательным и следить за тем, имеется в той или иной выработке наличие газа метана, который при определенной концентрации в атмосферной среде от малейшей искры взрывается и приносит немалые беды и людям и шахте, заваливая выработки огромным количеством породы. За время работы на шахте 34 года, за это время произошло три взрыва метана, где в двух случаях погибло по 4 человека и в третьем случае погибло 6 человек горняков. Очень часты

происходили возгорания газа в лаве, часто удавалось эти возгорания тушить работавшей сменой горняков лавы.

Обязанности горного мастера при работе в шахте на внутришахтном транспорте (ВШТ). К началу работы в шахте я на весь коллектив смены в отметке получаю табельные номера и приношу в нарядную для выдачи их каждому рабочему и свои личный номер, который за мной числился №1463. Затем наряд провожу, объявляю результаты работы за прошлые сутки и что нам мешало выполнить или не выполнить план отгрузки угля из шахты на гора, указываю на недостатки в работе в прошедшей смене, расписываю нарушителей трудовой дисциплины за те или другие нарушения техники безопасности и наконец распределяю весь коллектив по рабочим местам, а машинистов электровоза согласно путевых листов по маршрутным выработкам. В смене машинистов эл-за было человек 6-7 да плитовых человек 30, которые распределены по разным горизонтам, начиная от 17-х до 24-х полей, правда на 18-19 и 20 полях людей не имелось, т.к. рабочих мест там не было, на 21-х находился один человек, где принимал лесоматериалы и оборудование для работающих ниже лав. Работа как и всякая работа, а особенно в шахте требует безупречного внимания к работе окружающих механизмов, где особо надо следить за тем, чтобы не сходили вагоны и особенно электровозы со своих путей (так называемое бурение вагонов хоть груженых или порожняка, а так же эл-возов). Много времени отбирали разные бурения и труда в особенности.

Кроме всего, что люди работали в шахте, еще работали женщины на надшахтном здании, где они откачивали уголь и породу на поверхность, их было 5 человек. Вот таков объем работы горного мастера, если все хорошо, то хорошо и было, но бывают дни, когда занеладится, то просто беда. Надо идти или бежать по уклонам то ли вниз, то ли вверх по выработке и к концу смены до того набегаешься, что становишься своим не своим и ждешь, когда же наконец баня, а это значит, что в бане смоешь с себя грязь и пот, распаришь свои кости и тело, вымоешься и делу конец, скорее бы до дому, к

своему обителю, где всегда ждет тебя обед ли, завтрак или ужин, а после всего газетки или просто телевизор.

За работу на шахте «Давыдовка» я получил за хороший труд орден «Трудовая Слава» и две шахтерские славы 3 и 2 ст., много, много благодарностей и грамот, которые хранятся в нашем доме, не единожды я награждался ценными подарками и денежным вознаграждением. Одним словом ваш дед звезд с неба не снимал, но и не был из последних – последним человеком думаю. что и вы мои дорогие внуки поддержите мои традиции как по работе так и на житейских путях и дорогах. Главное чтобы вы были всегда людьми и по-людски прожили свою жизнь не напрасно, а плодотворно с умением и старанием и не завидуйте на людей, мне думается, что наша жизнь с бабушкой Раей прошла не напрасно и мы гордимся вами и завидуем вам, что вы продолжите нашу жизнь как она была, как она есть, как она будет. Это наш вам наказ.

А время неумолимо шло и идет вперед и вперед. Никогда мне не думалось, что я и моя Рая, что мы будем жить в третьем тысячелетии, в 21 веке и вот видите мы еще живем и хочется посмотреть, как же вы будете жить во славу нашей Крыловщины. Мы с бабушкой рады, что нашу фамилию понесут дальше наши внуки Саша и Артем, а это значит, что древо наше из далека долго идет и идет от поколения к поколению, преодолевая на своем пути и хорошее и плохие трудности.

Работа на Давыдовке приближалась к своему завершающему концу и на этой шахте в общем я проработал 34 года Поступил я в 1960 году, а закончил в год своего семидесятилетия, т.е в 1994 году. Руководство шахты и участка просили меня продолжить работать, тряхнуть стариной, но годы, прожитые мной, берут свое. Организм все более и более изнашивается, болячки не заставляют себя ждать, и на совете семьи было решено закончить шахтерский труд в шахте и вообще любую работу. И все таки мне хочется описать, как мне отметили выход на пенсию в 1979 году. На пенсию я перешел в 55 лет, т.к. у меня к этому времени не было подземного стажа, то

мне не пришлось выходить на пенсию в 50 лет. Ну и вот 55 лет мне надо было подготовиться к этому мероприятию. Ну, во-первых, надо было транспорт, чтобы все приготовленное доставить все в Давыдовку к своему коллективу, к своей смене для этого были приглашены сын Вячеслав со своей машиной и сват Иван Иванович (Ольгин отец). Нагрузившись всем необходимым, машины захватили с собой гармониста дядю Леню Гетман и его жену Катю с бубном. Они, машины прибыли к шахте. Люди уже мылись в бане. После помывки решался вопрос, где проводить это мероприятие. И вот из бани вышел начальник участка Духан Вл.Ив. и было принято решение идти к ручью, где есть криничка, где родниковая вода. Время было летнее в разгаре был июнь месяц (жарко). Бабушка Рая и с ней другие прибывшие быстро расстелили клеенку прямо на траве и тут же были установлены и выпивка и хорошая закуска. Но в первый момент гулянка никак не входила в свое русло, потому что было очень жарко, и вот солнце пошло на закат и гулянка стала быстро быстро набирать темп, заиграла гармонь с бубном и пошло-поехало, шахтеры начали показывать свою удаль в плясках. Когда стемнело машины лицом поставили к нашему столу и зажгли свет. И вот представьте себе ночью на берегу ручья на хорошей поляне идет гульбище и прибаутками и песнями. И вот в какой то момент подходит ко мне зам.начальника участка Дымченко Леонид Григорьевич и говорит мне: Владимир Иванович, ну и устроил ты такую гулянку, с такой закуской! Я ему ответил, что это еще не все. В резерве есть у бабушки на каждого цыпленок-табача. Этот Дымченко как заорет на всю площадку: Да-ва-й! Сюда. Опять за стол и продолжался пир столбом.

Последствия: нач.участка на второй день мне говорит. Ты Владимир Иванович напоил, накормил людей, а я всю ночь разводил их по своим домам. Люди очень были довольны такими проводками меня на пенсию. Работать я не бросил, а продолжил работать на рабочем месте, т.е. работал то на плитах, но больше машинистом на электровозе. После я еще отработал 15 лет в шахте. Итого моего стажа после окончания всей работы 52 года, это

служба в армии, и война, и работа в стройуправлении. Вот так-то работал и трудился ваш дед Крылов Владимир Иванович.

Было бы неправильным, если в своих записках не написал о послевоенных встречах ветеранов войны 5 гв.общевойсковой армии, которой командовал генерал армии Герой Советского Союза Жодов Александр и 6 гв. танковой армии, командовал которой генерал полковник танковых войск дважды Герой Советского Союза Кравченко Андрей. В 6 гв.армии я заканчивал войну после окончания курсов младших лейтенантов 2-го Украинского фронта на территории Винницкой обл. ст.Вопнярка, где нас бомбили ежедневно ночью немецкие самолеты. Днем было спокойно, разве что пролетал самолет-разведчик.

Итак о встречах. Первая встреча в Москве ветеранов 6 гв. танковой армии. На встречу прибыло более 1000 человек. я располагался в гостинице «Колос» бывшей сельскохозяйственной выставке – это рядом со ст.метро ВДНХ. В первый день нашего прибытия в Москву было много стояния, то регистрация, то поджидали опоздавших, то началось торжественное собрание ветеранов, на которое я не остался из-за мест в зале и я сел в метро и отправился в свою гостиницу, а когда приехал в свою комнату, то в ней оказались еще трое постояльцев, и когда я вошел в комнату в костюме при параде, то мои соседи начали организовывать выпивку обмыть так сказать нашу встречу. А я уставший, пошел в умывальник хорошо вымылся холодной водой и как не было усталости, а когда оделся, то стол был накрыт и мы вчетвером отметили день нашей победы над врагом. Я предупредил мужиков, что я хотел бы сегодня побывать в Большом театре, куда вскорости я и отправился. До начала оперы оставалось совсем мало времени, а у меня даже нет билета. Когда, о fortuna, одна приятного вида девица предлагает билет, я не задумываясь взял этот билет, а когда рассмотрел его, то он оказался на день в мае месяце, а нас собрали где то в июне. Тогда в мае постановка не состоялась из-за болезни артистов, а вот теперь ее эту оперу ставили. Тут же при входе стоял милиционер, к которому я подошел

справиться в отношении билета, а он меня с вызовом оговорил, что я когда купил то подошел к нему за справкой, а не раньше до купли билета. Но оказалось все в порядке. Место было мое в амфитеатре, вид приличный на меня многие обращают внимание, а я довольный, что слушаю оперу «Свадьба Фигаро». Во время антракта я быстро добрался до буфета, где взял бутылку пива и 2-3 бутерброда с черной икрой. Окончив с трапезой, я поспешил в одно место, а потом уж на свое место. Мне предложили взять программку, и я погрузился слушать музыку, открылся занавес. С этого момента и я стал говорить, что и я был в Большом театре. На следующий день нас повозили на экскурсию по Москве и после экскурсии мы посетили Ново-Девичье кладбище, где захоронены командующий 6 гв. танковой армии дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Кравченко А. и член военного совета армии генерал Тевосян.

Затем нас привезли к ресторану «Украина», где должен состояться ветеранский товарищеский обед. Вначале было как всегда скованность, многие не знают, в том числе и я, с чего начинать и как начинать, но, а потом после первой и второй послышалась «Катюша», а где «Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход...». Потом пошли танцульки и фронтовые пляски, воспоминания «А помнишь?..» и т.д. На 3-й день, побродив по Москве и купив кое-какие гостинцы, а в Балашихах навестил своих родственников, а после отправился в аэропорт Быково, откуда после долгих мытарств мы в ночь вылетели в Донецк. В Донецке переехал на такси на Северный автовокзал, откуда часа в три выехал на Шахтерск. Вот так примерно прошла первая встреча воинов 6-й гв. танковой армии.

Встречи я не все буду описывать, а только те, которые посещали кто-либо из наших близких. Так, например, вот встреча, которая состоялась в городе Киеве – городе героев, куда мы отправились втроем: я, бабушка Рая и первая внучка Людмила. Эта встреча запомнилась потому, что мы втроем посетили замечательный красивый город Киев. Отправились мы в Киев из

г.Донецка на комфортабельном поезде «Уголек», выехали мы пораньше с целью получше познакомиться с городом, зная о том, что в Киеве можно где было остановиться на ночлег. А этими людьми были бывшие наши соседи близкие родственники Дрожжиных – Марфа Захаровна с дочкой Валентиной, которая росла и училась на наших глазах, была красивой и добрым человеком. Они с большой радостью нас встретили, и мы прожили у них две ночи переночевали, а днем мы ездили в центр города и всякие там достопримечательности. Побывали в Киевском метро, побывали на Днепре, походили по магазинам, где купили Людмиле курточку, такую красноватую, в которой она форсила ходила по Киеву, походили по Крещатику, потом бабушке тоже купили пальто, которое имеется и теперь, еще не изношенной, а потом через два или три дня мы перешли жить в гостиницу «Россия» на Крещатике. располагались мы где то на 15-16 этаже. И когда мы приходили в гостиницу Люда первой бежала к дежурной, чтобы забрать ключи от комнаты, а потом мы шли к лифту, и когда открывалась дверь лифта, то Люда была начеку, когда можно было заходила первой и тут же нажимала кнопку нашего этажа. Все это она делала с приподнятым настроением, видя в этом что деды ее потакуют. В первый день встречи у нас состоялось торжественное собрание, где нас поздравили с праздником, но и упрекнул нас же председатель совета ветеранов 6 гв. танковой армии полковник Чумаченко за то, что мы ветераны приехали сами да еще и привезли с собой (многие из нас) жен, детей и т.д. Но все это нас не очень огорчило, главное народ Киева нами любовался и были довольны тем, что в годы войны наша 6 гв. армия принимала самое активное участие по освобождению города. После торжественного собрания я повел их в очень хороший ресторан, где мы покушали со 100 граммами. Главное Людмиле так все нравилось и obsлуга такое форсистое молодыми парнями и теплый прием и кормили нас их своего ресторана фирменными блюдами. На следующий день нас повезли в село Лисянка, где был установлен танк на постамент в качестве памятника из 5-го гв. сталинградско-киевского танкового корпуса, где было также очень

торжественно и Людмилу нашу там зафотографировали. После торжества нас в школе покормили хорошим украинским борщом, картошкой, компотом, не обошлось и без фронтowych 100 граммов, а потом по своим автобусам с песнями поехали до дому в Киев. На третий день нас свозили на Киевскую запруду (или киевское водохранилище), где посмотрели как шлюзуются пароходы, это очень интересное мероприятие, а от Люды не было отбоя, а почему, а зачем, а куда они плывут и т.д.

Дальше ближе к вечеру, когда должен был состояться торжественный товарищеский ужин, ветераны стали собираться на площади перед нашей гостиницей, а Людмила уже нашла себе подружку, с которой бегали по ступенькам, то подойдя к нам, полковник Чумаченко попросил оператора с камерой заснять наших девочек, как они резвились на ступеньках. Я потом смотрел, когда состоялась встреча в другой раз, кажется это было в Кишиневе. Но это уже потом.

Ужин прошел на высоком уровне, а Людмила с той девочкой и плясали, и танцевали и деды-ветераны брали их за ручки и так же выплясывали украинского гопака. Ужин состоялся на Крещатике в ресторане «Метро». Все было солидно и достойно. Придя поздно в номер гостиницы мы по очереди вымылись и улеглись спать. На следующий день мы отправились на жд вокзал для отправки поездом тем же «Угольком» в Донецк. В Донецке нас встретил сын Вячеслав с невесткой Олей. Разговору было, было. Надо было рассказать все подробности этой незабываемой встречи ветеранов 6 гв.Краснознаменной танковой армии.

Теперь очередь подошла повезти на новую встречу внука Сашу, который как раз подросток и можно было безболезненно брать его с собой, как раз очередная встреча с ветеранами 6 гв. танковой армии должна была состояться в гор.Кишиневе Молдавской ССР, и мы с Сашей стали готовиться к этой встрече. Прежде всего я стремился найти денежную поддержку со стороны спонсоров и особенно от директора предприятия и профсоюзной организации. В этом мне особо отказов не было и я помалу

потихонько начал готовить себя и Сашу к нашей с ним поездке в Кишинев. Чтобы не беспокоить себя и Сашу пересадками на поездах я заранее поговорил с Сашей и его родителями, что полетим туда и оттуда самолетом. Сашко обрадовался, согласились и родители, надо было только ожидать день отъезда и обеспечить себя в получении денег от спонсорных хозяйств. А получил я деньги от Медиты - 3000 карбованцев, от горисполкома 2000 карб., что-то мне было выдано ко дню Победы. Этого вполне нам хватило на все наши дела. У меня поездка была бесплатной на самолет, а саше как льготнику по ученическому билету. И так дождавшись дня отправки, мы отправились в Донецк в аэропорт, чтобы оттуда в самолете отправиться в Молдавию. Погода сопутствовала, все было нормально, и вот мы на земле Молдаванской. В аэропорту нас встретили специально назначенные комсомольцы, у которых тут же был автобус, чтобы нам было добраться до дома офицеров кишиневского гарнизона. Тут же при регистрации ветеранов 9 гв. механизированного корпуса, где я воевал в 6 гв. армии, которая состояла из двух корпусов (5-го гв. танкового и 9 гв. мехкорпуса), по списку регистрации я проверил ветеранов 18 гв. мехбригады, где установил, что на встречу прибыл из Новосибирска однополчанин Алексеев Ревмир Степанович, который еще не получал право на жилье, так как поджидал кого-либо из знакомых, чтобы совместно устроиться в гостинице. И вот удача мы снова встретились с Ревмиром, которого я в одном из боев, будучи он раненым, я на себе ползком выносил в безопасное место, где и перевязывал. Вот так удача. Мы быстро получили в одну из лучших гостиниц Кишинева, которая располагалась почти в центре города, куда и отправились, чтобы занять наши места. Нас хорошо встретили работники отеля. Я быстро договорился с обслугой, чтобы Саше установили раскладушку с матрасом и постелью и вот мы уже как в своей квартире со встречи сообразили по 100 грамм фронтowych, и не было конца разговорам, а как у него, а как у нас и так, пока не объявили нам собираться на торжественное собрание. На торжественном собрании рассказали нам порядок нашей встречи и главное

показали нам концерт силами молдавских артистов, все, что они умеют. Молдаване народ темпераментный, горячий до исполнения своих обязанностей на сцене, где мы были удивлены их исполнительским талантом, ну и ну они сделали все, что смогли как мужчины-артисты, а также женщины-артистки. Вряд ли нашелся кто либо из наших, чтобы обидеться на такое видение. На второй день мы поехали на экскурсию по городу, где нам показали много хорошего и запоминающегося. Как и во многих городах большого значения, так и в Кишиневе есть памятник, сделанный из солдатских винтовок только железобетонных, установленных в козлы, высотой наверное более 50 метров. Нам говорили и высоту этих винтовок. Потом нам показали домик, где печаталась газета «Искра» еще при царизме, потом мы увидели лестницу, состоящую из многих ступеней, подобие Одесской, только немного уступающей разве по ширине, но все равно внушительна. Есть в Кишиневе и такой же дворец съездов, как в Москве, копия такая же, но гораздо меньшего размера. На следующий день мы выехали ближе к границе с Румынией, где наши войска встретили немецкие войска, вторгшиеся на нашу территорию. Там наши войска сдерживали немцев более двух недель и только, когда немцы прорвали нашу оборону в других местах и грозили окружением сдерживающие войска, пришлось отступить. Там же оператор ТВ снимал сохранившиеся окопы, траншеи, который снял на пленку вместе с Сашей, которого мы попросили. Кормили нас бесплатно в одной из больших столовых Кишинева, пользовался таким же правом и Саша. На третий день торжественный обед, который был организован на большую славу, который прошел безо всяких эксцессов. Следующий день разъезд по домам. Наш самолет улетал первым по времени, и когда мы отправились с Сашей, нас до аэропорта провожал боевой друг и товарищ по войне Ревмир Алексеев, которого теперь уже нет в живых, и который умер лет 10 тому назад. Эти строчки пишу (январь 2002 г.). Жаль человека способного, талантливого, который во время реформировки в Венгрии недалеко от Будапешта, где мы стояли с ним в одном доме,

рассказывал нам «Евгения Онегина» наизусть. Это было здорово. Семья его присылала мне телеграмму о его смерти, но поехать мне не удалось из-за денег, чтобы похоронить фронтового друга.

Когда мы жили в гостинице в Кишиневе, то Саша быстро нашел с Ревмиром язык, и они еще долго перед сном находили время и балагурили и вели игры между собой. Было забавно смотреть, на их забавы и как то приятно было мне видеть, как Ревмир находил с ним нужные атрибуты игр и бесед. Мне и теперь жаль этого человека, который создал добрую семью, родили двух сыновей, дали высшее образование и вот всему развязка смерть, не прожив и до 80 лет.

Время довольно быстро летело вперед, и незаметно подрос внук Артем, с которым я планировал побывать на встрече ветеранов 6 гв. танковой армии в честь 50-летия Победы над немецко-фашистскими захватчиками в Днепропетровске. На эту встречу уж больно хотелось поехать Артему да и всем родственникам нашим. И подготовка к этой встрече началась. Надо было в первую очередь решить денежную проблему, и я сравнительно быстро решил эту проблему, и когда подошло время отправляться, мы все предусмотрительно подготовили, подготовили и наши проездные билеты, Артем выручил ученический билет, по которому цена билета уменьшалась на 50%, а мне билет предоставили по фронтовым проездным. Ехать мы собрались на автобусе, который шел тогда из Шахтерска до Запорожья через Днепропетровск. Все у нас получилось нормально. И вот мы уже на автовокзале, садимся на автобус и путь-дорогу. Бабушка нас отправила с хорошим тормозком в дорогу не забыла даже дать не одну бутылку водки, чтобы отметить встречу по приезду в Днепр. Дорогой все ладилось нормально, на остановках, где автобус стоял 10-15 минут. Мы с Артемом выходили в буфет и что-то вкусненькое перехватывали. В пути мы были 7 часов, и вот он ой! Днепр, Днепр ты и широк и могуч и на нем стоит довольно замечательный город Днепропетровск, где и должна состояться наша встреча ветеранов 6 гв. танковой армии. Еще на автовокзале в Днепре

мы с Артемом взяли билеты на обратный рейс на автобус Днепро-Снежное, который отправлялся в хорошее для нас время, где то около 3 часов утра. В Днепре мы сели в троллейбус и прибыли в дом офицеров, где и зарегистрировались перед тем, как записаться я посмотрел список, которые давали желание прибыть на эту встречу, то увидел, что я записан в нем вместе с внуком, вот и хорошо. Артем мой полноправный ветеран на все мероприятия, и главное на все виды продовольственного довольствия. А кормили нас 3 раза в день довольно солидно и бесплатно. Разместили нас в высшем зенитном училище, которое было к тому времени расформировано, и только одна группа, которая не закончила учебу, продолжала доканчивать заниматься. Нам они не мешали, не мешали и мы им. В казарме были расставлены солдатские кровати, на кроватях новые матрацы и новое постельное белье. К нам был представлен старшина, к которому мы обращались по всем бытовым вопросам. Там на территории училища был построен солидный клуб, где мы собирались утром для получения указаний на сегодняшний день мероприятий, хотя у нас у всех имелась программа встречи. Вот таким образом и началась наша встреча, но и начались просьбы ко мне Артема, а какое у него звание, хотя в военной форме было предостаточно ветеранов и особенно командование 6 гв. танковой армии. В первый день встречи мы осмотрели город, его достопримечательности, в каждом автобусе нас сопровождал студент из горного института, который всегда был при нас и следил, чтобы не было отставших и опоздавших. Мы побывали в музее, где была собрана военная техника, участвовавшая в боевых действиях прошедшей великой Отечественной войны, где мы с Артемом сфотографировались около знаменитой «Катюши». Много, что увидел Артем из военного оружия, и танки, и самолеты, орудия и минометы, не говоря уже о стрелковом оружии. На второй день нас повезли в город Новомосковск, где размещалась танковая дивизия, встреча состоялась в гарнизонном доме офицеров с жителями этого гарнизона и командованием, где нам представили нового генерала, которому ко дню Победы было

присвоено генеральское звание, и который являлся командиром данной дивизии. После всяческих встреч и после их окончания нас повели в солдатскую столовую, где нас накормили солдатским обедом из нескольких блюд. В столовой нет тех длинных столов на 10 человек (в мою бытность, когда я служил в армии), а стол на 4 человека, белые скатерти, стулья все было прекрасно, не обошлось без 100 грамм фронтовых, а я отдувался и за Артема, так что с внуками и не так плохо ездить по встречам. На третий день нас повезли на месте, где проходило форсирование Днепра. Сеча здесь была не позавидуешь в ней участвовать. Мне участнику форсирования Днепра, где приходилось в день отражать от 5 до 9 атак немцев, а нас было где то человек 25, где мы не просили хлеба или каши, а подавай нам патроны, гранаты. Мы тогда 5 октября 1943 года форсировали на небольшие острова и это возможно нас спасало, что немцы не могли применить против нас бронетанковую технику. А в Днепропетровске высаживались наши дивизии на чистый берег без каких либо укрытий. Там же и погиб командир дивизии по фамилии Пушкин, который захоронен в центре города. Мы побывали у памятника-обелиска воинам. которые форсировали Днепро и возложили цветы. вечером состоится торжественный ужин, на котором присутствовал командующий 6 гв. танкового армейского корпуса (который стал именовать так к тому моменту). Ужин как ужин, прошел на высоком уровне, генерал танцевал с нашими медсестрами, связистками-старушками. Потанцевал и я с официанткой, которая нас обслуживала наш стол, где не жалела горячительного. что дало возможность сэкономить одну бутылку, и Артем которую отнес в казарму, где мы располагались.

Утром следующего дня мы с Артемом очень рано встали и готовились к отъезду домой. На улице шел проливной дождь, благо мы с Артемом взяли полиэтиленовые плащи, что нас очень спасло от промокания. К подъезду к автовокзалу дождь постепенно начал переставать. Мы вышли из трамвая и пошли пешком к вокзалу. По дороге в одном из киосков я купил Артему обещанные часы на электропитании такие, которые ему в то время

нравились. Придя на автовокзал, время у нас еще было, и я предложил Артему позавтракать. Кушать мы приготовили заблаговременно, но Артем мой наотрез отказывается от еды, т.к. мол народ на нас будет обращать внимание. И после долгих уговоров пришлось его уговорить, и мы с ним отменно покушали и начали искать место стоянки нашего автобуса, что быстро и обыскали, и уселись в автобус, когда через некоторое время, Артем мой внук уснул добрым, крепким сном.

Мы сравнительно быстрее добрались в обратном рейсе, так как меньше делали остановок на проходящих автовокзалах, и вот мы уже в Донецке. Теперь до дому рукой подать и вправду мы подъезжаем к заправочной станции и на тебя полил сильный, сильный дождь. Мы приоделись в плащи и айда к дому Артема. Не доходя ж.д. моста нас на машине встретил сын – Саша. И вот мы уже дома у нас бабушкой, где нас бабушка накормила обильным обедом и начались рассказы о всем что мы видели и о чем слышали.

Я напишу Вам еще об одной встрече, которую проводил совет ветеранов 6 гв. танковой армии в Черкассах посвященное 35 летию Корсунь-Шевченковской битве. На этой встрече присутствовал наш земляк из Тамбова генерал-лейтенант танковых войск Заев звать и отчество забыл. Эта встреча была самой удачной и самой любимой всем ветеранам особенно 18 механизированной бригады.

По приезду в г.Черкассы так случилось что нашу бригаду по распределению она попала на областной молокозавод. Другие части попали в другие предприятия и организации. Перед тем, как нам отправиться на молокозавод за нами прибыл автобус с фронтовиками, которые работа на молокозаводе и небольшая делегация из активистов и молодежи. На заводе нас встретил директор завода и руководство завода. Тут же директор нас объяснив, а прежде нам принесли всем белые халаты, мы переоделись и начался осмотр предприятия. Мы многое осмотрели, как фасуется цельное молоко, как готовится и фасуется ряженка, как готовят сливки и сметану, и

наконец, нам показали, как делается мороженое в шоколадной оболочке, ну и после осмотра завода, директор пригласил нас снять пробу со всей выпускаемой продукции. О! Боже мой, на столе, куда нас пригласили, не было только птичьего молока. На эти торжества директор пригласил двух артистов и баяниста, которые вели всю программу этой незабываемой встречи на Черкасском молокозаводе. Нас угощали всей продукцией данного завода, но там была и всякая изысканная закуска и еда. А в конце всего пира принесли огромный таз мороженого, ели его кто ложками, а кто вилками. Ведь надо же угодить мне на пир «богов». Спасибо им, кто так организовал. На второй день праздник День Победы 9 мая и мы выехали по местам боев, нам предстояло преодолеть не менее 100 км к населенному пункту «Виноград», так называлось огромное село, где был и зажиточный колхоз. В этом населенном пункте во время боев находился штаб нашего 9-го гв. механизированного корпуса. По дороге, куда нас сопровождала ГАИ, а у нас было 8-10 автобусов «Икарус» и по нашему маршруту попадались села, деревни и в каждом населенном пункте дорога была перевязана алой лентой и нас встречали с хлебом-солью. Я ехал в первом автобусе, где у нас скопилось 8 караваев на шикарных украинских рушниках. Нас останавливали, мы выходили из автобусов и кто-либо один из нас выступал и поздравлял жителей данного населенного пункта с праздником Победы.

И вот он Виноград. Далеко от села нас встретили председатель колхоза, парторг и другие представители и много молодых людей на мотоциклах с красными флагами и после недолгих объяснений мы сразу направились к братской могиле, где захоронены наши боевые товарищи, которым было не суждено дожить до светлого праздника Победы. Вместе с жителями этого села, школьниками, пионерами и прибывшими на эту братскую могилу родственниками погибших, мы почтили память, выступил от ветеранов командир 3-го батальона Герой Советского Союза полковник Авраменко Петр, отчество забыл. После возложения венков и цветов, мы направились в колхозную столовую мимо рядов прибывших родственников, которые

угощали нас привезенными из дома кто курицей, у кого гусь или утка или просто добрячий шматок украинского сала.

Довольно вместительное помещение столовой не всехместило ветеранов. Председатель распорядился открыть детсадик, где разместили оставшихся. Нас угостили добротным украинским борщом с мясом, картофельное пюре с подливой и мясом, блины со сметаной, компот, и разнообразной закуской. Выпивки было всякой, в основном Московская водка. Когда утолили жажду голода, мы вышли на площадь, где сидели три баяниста и было много молодых женщин, девушек, и начались танцы вместе с доярками, работницами огородниками, тут же учителя были и много пожилых и молодых жителей данного села, которые активно принимали участие в этой крутиверти. Спасибо вам и низкий поклон дорогие селяне, что так весело и гостеприимно нас встретили освободителей от немецко-фашистских захватчиков. До свидания, будьте здоровы и счастливы в вашей селянской жизни.

Команда поступила по машинам, а нас женщины, матери, наши дочери не отпускают нас с танцплощадки, а нам еще далеко ехать. Все нормально. Мы сели в автобусы и под музыку баянов тронулись в путь. Но, проехав километров около 5, где грань (граница) колхозной земли на нашем пути поперек дороги стоит машина председателя, который приглашает нас всех выйти из автобусов и выпить «на коня». Тут же на столах в беседке конфеты не дешевые, столичная водка и тут же один из баянистов играет украинский гопак. Уже вечерело, а мы все выплясывали на этой колхозной грани. В гостиницу нас привезли далеко за темно, а на следующий день у нас поездка в город Корсунь-Шевченковский.

В Корсунь-Шевченковском нас встретили с уважением и вниманием. Мы возложили цветы к памятнику погибшим воинам при освобождении этого города, потом было торжественное собрание, после собрания мы посетили музей Корсунь-Шевченковской операции, где осмотрели все

вооружение Красной армии, принимавшее участие при окружении немецких войск в Корсунь-Шевченковской операции.

Вечером в Черкассах в ресторане «Чайка» состоялся торжественный ветеранский ужин. Вечер прошел под лозунгом дружбы и взаимопонимания ветеранских организаций, имеющихся во многих городах Советского Союза. Ужин был установлен всевозможными закусками и особенно разнообразием водки, вин и шампанского. Я даже обратил внимание на оставшееся после ужина и закуски и особенно спиртного, я даже усмотрел, что не все бутылки были открыты, которые остались на наших столах. Но зато, выйдя из ресторана под хорошим хмельком, мы запели нашу танкистскую песню, которую пели перед войной:

Гремя огнем, сверкая блеском стали
Пойдут машины в яростный поход.
Когда нас в бой пошлет тов.Сталин
И первый маршал в бой нас поведет.

Такую песню мы пели, идя в гостиницу «Интурист» по городу Черкассы в час ночи.

Рано утром надо было вставать и посетить хитрый рынок, на котором продавали сравнительно дешевую вяленую и копченую тарань, леща и др. Я тогда много привез разнообразной рыбы, и мы еще долго ели всей семьей эту рыбу.

Вот так проходили наши ветеранские встречи, на которых мне пришлось побывать 14 раз в разных городах Советского Союза.

В таких городах я был на встречах:

Москва – 2 раза

Киев – 1

Волгоград – 3

Ставрополь – 2

Кишинев – 1

Черкассы – 1

Хмельницкий – 3 (здесь в Славуте стоит дивизия, в которой начал воевать)

Кировоград – 1

Днепропетровск – 1.

Я не описал встречи, прошедшие в Волгограде, т.к. в этом городе я встретился с ветеранами 97 гв. стрелковой дивизии дважды и один раз с ветеранами 6 гв. танковой армии, и в Хмельницком, где до сих пор дислоцируется 97 гв. стр. дивизия, в которой я в 1942 году начал боевые действия на фронте. Встреча в Хмельницком проходила также здорово, где командование соединения не скупилось на теплоту приема и заботу о нашем проживании в гарнизонной гостинице. Здесь в этой дивизии были мы ветераны как в своем собственном доме. Такую технику бы нам в те трудные, сложные времена фронтовые, то мы были бы всегда на коне и впереди. Дивизия вооружена современной техникой и вооружением и теперь она считается не стрелковой, а 97 гв. Краснознаменной ор.Кутузова механизированной дивизией. Это похвально и это здорово для нас стариков, что мы умрем, а оружие останется оружием, только для боя его – это оружие ни где не применимо.

ЖЕНА И ЕЁ КОРНИ

Крылова Раиса Александровна (девичья фамилия Кунакова) родилась 1 августа 1928 года в селе Курдюки Инжавинского района Тамбовской области на берегу неизвестной речушки, интересно, что там за селом на высоком месте бьет родник, вот именно не возле прямо речки, а довольно высоком пригорке и спуская свою родниковую воду тут же по небольшому овражку в ту небольшую речушку. Когда мы подошли к этому чудо-роднику, то увидели в его ручье, в его холодной воде лежало множество бутылок, наполненных свежим коровьим молоком, где они охлаждались, ожидая

своего времени обеденного перерыва, чтобы съесть этот обед людьми-колхозниками, которые работали невдалеке от этого родника.

С 7-летнего возраста пошла учиться в школу, которая располагалась в селе Курдюки. Школа была неполной средней школой, где ученики учились до 7-го класса включительно, а потом или какой-либо техникум или 10-летка в других населенных пунктах или в Инжавино, или в Калугино, где надо было содержать ученика хоть и за небольшую плату, и тем не менее и таких денег не оказывалось у родителей, а поэтому Рая, окончив 7 кл. была вынуждена поступить дальше учиться в медицинский техникум в г.Кирсанове Тамбовской обл. Проучилась она в этом техникуме совсем мало, когда ее брат Михаил был ранен на фронте и потерял один глаз, и который ей в письме не посоветовал ей дальнейшую учебу в медтехникуме, т.к. шла в это время война и санработники довольно быстро перемалывались во фронтовых битвах, и Рае пришлось бросить этот техникум и не согласовав свои действия с мамой перешла учиться на курсы счетоводов в г.Тамбов, а затем потом перешла учиться на курсы бухгалтеров в том же городе Тамбове. Закончив эти курсы, она поступила работать в Госстрах райфинотдела Рассказовского района Тамбовской обл., а потому ее мать Александра Васильевна, продав дом и корову и другое, вынуждена была переехать жить в г.Рассказово, где купила небольшой старенький домик, подремонтировав его и стали проживать вдвоем в этом доме. (Дом этот и теперь стоит на ул.Лесной в г.Рассказове). Отсюда я и забрал свою Раю в жены и увез ее за оз.Байкал в Бурятскую АССР, где проходил военную службу на ст.Дивизионная, это 5-6 км от города Улан-Удэ.

Отец Раи Кунаков Александр Иванович родился в 1897 году в с.Курдюки Инжавинского района Тамбовской области. До вхождения в колхоз их его семья занималась земледелием, сеяли рожь, пшеницу, просо, овес и другие культуры, что из того, что собирали урожай, отдавали часть убранный царю-батюшке, а что оставалось, тем и жили, растив своих детей. Отец Александра Ивановича содержал на своем скотном дворе хороших

добротных коней для обработки своих сельхозугодий. Кони были гнедые, за что их семья получила прозвище «Гнедовские» подворье по-сельски.

В 1914 году, когда началась первая мировая война и районы западные Украины и Белоруссии и когда немцы угрожали захватом этих западных районов, то царские власти вынуждены были выселять население этих районов в более восточные районы России и таким образом из Гродненской области Белоруссии была выслана семья Рыжкевич, которая на подводах прибыла в село Курдюки, где и коротали первое время своей жизни на чужбине. В семье Рыжкевич были и девчата и парни. Но одна из девушек, звали ее Александра, уж очень понравилась Раиному отцу Александру Ивановичу, которые и поженились, венчание которых было в Курдюковской церкви на Красную Горку – это последний день Пасхи. Таким образом с.Курдюки пополнилось одним законным человеком данного селения – это мать Раи – Александра, которая и проживала потом в Курдюках и затем в г.Рассказово.

Мой тесть Александр Иванович, которого я никогда не видел в период колхозного строительства, работал председателем колхоза, счетоводом в правлении колхоза и продавцом в Курдюках. В начале войны ему была предоставлена бронь и его не брали в армию и все таки его призвали в армию, и когда он ехал поездом на фронт, то на ст. Инаковка, которая недалеко была от ст.Курдюки, где проживала его родная сестра Анюта, которая только и смогла дать ему деревенскую хлебину и после этой встречи с сестрой от него никогда не приходило ни одного письма и никакой весточки. Версия одна, возможно их эшелон попал под бомбежку, и были большие потери этого эшелона, а возможно и погиб на передовой. Нет человека, и никто не может сказать где он.

Мать Кунакова Александра Васильевна (девичья фамилия Рыжкевич) родила в 1899 году 5 декабря в Белоруссии Гродненской обл. Щучинский р-н с.Лысковцы в крестьянской семье, в которой были два парня и 4 девушки: Настя, Александр, Александра, Мария, Николай, Серафима, из которых

теперь еще живой осталась Серафима и проживает в Белоруссии с сыном. сын Александр в годы первой мировой войны уехал в Америку, где имел небольшой гараж автобусов и содержал небольшой ресторанчик. Прожил он недолгую жизнь в Америке, так и не имея своей семьи. Остальные члены семьи во главе с родителями были эвакуированы с территории Белоруссии в Тамбовскую обл. с.Курдюки, где и проживали там, занимаясь земледелием до 1916 года включительно, откуда и выехали опять на свою родину, кроме одной из своих дочерей Александры Васильевны. которая была выдана замуж за местного жителя в Курдюки Александра Ивановича Кунакова, с которыми и прижили несколько детей и из которых в живых остались: Иван, 1921 г, Михаил – 1923 г. и Раиса – 1928 г. рождения. До колхозного строительства занимались сельским хозяйством, имели в своей семье лошадь, корову, овец и кур и некоторый инвентарь для сельхозработ. В 1930 году всей семьей вошли в колхоз «Привольный», где работали, особо много работы легло на плечи матери Александры Васильевны и особенно в годы войны, когда все работоспособные мужчины были мобилизованы в ряды Красной армии для защиты своего отечества Союза Советских Социалистических Республик (СССР). В годы войны старший сын Иван уехал в Подмоскowie, где работал на одном из заводов. Средний сын Михаил был призван в ряды Красной армии на должность механика-водителя тяжелого танка. Дочь Рая оставалась с матерью в селе Курдюки, учась на курсах бухгалтеров. Сразу после окончания войны в 1946 году мать с дочерью переехали жить в г.Рассказово, где для этого купили небольшой домик. В 1948 году я третий раз приехал в отпуск, где и познакомился с Раей, и которая не согласилась меня ждать до следующего года, где мы тут же пошли в ЗАГС г.Рассказово и расписались, благо мой отец был в этот день в городе, который и побывал на нашей свадьбе, которая состоялась из 4-х человек, нас с Раей, да моя теперь теща Александра Васильевна и моего отца Ивана Степановича.

В конце 50-х годов Раина мать домик этот продала за 18000 руб и разделила эти деньги на троих: себе, сыну Михаилу и Рае по 6000 руб, а вот жить у сына, она не ужилась с невесткой и поневоле пришлось ее пригласить жить к нам с Раей. Прожила она около 15 лет с нами. Она, теща, человеком была работящим, многое нам помогала особенно на огороде, готовила нам пищу и разные другие работы по дому и во дворе. В 1973 г. она скончалась, прожив 73 года, из них 15 лет с нами.

Старший брат Иван Александрович Кунаков родился в 1921 году в селе Курдюки Инжавинского района Тамбовской обл. Окончил там же в селе семилетку и потом он уехал из своего села в Подмосковье, скорее всего в город Подольск, откуда его призвали в ряды Красной армии. продолжительное время находился в боях за нашу Советскую Родину, за мужество и отвагу был награжден медалью «За отвагу», документ на которую был прислан на имя матери Александры Васильевны, еще когда она проживала в Тамбовской области. Последнее письмо от него было получено после освобождения города Ровно, а это было где-то в 1944 году. После этого связь с ним прервалась и никогда не восстанавливалась. Вероятнее всего он погиб смертью храброго солдата в боях за нашу Родину, так мы живые его родственники и не знаем до сих пор место его захоронения. А как бы хотелось побывать на его могилке, посыпав землю с родного края и отдать последние почести человеку, павшему в боях за Родину. Пусть земля ему будет пухом!

Средний брат Михаил Александрович Кунаков родился 14 ноября 1923 года в селе Курдюки Инжавенского района Тамбовской области. В школьные годы учился в этом селе. После окончания неполной средней школы поступил учиться в железнодорожный техникум в г.Тамбове, попутно учился в аэроклубе, но окончить ни то, ни другое не довелось, так как началась война и он был призван в ряды Красной армии. Направили его проводить военную службу на Урал в г.Тагил, где его зачислили в Танковое училище. Окончив это танковое училище, ему было присвоено звание техник-

лейтенант и направили его в танковые войска механиком-водителем тяжелой самоходноартиллерийской установки 152 мм орудия (САУ-152) в танковый Тацинский корпус. В боях за нашу советскую Родину его установку подбили немцы, а он в это время был тяжело ранен в лицо. Осколок от брони своей установки прошел за глазное яблоко, перебив при этом глазной нерв, и он при этом потерял зрение одним глазом до конца своей жизни. Долгое время лечился по госпиталям, а врачи сохранили ему зрение другого глаза. После излечения в госпитале был направлен в лагерь для военнопленных немцев, где работал инспектором по технике безопасности в одной из шахт в Донецкой (тогда Сталинской) области в пригороде Сталино – Лидиевка.

После того, когда военнопленные были отправлены по домам в Германию, его направили работать в г.Катык (Шахтерск) государственным пожарным инспектором Шахтерского района. Проживал он в то время вместе с семьей по ул.Франко (этот дом сохранился до сих пор), куда мы с Раей переехали после увольнения из Советской армии. Прожили мы в их квартире сравнительно не долго, когда нам была предоставлена квартира благодаря усилиям Михаила Александровича. И так мы стали жить в одном городе, потом построили себе дома, я по ул.Жуковского, д.№1, он по ул.Грибоедова, их дом перешел другим хозяевам. С 1957 года, когда мы приехали на жительство в город Шахтерск и по 1980 г. мы проживали совместно в этом городе в совместном понимании друг к другу. Часто собирали всякие гулянки, жили, веселились, работали, не забывая и уважая друг друга. И вот пришла беда, когда Михаила Александровича не стало, он скончался от инфаркта прямо на работе, зайдя в своей кабинет, и бездыханно упал на пол. Народ – работники вневедомственной охраны, а он был, когда то начальником охраны высоко оценили его заслуги, установив на его могиле памятник из черного гранита. Вечная память тебе Михаил Александрович, которую мы живые сохраним о тебе.

Думаю, что я почти полностью закончил свое повествование о своем житие-бытие, где и вы мои дорогие внуки родились и выросли в

г.Шахтерске. Теперь вы все у нас с бабушкой стали взрослыми людьми и дай Бог вам счастья и славы, которую вы заработаете своим отношением к труду.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Не хотелось бы так начинать свое послесловие, вспоминая о слове война. Войну, которую я пережил участвуя в боях за всю Украину, Венгрию, Австрию, Чехословакию, столицы этих стран, которых пришлось мне освобождать с жестокими боями и потерями человеческих жизней.

Война – это вещь очень суровая и жестокая, где воюющие стороны ведут боевые действия по уничтожению живой силы, т.е. людей, где бывший Советский Союз, это огромное государство было, и славно защитили его от вражеского нашествия.

Хотелось бы привести вам пример со своей деревни Комаровки Рассказовского района Тамбовской области, где родился и вырос до 18 лет, а потом взяли в 1942 году в армию, и больше я в своей деревне не проживал.

Так вот в нашей деревне далеко не самые точные данные о деревенских потерях за время войны. В деревне нашей где-то 106 (сто шесть) домов может немногим и более, и вот потери в каждом доме по одному, а в некоторых домах по 2 и 3 человека погибших. Из всей деревни только в двух домах, участвовали в боях по 3-4 человека и все вернулись до дому живыми, это в доме Мурзиных участвовало 4 и вернулись 4 и моего дяди по отцовской линии Сергея Степановича участвовали 3 и живыми осталось трое. А деревня Комаровка потеряла погибшими в боях и пропавшими без вести пропавшими 106 человек. Думаю, что это не совсем точные данные, так как подсчет я проводил со своей сестрой бабой Тоней в теперешнее время, а ведь люди не постоянно живут в одном месте, а ежегодно мигрируют, переезжая в одного в другое место. А как известно Советский Союз потерял убитыми и пропавшими без вести более 20 миллионов человек. А кто считал? Так вот мой брат Анатолий и теперь остался в списках пропавших без вести.

Теперь мы живем вот уже 60 лет без войны. Пусть и не всегда не доевшие за день, но не гремят боевые действия, вот уже скоро будет 60 лет (это будет май 2005 г.).

Мы с бабушкой радуемся и гордимся вами, наши дорогие внуки, что вы уже взрослые люди не из глупых семей, что касается нашего сына Вячеслава и Александра. Ну хотя бы:

Людмила – самая старшая внучка и училась хорошо в школе и институте и к тому защитила кандидатскую диссертацию и теперь готовится преподавать в одном из институтов гор. Донецка. Пожелаем ей доброго желания, славных успехов в своих делах доброго здоровья на долгие годы. Кроме всего мы с бабушкой этой внучатой семье, которые родили для нас первого правнука Андрея, они Людмила и Володя заслужили самых больших похвал. Мы с бабушкой желаем вам, крепите заслуженную семью в вашем новом доме. Время придет он, дом, будет полностью отстроен, когда бы это не было. С новосельем, вас, со всеми удобствами!

Александр – инженер-механик, дисциплинирован на рабочем месте и в семейной жизни, умеет трудиться, и пользуется уважением среди своих сотрудников. Так наш дорогой второй внук вместе со своей супругой Светланой крепите свою семью и будьте всегда уважительными людьми в окружающих вас массах.

Артем – у него не закончена учеба. Остался один год, и он также будет горный инженер-механик. По характеру он умно рассуждает, не хвалится своими успехами в учебе и разносторонних делах. Так держать, и только держаться намеченной цели. Вперед! Вперед!

Юля – наша юная и самая малая внучка. Она молодец. Она уже работает, а это ох как важно в теперешней жизни. Всего тебе хорошего. Трудись и здравствуй в своих делах. Будь всегда счастлива и оправдана в теперешней жизни.

И еще мы желаем с Вашей бабушкой терпения, всегда поддерживать связь и встречи между собой внуками, со своими близкими родственниками

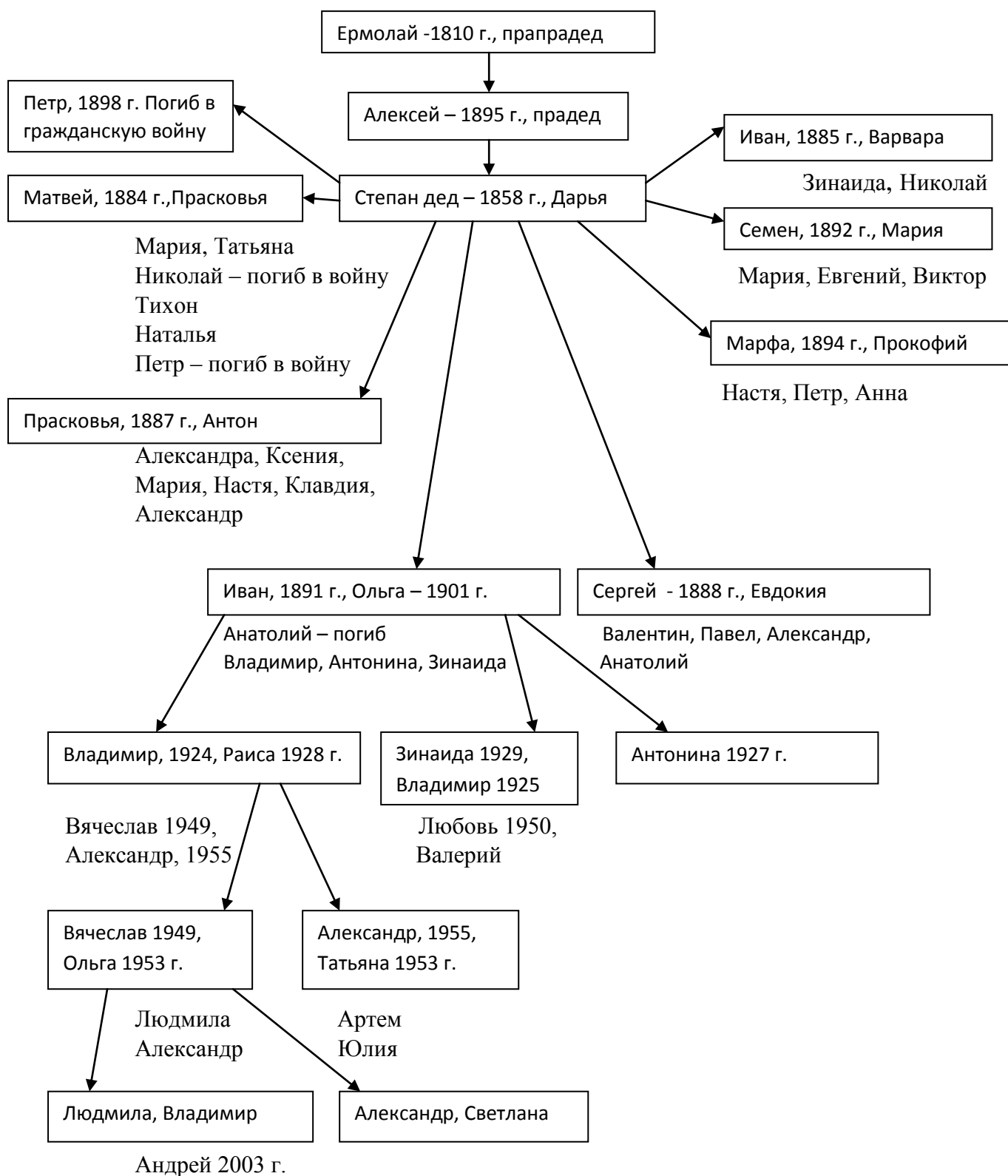
и будьте всегда на своем месте. Не теряйте самообладания и уважения друг к другу. Не ревнуйте и не завидуйте, а терпеливо стройте свою жизнь как многие другие. Время идет вперед, и я думаю к лучшему.

Дорогие мои внуки: Людмила, Саша, Артем, Юля. Вот и закончил я свою писанину. Знаю, что касается стиля и изложения, мое письмо далеко от работ писателей-профессионалов, но все содержимое в этом написанном взято из моей дурной головы. Дневников я никогда не вел, все, что осталось в моей голове, после столь длительного времени, когда я взялся за эту работу. А время длительное прошло и многое выветрило из головы моей. Если и осталось что, то всего лишь 40-50%. Как мне думается, писал я строго для своих внуков. Пусть они вспоминают, что мы делали еще не будучи Вас, а так же и при Вашей совместно с нашей жизнью.

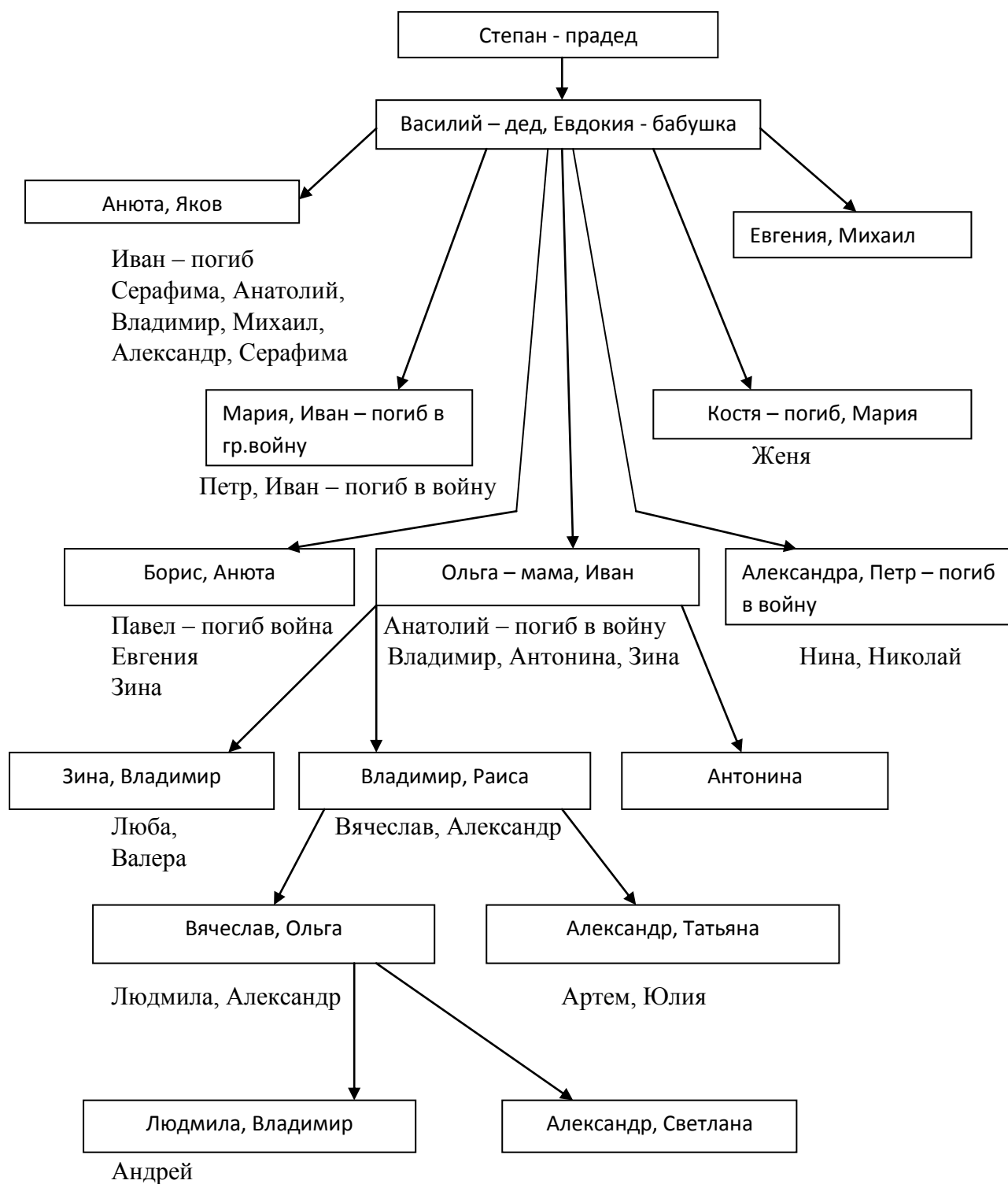
Жалею, что поздно хватился за эту работу и главное многое неясного в нашей родословной. Надо было писать тогда, когда ещё был жив мой отец или даже, когда были живы дед и баба по материнской линии. Теперь надо немного подправить свое содержимое, устранить ошибки и на этом закончить. Простите меня дорогие мои внуки за столь незаслуженное содержание. Смог как мог.

Родословные корни мои Крылова Владимира Ивановича

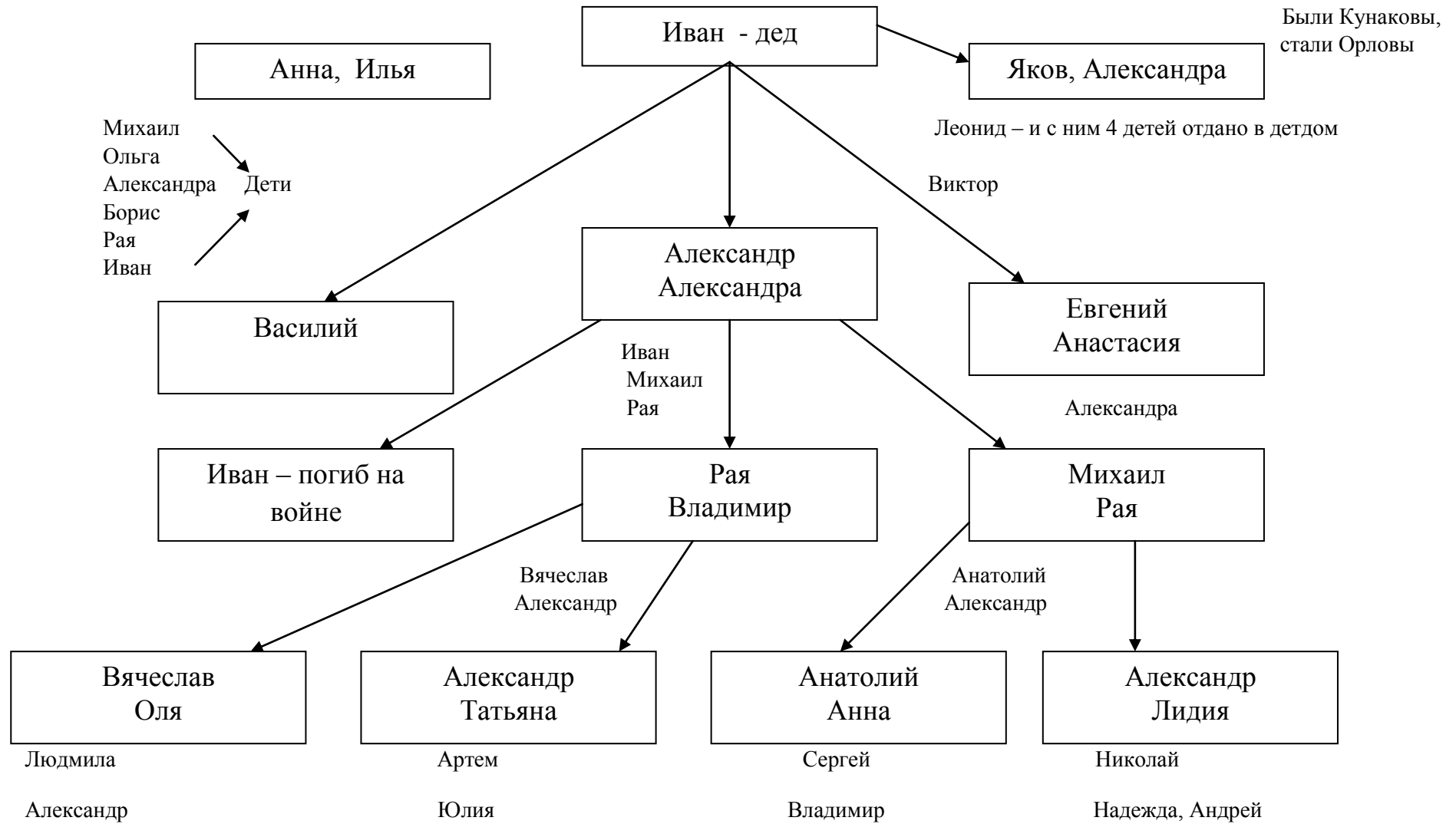
Отсюда по-деревенски были мы Ермошины

Родословные корни по материнской линии Владимира

Родословные корни Раи по линии отца

Родословные корни Раи по линии матери

